

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

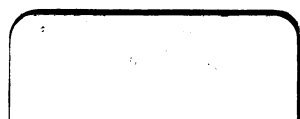
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГІИ, СЛОВЕСНОСТИ

и

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

*Мы одно любимъ, одного желаемъ: лю-
бимъ Отечество; желаемъ ему благоден-
ствію еще болѣе, нежели славы; желаемъ,
да не измѣнится никогда твердое основа-
ніе нашего величія; да правнла Мудраго
Самодержавнаго и Свѣтлой Вѣры болѣе и бо-
лѣе укрѣпляютъ союзъ вѣстей; да цвѣ-
тетъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго,
долго, если на землѣ нѣтъ нѣкого без-
смертнаго, кромѣ души Человѣческой!*

КАРАМЗИНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 2 9.

P Slav 613.10
Slav 20.48

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
11 DEC 1924

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра сей книги.
Москва, 2 Мая, 1829.

Цензоръ Владимиръ Измайловъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ XVII, XVIII, XIX и XX.

І. И С Т О Р І Я.

СКАЗАНИЕ О ПОВОИЩѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО.

Сіе епико - историческое описаніе победы Великаго Князя Димитрія надъ Мамаемъ находится неполное въ разныхъ сборникахъ и лѣтописяхъ; полное, здѣсь помѣщаемое, описано Профессоромъ Московскаго Университета Р. Ѳ. Тимковскимъ, моимъ незабвеннымъ наставникомъ, и подарено, въ списокъ, Обществу Исторіи и Древн. Росс. Гмъ Профессоромъ Н. Н. Сандуновымъ. Гг. К. Ѳ. Калайдовичъ и П. М. Спроевъ первые извѣстили о семъ драгоценномъ памятникѣ письменности Руской, о коемъ упоминаетъ и Карамзинъ въ V ш. Исторіи Государства Росс., въ прим. 65, обозначая два описанія битвы Великаго Князя Димитрія Московскаго съ Тапарами — одно дѣйствительно историческое и современное, находящееся въ *Ростовской* и въ иныхъ достоверныхъ лѣтописяхъ, а другое, напечатанное въ *Кіевскомъ Синописи* и *Никонов-*

ской лѣтописи баснословное и сочиненное, по предположенію Исторіографа, въ исходѣ XV вѣка Іереемъ Рязанскимъ Софроніемъ.

Издаваемая теперь мною рукопись, помѣщенная въ Сборникъ Тимковскаго, писанномъ ушавомъ въ началѣ XVII вѣка, въ 4, во многомъ основана на изустныхъ преданіяхъ и сходна съ Росш. лѣтописью. Чтò сія *умильная* повѣсть, какія встрѣчаются въ лѣтописяхъ нашихъ, есть современная, что доказываютъ слѣдующія въ ней слова: *сеже слышатомъ отъ вѣрнаго самовидца*. Незвѣстному сочинителю оной была извѣстна Игорева пѣснь: сіе подтверждается сходствомъ изображеній, оборотовъ и даже словъ. Такое сходство замѣчено и Г-мъ Калайдовичемъ въ XI часпи Трудовъ Общества Любителей Рос. Слов. — Достоинствомъ своимъ сія повѣсть ниже Игоревой пѣсни, хотя въ ней есть мѣста истинно пиписческія и общбщательства для Исторіи важныя; но рассказъ не рѣдко прерывается позднѣйшими вставками, шексами изъ Св. Писанія, рѣчами и молитвами дѣйствующихъ лицъ, искажаемая анахронизмами, по видимому, не всегда принадлежащими самому сочинителю (*).

Въ разныхъ спискахъ дѣланы были или сокращенія или дополненія; такъ на пр. въ Ермолаевскомъ и моемъ есть мѣстные подробности, относящіяся къ Троицкой Лаврѣ:

(*) У меня есть вѣрный списокъ Слова ѿ жити и ѿ преставленіи В. К. Дмитрія Ивановича Царя Рѣскаго, XVI в. изъ Лѣтописи Голицынской.

изъ чего заключить можно, что оный шмъ писанъ. Кромъ варіаншовъ, заимспвованныхъ мною изъ двухъ списковъ: Ермолаева, сходнаго съ Синодальнымъ (*) № 365, и Сборника (**) мнѣ принадлежащаго, для объясненія, поправленія и соображенія я указывалъ на параллельныя мѣста въ нашихъ лѣтописцахъ и другихъ письменныхъ памятникахъ. Значеніе нѣкошорыхъ словъ для насъ поперяно.

Опытнѣйшимъ нашимъ Археологамъ и Филологамъ предоспавляется дополнишь недоспашки сего изданія, коимъ исполняя препорученіе Московскаго Общесшва Ишпори и Древностей Россійскихъ, я желалъ оказашъ услугу любителямъ и знашокамъ древней нашей Словесности посредспвомъ Журнала, посвященнаго Ошечесшвенной Ишпори и Словесности.

Содержаніе сего сочиненія слѣдующее: Вступленіе. Пригошовленіе къ битвѣ В. К. Димитрія. Вспущъ и смощръ войска. Раскайнё Ольга и Ольгерда. Переходъ черезъ Донъ. Распоряженіе войска и приведеніе онаго въ боевой порядокъ. Описаніе примѣшъ предъ битвою. Описаніе самой битвы. Заключение.

И. С.

(*) Доспавленъ мнѣ въ собспвенноручномъ спискѣ Гм. Спашскимъ Совѣщникомъ В. Г. Анастасевичемъ. Въ библ. Графа Ѳ. А. Толскаго ешъ нѣсколькo списковъ сей повѣспи.

(**) XVII вѣка. Въ немъ нѣшъ вступленія, а начинешся съ словъ: *Скудость же бытъ оума во главѣ его* — и оканчиваешся: *и приде на градъ Москву и сле на своемъ княженіи и царствуетъ вѣкии.*

СКАЗАНИЕ О ПОБОИЩѢ ВЕЛИКАГО КНЯ- ЗЯ ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО.

Сія повѣдай, оуранъ (1), како случися на Дону православнымъ христіаномъ з безбожными Агаряны, како возвыси Господь родъ христіанскій, а поганыхъ оуничжи и посрами ихъ суров'ство, якоже иногда Гедѣномъ Мадіама низложи, и православнымъ Моисеомъ Фараона. И нынѣ подобаешъ вѣдати намъ величія Божія, како шворить Господь волю боящимся его, и како пособи Господь Богъ православному, великому Князю Димитрію Ивановичю Владимирьскому надъ безбожными Агаряны (2). Лѣша же шого попущеніемъ Божиимъ ош наученія діаволя воздвигся царь ош восточныя sprawy имянемъ Мамай (3), Еллинъ сы родомъ, вѣроу идоложрецъ, иконоборецъ злый, христіанскій неѣзависѣтникъ и укорисель, и вниде въ сердце его діаволь под'спрекашель, иже всегда пакоси дѣя христіаномъ, и науспи его разорити православную вѣру всему христіанству, да не сла-

(1) Не есть ли ешо обращеніе къ *Ураніи*, одной изъ девяти Музъ, дочерей Юпитера и Мнемозины, или къ *Урану*, ошцу Сатурна, который принимается, вмѣсто неба (*οὐρανός*)? ср. *Кедрина*. 102. 83. — *Никон*. Л. IV. 254, 255, 279. *Ерм.* Хотемъ, братель, начати повѣсти новыя побѣды, и пр.

(2) *Ерм.* Татары.

(3) *Руск. врем.* I. 2. 80. *Еллинами* въ Св. Писаніи и въ Кормчей кн. называются язычники, иногда здѣсь шже чшò поганые и *Татары*.

випись в нихъ имя Господне в людѣхъ
штѣхъ. Господь чтоощеть, шо и шворишь.
Тойже безбожныи царь Мамай нача завидѣ-
ти первому Башыеву (1), и второму безбож-
ному Бапью (2), и нача испышоваши спар-
ыхъ Еллинъ (3): како Башый пленилъ Ки-
евъ, и Володимеръ, и всю Русь Словен-
скую (4), и како уби Князя Юрія Димит-
ріевича, и мнози православныи Князи из-
би, и мнози манашыри плени и осквер-
ни вселенскую пречисную церковь, раз-
граби злато; и бышь ослѣпленъ очима.
Тогоже неразумѣша нечесливии, яко Госпо-
ду годѣ, шако да и будешъ, якоже во иныхъ
дни Иерусалимъ плѣненъ бышь (5), и по-
томъ мерскимъ царемъ Навход'носоромъ Ва-
вилонскимъ за ихъ согрѣшеніе. Но не до
конца прогнѣвается Господь, ни вѣвѣки
враждуешъ. Слышавъ же безбожныи царь
Мамай (6), и нача діаволомъ палимъ быши
непрестанно, рапуя на христіанство, на-
ча глаголаши ко своимъ оупатомъ (7) и
Княземъ и оуланомъ (8): яко нехошу азъ
шако швориши, како Башый (9); азъ Кня-

(1) *Никон. Л. VI. 111.*

(2) *Ерм. и новому законопреступнику Юліану воз-
ревновавъ.*

(3) *Никон. Л. VII. 29, 327, 334, 335.*

(4) *Ерм. землю Рускую.*

(5) *Ерм. Титусомъ Римскимъ. Никон. Л. IV. 351.*

(6) *Ерм. отъ своихъ Агарянь.*

(7) *Ерм. Евпатомъ. Ник. Л. VI. 179. Янкупатомъ.*

Греч. ὕπατος, чиновначальникъ.

(8) *Ерм. воеводамъ. Царств. кн. 52. — Рег. Moscov.
scriptores, p. 76.*

(9) *Ерм. егдаже бо дойдемъ руси, убію и пр.*

зи ихъ из'ждену; а кошорые государи красные, шѣхъ хошу видѣши (1) шихо и безмяшечно (2). Но рука Божія высока. По малехъ же днехъ, по глаголахъ его, царь Мамай перевезеся великую рѣку (3) Волгу со воѣми силами своими и многи орды совокупн съ собою и глаголя имъ: „Яко обогащѣете рускимъ златомъ, и пойдѣ на Русь сердишуя (4) яко левъ, пыхая яко неуполима ехидна; дойдеже до усть рѣки Воронѣжа и распусти облавѹ свою, заповѣда оулусомъ (5) своимъ, „яко да ни единъ у васъ пашешъ хлѣба: будише гопови на Рускую землю на хлѣбы!“ Слышав же шо Олгъ Резанскіи, яко царь Мамай близъ кочюешъ, а ѣдетъ на Русь ранію, споишъ на Воронѣже; а ѣдетъ на Великаго Князя Димитрія Ивановича (6). Бысть же оу Олга Князя Резанскаго скудосъ оума во главѣ, и сашана оухищреніе вложи въ сердце его; нача посылати послы къ Мамаю царю со многою честію и дарьми; ярлыкъ же свой писа к нему сиче: „Воспочному (7) царю Мамаю швой посаженный присяжникъ (8)

(1) *Ерм.* и шу сядемъ вѣдаши, шихо и безмяшечно поживемъ, невѣдый шого, яко. . .

(2) *Никон. Лѣт.* V. 267. VII. 29. *Царств. кн.* 15, 32.

(3) *Ерм.* Оку и Волгу.

(4) *Ерм.* ревый, яко левъ дыхая.

(5) *Ерм.* улусникомъ; въ *Снг.* оуланомъ. — Oblava. Г. Линде производитъ ешо слово отъ *ловъ*.

(6) *Продолж. древ. Висліовки.* IV. 177, 192.

(7) *Ерм.* приб: вольному.

(8) *Ерм.* швой посажникъ.

Олгъ Резанскій, слышахъ шя господина моего милоспива, хочещи ишъши на Русь на своего посаженника и служебника, на Князя Димитрея Московскаго, огрозилъся ему хочещи; нынѣ же, господине, приими (1) время ешъ, злата и богашества наполни-ся земля его. И тако бо вѣмъ, всевъш-ный (2) царю, яко крошокъ ешъ чело-вѣкъ Димитрей; егда же оуслышишъ имя (3) яросли швоея: то ошбежишъ ошъ тебе в дальныи ошѣкъ, гдѣ ешъ мѣсто пусто и неключимо (4); злато же и богашество (5) все будешъ во швоихъ рукахъ. Мѣне же раба швоего, царю, держава швоя пощадишъ; азъ бо ши Русь велми оуспрашаю и Князя Димитрея (6). Но и не то одно, царю, егда о своей обидѣ и швоимъ имянемъ по-грожу ему; а онъ о шомъ не радишъ, еще де градъ мой Коломну взялъ за себя, да о шомъ о всемъ молю шя, царю, не презри моленія моего.“ Ярлыкъ описавъ, посла же не пославъ, но посла посолство къ велико-му и велерѣчивому и к вельоумному Олгир-ду Лишовскому (7), смысливъше худымъ своимъ оумомъ, и дйса грамоту сице: „Велѣ-

(1) *Ерм.* приспѣ.

(2) *Ник. Лѣт.* IV. 133. и *Смг.* всевъшлый.

(3) *Ерм.* и.

(4) *Ерм.* въ дальняя свои сшраны Кн. Вел. Димитрій, любо въ Новгородъ великій, любо на Двину.

(5) *Ерм.* приб.: Московскаго.

(6) *Ерм.* приб.: Ивановича, и еще Царю молю шя оба есмы швои рабы и я велику обиду прияхъ ошъ шогожъ Димитрія Вел. Кн.

(7) *Ник. Л.* Ягайлу Олгердовичу.

кому Князю Олгирду Лишовскому Олгъ Резанскіи пишу радовашися. Вѣдаю бо, яко издавна мыслилъ еси на Московскаго Князя Димитрія изъгониши его, а Москвою (1) владѣши: нынѣ же приспѣ время намъ; яко великіи царь Мамай идесть на него и хочещь пленити землю его. Нынѣ же приложимся (2) и мы к нему, да шебѣ дастъ Москву и ѳныя присяжныя грады, а мнѣ Коломну (3) и копорые близъ Муромъ и Володимеръ. Ты же и азъ пошлѣмъ послы к нему и дѣры, елико имамъ какіе, и пиши книги к нему, елико самъ вѣси паче мене. Азъ же писахъ, но не послахъ, хочущу со едиѣнаго с тобою и жду швоего посларя.“ Придеже посолъ и'вдасть грамоту Олгирду въшъ Волга (4). Олгирдъ же прочесть грамоту, и радъ бысть и похваливъ друга своего Олга великою похвалою. Посла посолъ свой ко царю и дѣры безчислѣнныи, и книгу писавъ к нему сице: „Великому восточному царю Мамаю Князь Волгирдъ Лишовскіи многу милоспѣ. Слышавъ, господине, хочещи оулуйсь свой казнить (5) и Московскаго Князя Димитрія, да того ради молю шя, царю, яко обиду (6) сотвори Олгу Резанскому, а мнѣ шако же пакоспи дѣя. Но молимъ шя оба, да при дѣржавѣ царсц-

(1) *Ерм.* Московскою землею.

(2) *Ерм.* приложимся.

(3) *Ерм.* Коломну, и Володимеръ и Муромъ, иже ошъ моя власпи.

(4) *Ерм.* вѣ. Олга.

(5) *Ерм.* своего служебника М. К. Д. и пр.

(6) *Ерм.* пакоспѣ.

вія твоего (1) видишь швое смотреніе нашу грубость ошъ Московскаго Князя Димипрея. Все же глаголюшъ лестію на великаго Князя Димипрея, и ркучи в себѣ: егда оуслышишь имя швое царево и нашу присягу к шебѣ (2): то опбежишь въ великии Новѣградъ, или на Двину, а мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда царь не придетъ (3) и мы ему бѣлая сихъ сряще (4). Царь же возвратишся, и мы и (5) Княженіе Московское раздѣлимъ инѣквинъ (6), иной къ Резане. Но и вѣдаемъ, яко царь имаетъ ярлыкъ даши намъ и родомъ нашимъ.“ Но сами ся невѣдающе, что глаголютъ, яко несмыслени и млади оумомъ, аки не вѣдуще Божія силы и владычнія смотренія. Богъ даетъ власть ему же хоцешъ. По истиннѣ бо рече (7): аще кто деръжишся добродѣтели, то не можешъ безо многихъ враговъ быти. Князь же Димипрей Ивановичъ образъ смиренномудрія нося и, смиренія во высокихъ ищешъ, еще же не чюже бывшихъ сихъ, иже совещаща на него, ближніи его. О таковыхъ бо рече Пророкъ: не помысли ближнему своему зла, щоба не постигнешъ. Той же цаки рече;

(1) *Ерм.* приб.: на отоки швои.

(2) Правильнѣе, чѣмъ у *Ерм.* к нему.

(3) *Ерм.* егдаже придетъ.

(4) *Ник. Л. IV.* 250.

(5) Не имый ли?

(6) Въ *Ерм. сл.* етаго нѣтъ; Г. Анастасевичъ думаетъ, что должно читать: *ино къ Двинѣ?* Въ *Снг. сл.*: ово к Вилне.

(7) *Ерм.* Аще кто ко Богу вѣру держишь зъ добрыми дѣлы и во правду въ сердцѣ имѣяй, не можешъ быти безъ многихъ врагъ.

изрыи яму, самъ въпадешся в ню (1). Придоша же (2) книги по сорченному словеси ошъ Олгирда Лишовскаго, и ошъ Олга Рязанскаго къ безбожьному царю Мамаю и дары многочеспныи вдаша ему и книги писаны. Безбожныи же возрвъ писаніа (3) и рече: „облестымъ сіе писаніе (4).“ И нача думати со алпаоушы своими; они же разумѣша, яко прилѣжно писаніе ихъ. И рече царь: „Азъ чаяхъ, яко во едино совокуплени будушъ на мя; нынѣ же разумѣю, яко разность между ихъ велика естъ. Имамъ оубо на Русь быши.“ Пословъ же шѣхъ чествовахъ, ошпусти ихъ, а писаніе писа Олгирду Лишовскому и Олгу Рязанскому: „Елико писасте ко мнѣ, познахъ, а на дарѣхъ вашихъ хвалю вамъ. Колико хочете Рускія волчины, шѣм васъ одарю; шокмо присягу ко мнѣ имѣйше; нынѣ же срѣшше мя съ своимъ силами, гдѣ оуспѣше, да одолѣше своего недруга, а мнѣ ваша пособъ недобръ надобна. Аще бо хощѣлъ, шю и своею силою древній Иерусалимъ пленилъ быхъ. Но чщи вашей хощу, а моимъ именемъ и вашею рукою распушенъ (5) будешъ

(1) *Ерм.* Не сотвори сусѣду своему, ни ближнему своему зла, ни рый, ни подкопывай подъ другомъ своимъ ямы, самъ бо горше въ ню вверженъ будеши. *Псал. VII. 16.* Сей шексѣ превращенъ въ народную пословицу.

(2) *Ерм.* послове ошъ Олгерда и Рязанскаго.

(3) *Ерм.* Царь Мамай воспріа дары съ любовію и написанныхъ книгъ разслушавъ и пословъ чествовавъ, ошпустивъ и писаніе ошписавъ Олгерду Лишовскому и Олгу Рязанскому.

(4) *Рег. Моск. scriptores. 76. — Ник. Л. IV. 86.*

(5) *Ерм. и Сиг.* распушенъ ошъ глаг. распудашъ.

Князь Димитрей Московскій, да огрозился имя ваше во странахъ вашихъ. А мнѣ бо достойше побѣдиши царя себѣ подобна и довлѣетъ ми царска чesть. Сиде Княземъ своимъ рече (1).“ Послы же возврашишася к нимъ, и повѣдаша, яко царь здрависъ, велми хвалишъ. Они же возрадовашася о суешнѣмъ привѣще скуднымъ своимъ оумомъ, что оубо сихъ нареку. Аще бы врази были себѣ: то особную брань сошворили, нынѣ сѣя глаголы что естъ едина вѣра и едино крещеніе, а поганому приложилися и вкупѣ з безбожнымъ хошашъ гонити православную вѣру. О шаковыхъ рече Паперикъ: по истиннѣ бо отсѣркошася (2) своя масліны и присадишася к дикой маслинѣ. И тако сѣи безбожнии отвергошася вѣры христіянскія, прильпишася к безбожному. Олгъ же нача паче поспѣшивати и слаши послы к Мамаю царю, и рече: „подвизаися скоро.“ О шаковыхъ бо рече Писаніе: о неразъсуженія пуши беззаконныхъ не спѣють, но збирають себѣ досады и понось; правыхъ же пушіе спѣють. Нынѣ сего Олга нарече втораго Святополка.

Слышавъ же по Князь Димитрей Ивановичъ, яко грядетъ на него безбожнии царь Мамай, и неуклонимая рать (3) на Христову вѣру, поревновавъ неизглаголанному Башыеву. Князь же Великіи Ди-

(1) *Ерм.* яко иду къ нимъ со миромъ, только срачуютъ мя съ вои своими.

(2) *Ерм.* отсѣркошася своя масличины.

(3) *Ерм.* неуклонно яряся.

мишрей Ивановичъ опечалился вел'ми от безбожнаго нахожденiи, и спавъ предъ иконою (1), иже стоишь в'возглавii ему и падъ на кол'но, поклонився, Ача молишися предъ образомъ и рече: „Аще, Господи, смѣю молюшися смиреннии рабъ швой, проспри оуныниѣ мое, на шя оуповаю, Боже мой, разверзи, Господи, печаль мою! Ты бо еси свидѣшель намъ, Владыко! Не сошвори намъ, якоже опщемъ нашимъ, якоже наведе на градъ нашъ злаго Башыя (2) и еще шощъ спрахъ и шрепешъ в насъ великъ ешъ. Нынѣ же, Господи, не до конца прогнѣвайся на ны; вѣмъ бо, яко мене ради грѣшнаго хощеши истребиши землю Рускую. Азъ бо согрѣшихъ предъ тобою паче всѣхъ человекъ. Сошвори, Господи, ради слезъ моихъ милосшъ свою и оукрѣпи сердце мое ко свирѣпому, якоже Езекиѣ възвысився и рече: на Господа оуповах и не изнемогу (3).“ И посла по брата своего по Князя Владимира Анѣдрѣевича; онъ же бѣ во своей державѣ Боровскъ (4) и посла по вся воеводы, и по мѣспныя Князи (5). Князь же Владимиръ Анѣдрѣевичъ приѣхавъ борзо во градъ Москву и мнози (6) Князи и

(1) *Ерм.* свяшою иконою Господня образа.

(2) *Ерм.* иже наведе на ны и на вся грады ихъ злого Башыя.

(3) *Ник. Л.* IV, 86.

(4) *Ерм.* во своей бо бѣше ему обители въ Боровицкѣ, и по всей землѣ разславъ гонцѣ.

(5) Въ *Ерм.* приб.: повелѣ имъ скоро быши къ себѣ на Москву.

(6) *Ерм.* вси.

воеводы съехашася. Князьже Великий Димитрей Ивановичъ поимъ брата своего Князя Владимира, иде ко Преосвященному Мишрополисту Кипрѣяну⁽¹⁾ и рече: „Въси ли, опче, господине, настоящую бѣду на насъ, яко царь Мамай идеть на насъ в не-оукрошимъ образѣ и яроспи (2).“ Пресвѣщенныи же Мишрополишъ Кипреянъ рече Великому Князю Димитрею: „Повѣждъ ми, господине, чимъ еси неизправился к нему?“ Князь же Великій Димитрей Ивановичъ рече: „Исправиль бо ся, опче, всѣмъ до велика к нему, по оусшаву (3) отецъ своихъ; но еще и боле того воздахъ ему.“ Преосвященныи же Мишрополишъ рече Великому Князю: „Видиши ли, господине, по-пущеніемъ Божиимъ, нашихъ ради грѣховъ, идеть плениши в Рускую землю. Но вамъ подобаетъ Рускимъ Княземъ шѣхъ оуполиши ради кресътянскаго роду чешверицею сугубою, дабы не разрушилъ хрістовы вѣры. Аще ли не смиришся: шо Господь гордымъ прошивишся, писано естъ, а смиреннымъ благодасть даеть. Господь Богъ смиришъ его (4), якоже иногда случися великому Василию в Кесаріи. Идыи на него злыи преступникъ ис Персъ, хошя разориши

(1) Вел. Кн. Димитрій по Троицкому, Ростовскому и другимъ лѣтописцамъ, кромѣ Никоновскаго, за Кипріаномъ послалъ во время нашествія Тохшамыша, а Кипріанъ пріѣхалъ въ Москву 1381 года.

(2) *Ерм.* неуклоннымъ образомъ яроспь нося.

(3) *Ерм.* преданію.

(4) *Никон. Л. IV.* 235.

градъ его; онже помолися Богу со всѣми Хрістіяны, и собраша злапа много, дабы ошступника оушполиши. Онъ же болъ воз'явився, и Господъ посла на него вѣйна своего Меркурія: онъ же оуби гонителемъ мечемъ невидимо (1). Нынѣ же возми, господине, злапа, колико имаети, и пошљи к нему, исправися емоу.“ Еще Князь Великій Димитрей Ивановичъ слышавъ ошъ Архиепископа (2), иде з брапомъ своимъ въ казну свою и въземъ злапа много, нача избирати юныхъ ошъ двора своего, и избра юношу доволна смысломъ имянемъ Захарію Тѣшкова (3) и давъ ему два шолмача, оумѣющу языку Еллинскому и злапа много ошпусти с нимъ ко Царю. Захарія же дойде земли Резанскіе, и слышавъ то, яко Олгъ Резанскій и Олгирдъ Липовскій приложилися (4) к Мамаю Царю, и посла к Великому Князю шайно посла, Князь же Великій слышавъ то з брапомъ своимъ, начаша сердцемъ двизашися, оба яроспи и гореспи наполнився, сшавъ нача молишися: „Господи Боже мой, на шя надѣюся в правду (5), шы бо еси волю швориши любящимъ шя; аще ми врагъ пакосши дѣя, то подобаетъ ми прошиву его ишши, яко искони есшъ врагъ хрістіянству. Но с нимъ друзи мои и ближніи мои шако на мя оумы-

(1) *Архангл. Л. 45.*

(2) *Никон. Л. IV. 70, 193: VII. 118.*

(3) *Ерм. Тушинина.*

(4) *Ерм. приложисшася.*

(5) *Ерм. правду любящаго.*

слиша, Суди, Господи, по правдѣ между ихъ и мною, азъ бо ни единого зла сотворихъ имъ, развѣ чщи и даровъ ош нихъ пріяхъ, имъ и воздахъ. Но суди, Господи, по правдѣ моей, да нескончаешся злоба грѣшныхъ (1).“ Поимъ же брата своего Князя Владимира и иде вдругіе къ Преосвященному Мишрополисту Кипреяну, повѣдай ему, какъ (2) приложилися и совокупилися съ Мамаемъ. И рече Преосвященный Мишрополистъ Кипреянъ: „То и самъ паки, Князь, же вѣси, кою обиду сотворилъ еси имъ?“ Князь же Великій прослезився, рече: „Азъ есмь, господине, грѣшный человѣкъ предъ Богомъ, а к нимъ ни единою чершою не прешунихъ по ошець своихъ оусшаву, но и самъ, ошче, вѣси, яко доволенъ есмь опчиною (3) своею. Но к нимъ кою обиду сотворилъ, не вѣмъ; что ради оумножмась спужающей ми (4)?“ Преосвященный же Мишрополистъ рече к Великому Князю: „Просвѣши, господине, очи свои веселемъ. Ты самъ, господине, разумѣши законъ Божій. Кто шворай правдъ, неподвижущся на него человѣцы, яко праведенъ Господъ и правду возлюби: нынѣ обыдоша, аки пси мнози (5); пустошныхъ суешно

(1) *Несторъ*, изд. Р. Ѳ. Тимковского, стр. 101. — *Никон. А. VII. 329. Псал. 7. 9.*

(2) *Ерм.* яко Олгердъ Лишовскій Князь и Олегъ Резанскій совокупишася на ны.

(3) *Никон. А. IV. 95.*

(4) *Псал. 3. 2.*

(5) *Псал. 16. 11.*

Ч. V. No XVII, XVIII. XIX и XX. 2

и щещно поучаюшся. Ты же именемъ Господнимъ прошивися имъ, и Господь правдивъ будешъ ши помощникъ; аще ли ни, шо опъ всевидящего ока его гдѣ можѣши оукрыпшися и опъ крѣпкіи руки его? Князь же Великіи Димитрей Ивановичъ з брашомъ своимъ с Княземъ Владимиромъ и со всѣми Рускими Князи и Воеводы (1), яко оуспавиши спражу шверду, и послаша на спорожу крѣпкіи юноша Родиона Ржевскаго, Якова Оусапаша (2) Анѣдрѣва сына, Василія Тупика, и повелъ имъ ехати (3) близъ орды и до быспрыя Сосны, повѣлъ имъ языка (4) добывати, дабы испинно самышали царева хотѣнія. Грамашы же разославъ Князь Великіи по вѣсмъ градомъ, да будеша гошови на брань и збиритесь на Колдону бишися з безбожными Агаряны. Вси бо на мя собрашася сопоспаша, но помощію Божією и молишвами святыя Богородица, изыдемъ имъ во срѣшеніе. Спорожи же в поле замедлиша, онъ же другія спорожи посла и повелъ имъ вскорѣ возвратишися, а посла Клименъша Полянинова (5), да Ивана

(1) *Ерм.* приб.: здумаша.

(2) *Ерм.* Волосатого.

(3) *Ерм.* на шихомъ Сосые стеречи со всякимъ усердіемъ.

(4) *Disance Gloss. mediae Graec.* γλῶσσα (*Anna Comp.* XIII. p. 324) выражаетъ простонародное Франц.: prendre langue des ennemis. Вѣроятно, Французскіе крестовые войны передали Грекамъ свое выраженіе.

(5) *Ерм.* Поляника.

Свѣслова (1), да Григоріа Судона (2) и иныхъ много с нимъ и (3). Они же орѣпоша Васи-
лія Тѹпика, еще близъ Оки рѣки везуще
языкъ къ Великому Князю. Языкъ же повѣ-
да Великому Князю, яко не должно идесть
Царь на Русь, совокупився со многими ор-
дами и еще с нимъ совокупилъ Олгъ Ре-
ванскіи и Олгирдъ Липовскіи. Не спѣшишъ
бо, Царь того дѣла, яко осѣни (4) идесть,
хощетъ быти на руския хлѣбы; Князь же
Великій Димитрей Ивановичъ слышавъ не-
изложное шаковое восшаніе безбожныхъ и
нача оушѣшашися о Бозѣ, оукрепляя брата
своего Князя Владимира (5) и вои Рускіе
Князи, ркучи имъ тако: „Братія моя, Рус-
скіи Князи и Воеводы и Бояре, гнѣздо ес-
мя Князя Владимира Киевскаго, иже изве-
де насъ ошъ спраши (6) Еллинскіи; ему
же ошкры Господь православную вѣру, мно-
же оному Спрашилашу (7) и пакы ошъ же
заповѣда намъ шу вѣру крѣпче держаши и
побораши по ней; но азъ, братіе, за вѣ-
ру христіанскую готовъ есмь оумерети.“
И рече Князь Владимиръ Андрѣевичъ и вои
Рускіе Князи: „Воистинну, господине, за-
конную заповѣдь крѣпко совершаеши, и свя-
тому Евангелію пославдуеши. Писано бо естъ,

(1) Ерм. Свесланика:

(2) Ерм. Судоконныхъ.

(3) Ерм. приб.: и заповѣда имъ вскоре возвратишася.

(4) Ерм. требуетъ.

(5) Ерм. приб.: Киевскаго.

(6) Ерм. и Слг. смерти.

(7) Ерм. и Слг. Плакидъ.

аще кто поспрашешъ за имя мое, азъ оупокою его. Мы же, господине, гошовимся оумереси и главы своя сложиши за свящны церкви и за Христову вѣру и за твою обиду Великаго Князя.“ Князь же Великій Димитрей Ивановичъ слышавъ отъ брата своего (1) и отъ всѣхъ Рускихъ Князей, яко дерзающе и поборающе по православной вѣрѣ Христовѣ. Князь же Великій рече всѣмъ Князямъ и Воеводамъ быши на Оуспеніе свящнй Богородицы на Коломну, яко да преберемъ полки и дамъ коемуждо полку воеводу (2), В тоже время приспѣли Князи Белозерскій (3) подобни сущъ воиномъ крѣпкимъ вельми доспѣшны и кони воински наравлены подъ ними; прииде Князь Феодоръ Семеновичъ Белозерскій (4), Князь Семенъ Михайловичъ, Князь Андрей Немскій (5), Князь Глебъ Каргаломской (6). И придоша Князи Ярославскій со всѣми силами: Князь Андрей Ярославской, Князь Романъ Прозоровской. Князь Левъ Серповскій (7), Князь Димитрей Ростовскій и иные многіе Князи.

Оуже бо, брателье, не спукъ стучишъ и не громъ грѣмишъ въ славнѣ градъ Мос-

(1) *Ерм.* Володимера Андрѣевича.

(2) Въ *Ерм.* прибавл.: и мнози люди успѣша на Москву къ В. К. Димитрію Ивановичу, едиными усты глаголаху: дайже намъ печеніе совершиши имена твоего ради.

(3) *Продолж. Нестора*, стр. 189.

(4) *Никон. Л.* IV. 42.

(5) *Ерм.* Скимскій.

(6) *Ерм.* Каргапольскій и Цинодокій.

(7) *Ерм.* Кубскій. Снг. Курпѣскій.

квѣ, стучишъ рать (1) Великаго Князя Димитрея Ивановича. — Онъ же ему рече (2): „Елико ши довлѣшъ швоему Государству, что ши будешъ пригоже; и рече ему Князь Великій: „Дай ми, опче, два ѣшера мнижа воводы отъ полку своего: шд и шы с нами пособшнуя.“ И рече ему преподобныи старецъ: „О киихъ, господине?“ Рече же ему Князь Великій а двою брашехъ Обрѣнскихъ

- (1) *Ерм.* а гримашъ Рускіи Цареве злеченыи достѣхъ.
 (2) Въ *Ерм.* и *Сиг.* дополняешся слѣдующимъ очевидный недостатокъ *Тимков. сл.*: Князь же Великій Дим. Иван. поемъ съ собою Володимира Андрѣевича и вси Князь Рускіи преславніи и иде ко Живоначальной Троицѣ ко отцю овоему Сергію Преподобному и благословеніе получи отъ всей обители святыя, и моли Преподобный Сергій его, дабы слышалъ К. В. литшургію свяшую. Приспѣ же день воскресенія на память Св. Флора и Лаура. По отпуштѣ же свяшой литургіи, моли его свяшый со всею братією, дабы вкусилъ хлѣба свяшого. Великому Князю нужно есть, яко придоша къ нему вѣшницы, яко сблизяють поганыи, и моли святого Сергія, дабы ему ослабилъ. И рече ему Преподобный старецъ: „Се ти замедленіе сугубо паспѣшливо будешъ. Не уже бо ши, господине, еще вѣнецъ сея побѣды носиши и минувшихъ лѣтѣхъ, а цнымъ симъ мнозымъ плешунся вѣнцы.“ Князь Великій вкуси хлѣба ихъ. Онъ же въ шо время повелѣ воду освящаши съ мощьми святыхъ мученикъ Флора и Лаура. Князь Великій окоро отъ шрапезы восставъ; Преподобный же окропи его священною водою и все христоволюбивое войско его и дастъ Великому Князю крестъ Христовъ знаменіе на челѣ.
 (3) *Ерм.* нарекій Бога. Господь Богъ да будешъ ши помощникъ и заступникъ, и рече ему тайно: имаша побѣдити супостатъ швоихъ и елико довлѣшъ швоему господству и рече ему К. В. Димитрій и пр.

богдохъ Тресвъшъ и братаго Ослѣбѣ (1); Преподобныи же повелѣ имъ в' борзе готовишися. Они же, яко вѣдоми сущъ ратницы, послушаніе скоро сотвориша (2); преподобныи же Сергіи дасѣхъ же имъ ошъ плѣнныхъ оружіе в'мѣсто (3) неплѣнныхъ, и много швердѣхъ доспѣхъ крестѣхъ Хрістовѣхъ нашихъ на схиѣхъ. И повелѣ имъ в'мѣсто доспѣха возлагати на себя, и дасѣхъ ихъ в'руцѣ Великому Князю, и рече ему: „Се ши оружаницы, а швои излюбленицы (4).“ И рече имъ: „Миръ вамъ, братія моя, поспражитѣ, яко добліи воины Хрістови.“ И всему православному хрістіянству (5) дасѣхъ Хрістово знаменіе, и дасѣхъ имъ миръ и благословеніе. Князь же Великий Димитрей Ивановичъ обвеселися сердцемъ, неповѣда ни комуждо, еже рече ему спарецъ, и поиде ко граду своему Москвѣ, аки нѣкое многоцѣнное (6) сокровище обрѣше, радуется о благословеніе спарче. Прииде же во градъ Москву, поимъ брата своего Князя Владимира, и иде ко Преосвященному Митрополиту Кипріяну и повѣда единому Митрополиту, еже рече ему свяшый спарецъ, и како дасѣхъ ему благословеніе. Преосвященный же Митрополитъ рече ему: „Никому же,

(1) *Ерм.* Пресвъшѣ и Ослаблѣ. См. *Ник. Л.* IV. 235. *Древн. Вѣст.* XX. 211.

(2) *Ерм.* приб.: и не ошвергошася повелѣнія его.

(3) *Царот.* кн. 246.

(4) *Ерм.* изволници. *Татищ. Ист. Росс.* II. 336.

(5) *Ерм.* войску.

(6) *Ерм.* некрадомое.

Господне, неповѣдай сего!“ Князь же Великій иде в ложницу свою, яко же вечеру сущу; приспѣвшу же дни чашвершку, мѣсяца Августа въ кѣ день, на память святыхъ мученикъ Агафонника и Луппа (1), восхождѣ уже изыти, Князь же Димитрей проживу безбожныхъ Печенегъ, и поимъ брата своего Князя Владимира, и иде в церковь Святѣй Богородицы, спавъ предъ образомъ Господнимъ и согнувъ руцѣ свои к персемъ, и рече во умилеиіи сердца, слезы опѣ очію его, яко источники проливающеся, глаголя: „Молюшися, Боже пречюдный, Владыко спрасный, и крошокъ во истинну еси Царь славы, помилуй насъ грѣшныхъ и к тебѣ прибегаемъ единому, егда оунываемъ опѣ скорбей нашихъ, Спасишело нашему, тебѣ бо лѣпо естѣ милости и спасши насъ подѣ швоею рукою есмъ. Въмѣ, Господи, яко моя согрѣшеніи сопроша ми главу мою, но и тебѣ, Господи, оставляющему насъ намъ тебѣ взыскающимъ: и иная многая ему глаголюще и молящися, примѣ Псаломъ 14 и рече: „Суди, Господи, обидящая мя и возбрани борющимся со мною (2), прими оружіе и щипъ, воспани в помощь мнѣ, да посныдѣяшся и посрамяшся являюще рабомъ лшвоимъ злая; дай же ми, Господи, помощь на прошивныя, да и шѣ познають славу имени швое-

(1) Въ *Ерм.* Августа 19, память Св. Пимена отходника.

(2) *Никон. Л.* VII. 336.

его (1).“ И паки идесть предъ образъ чюдотворныя иконы Пречисныя Богородицы, юже Лука Евангелистъ писалъ при живоств своемъ (2), и нача оумилно вѣщаши ко пречестному ея образу, и рече: „О чюдотворныя Госпоже Царице, всего живоша человеческого кормишельнице, шобою познахомъ испиннаго Бога нашего, рождышагося отъ тебе, не дай же, Госпоже, въ разореніе града нашего поганому царю Мамаю, ниже оскверниши свяшую швою церковь (3), моли Сына своего и Бога нашего Владыку, Творца и Создашеля нашего, и дастъ намъ Господь руку свою, смиришь сердце врагомъ нашимъ и не будетъ рука ихъ высока, и свою помощь послѣ, Госпоже, съ нами нешлѣнную свою ризу, да в ню одѣмся и не испрашави будемъ къ ранамъ, и молишвою, еже къ Сыну своему помолися за ны; яко швои есшь раби. Ты бо, Госпоже, Богомъ рождена еси, родилеля жъ швоя единаго Авраама, но вѣнуцы с нами. Въмъ бо, Госпоже, яко хоцещи намъ даши помощь на прошивныя враги; онъ бо не исповѣдающъ тебе, Владычице, но азъ на швою помощь надѣюся и подвизаюся прошиву безбожныхъ симъ (4), да будешь оумилень (5) шобою Сынъ швой и Богъ

(1) *Ник. А. IV.* 23. 249.

(2) *Никон. VII.* 129, 338, 343. Но въ Москву сія икона принесена изъ Владиміра 1395 г. при нападеніи Тамерлана.

(3) *Ерм.* приб.: и вѣры христіанскія.

(4) *Сиг. и Ерм.* Печеньгъ. Въ *Тимк. смѣ.* вѣрояшно описка, вмѣсто *симъ*.

(5) *Ерм.* умолень.

нашъ.“ И идѣ ко гробу блаженнаго чудотворца новаго Петра (1) и любезно рече: „О преподобны отче, чудотворными свяшителью (2), и по смерти поживъ еси чюдеса швориши непрестанно: нынѣ бо шя приспѣ время молишися за ны ко общему владыцѣ всѣхъ: день бо злыя вещи належишь ми, поганіи бо идушъ на мя на приснаго раба швоего и крѣпко ополчишася, на градъ швой Москву напрасно вооружающся, шебе бо Господь прояви послѣдному роду нашему, вѣжегъ шя свѣшло яко свѣщу на свѣщнице, и шебѣ подобаетъ молишися о насъ, да не придетъ на ны рука грѣшника (3): шы бо правых нашъ еси водитель и спраже, яко швоя есмя пашвина.“ Скончав же молишву и поклонися Мишрополишу: онъ же благослови его и оппусти, и дашъ ему хвалу знаменіе на челе, пославъ же освященныя соборы с крылосы (4) во градныя враша во Фроловскіе враша (5), Констаншинскія, Алексѣевскія враша (6), Николскіе враша с честными кресты и с чудотворными иконами, да всякъ же воинъ благословенъ будешъ. Князь же Великій Ди-

(1) *Царск. кн.* 83.

(2) *Никон.* VI. 220, 221, 217.

(3) *Ерм.* да не придетъ на насъ рана смертная и рука грѣшника да не погубитъ насъ.

(4) *Никон.* IV. 135. *Древ. Росс. Вивл.* XIII. 221. *Дворц. Зап.* I. 54.

(5) Нынѣ Спаскія. Констаншино-Еленскія закладены.

(6) И въ планѣ Москвы, Мичурина, 1739 г. не означены, шакъ какъ и въ *Ерм. сп.*

митрей пойде а брапомъ своимъ въ церковь небеснаго воеводы Архистратига Михаила, и много молився святому образу его и приступихъ ко гробомъ православныхъ Князей прародителей своихъ, ркущи: „Воиспину еше хранителіе (вѣры) православныхъ поборники, аще имаете дерзновеніа к Богу молишися о нашемъ оуныніи: яко велико воспаніе приключися намъ нынѣ, оубо подвизаишеся с нами.“ Сія рекъ, изыде из церкви.

Княгиня же великая Овдошія и Княгини Князя Владимира і' иныхъ православныхъ Князей Княгини с воевоцкими женами шу споячи, проводу дѣюпъ (1), а в слезахъ заклипаяся ко сердечномуу, ниедина не можешъ словеси рещи. Княгини же Великая Евдокѣя опдасть конечное цѣлованіе Государю своему Великому Князю Димитрею Ивановичю, а въ слезахъ не можешъ слова промолвити. Князьже Великіи Димитрей мало оудержася отъ слезъ, не прослезил бо ся народа ради, а сердцемъ (2) скровно плача, пѣшаше свою Великую Княгиню и рече: „Но аще Господь по насъ, то кто можешъ на насъ зло помыслиши?“ и пропчая. Княгини и боярони и воевоцкіе жены своимъ Княземъ и Бояромъ опдаша конечное цѣлованіе и возвратишася съ честію.

Князь же Великіи Димитрей Ивановичъ воспуи во злашюкованное спремя (3) и съде

(1) Никон. V. 205.

(2) Ерм. слезяше.

(3) Игор. пѣснь, стр. 29. изд. М. 1800: „вступиша Господина въ злата спремень.“

на своего любовнаго коня. Всеже Князи и Воеводы на свои кони съдоша; а солнце со восхода свѣлишъ в пущь его и въспрець шихъ и шеплъ по нихъ вѣшъ: оуже бо тогда яко соколи отъ зланныхъ колодець рвахуся (1), выяхали Князи Белоозерскіи из каменна (2) града Москвы своимъ полкомъ оурядъ ни бо полцы ихъ видѣши (3), яко достоишъ имъ избиваши спада лебедина: бѣ бо храбро воинство ихъ. Князь Великий Димитрей Ивановичъ рече бращу своему Князю Владимиру Андрѣевичю и инымъ Княземъ и Воеводамъ: (4) „Бражія моя милая, не пощадимъ живота своего за вѣру Христіанскую и за свящыхъ церкви, за землю Рускую.“ И говоришъ Князь Владимиръ Андрѣевичъ: „Господне Князь Димитрей Ивановичъ, воеводы оу насъ velmi крѣпцы, а Рускіе оудалцы свѣдоми, имѣють подъ собою борзые кони (5), а доспѣхи имѣють velmi пѣрды, злеченные колантыри и булашныя байданы, и колчары (6), ерѣйскія, кордылашцкіе сулицы Немецкіе (7), щипы черле-

(1) *Игор. пѣс.* стр. 24.

(2) *Ерм.* красного.

(3) *Ерм.* урядно бо ся видѣши войско ихъ.

(4) Этой рѣчи нѣтъ въ *Ерм.* спискѣ.

(5) *Древн. Руск. Стих.* — *Древн. Визл.* XX. 161, 211.

(6) *Ducange*: calcia, calciarum, hastae deauratae. *Байданы* не отъ ср. Латин. bandum и ср. Греч. βάνδον, значекъ. *Ducange et Ihre Gloss.* Неужели колантырь отъ calantica, головной уборъ, какъ полагалъ Г. Тимковскій? Въ *Слов. Акад.* — родъ лапъ.

(7) *Никон.* IV. 52. *Игор. п.* стр. 33. Зланыи шело-мы, сулицы Ляцкіи. *Ник. Л.* V. 121.

ныя, копыя злаченыя, сабли булашныя, а
 доро́га имъ велии свѣдома, берези имъ по
 Оцѣ изгошовлены, хопящъ головы своя сло-
 жиши за вѣру Хрисціанскую и за швою
 обиду Государя Великаго Князя.“ Князь же
 Великій Димитрей Ивановичъ оппусти бра-
 ша своего Князя Владимира Андрѣевича на
 Брашево дорогою (1), а Белозерскія Князи
 оппусти Болвайскою дорогою, рекше Дерев-
 скою (2), а самъ поиде на Кошель (3).
 Спереди ему солнце сіяешъ и добръ грѣшъ,
 а по немъ крошкѣй въпрецъ вѣшъ. Не по-
 шли бо шого дѣля единою дорогою, яко
 не вмѣстипися имъ. Княгини же Великая
 Евдокѣя съ своею снохою и иными Княги-
 нями и с воевошскими женами възыде на
 злашверхиі свой шеремъ в набережний и
 сядъ (4) подъ южными окны и рече (5):
 „Оуже бо конечно зрю на шебя Великаго
 Князя!“ А в слезахъ не можешъ словеси
 рещи; слезы бо оп очію лющся аки рѣчныя
 бысприны (6). Воздохнувъ печал’но и
 шибъ руцъ свои к персемъ, и рече: „Госпо-
 ди Боже великіи, призри на мя смиренную,
 сподоби мя еще Государя своего видѣши
 славнаго во челоуецѣхъ (7) Великаго Князя
 Димитрея Ивановича. Дай же, Господи, ему

(1) *Никон. Л. V. 218.*

(2) Не Верейскою ли?

(3) *Никон. Л. IV. 193. VII. 340. VIII. 75.*

(4) *Ерм. уродицъ подъ кошель.*

(5) Сравни въ *Игор. пѣсни*, стр. 38. плачь Ярославны.

(6) *Никон. Л. V. 210.*

(7) *Ерм. въ полцѣхъ. Никон. VII. 117.*

помощь ошъ крѣпкія руки швоея, да побѣдишъ прошивныя своя! Не сошвори, Господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рѣцѣ на Калкъ Христіаномъ съ Ташары (1) ошъ злаго Башыя. Ошъ Калинскаго побойща до Мамаевы раши рѣзъ лѣтъ (2). Ошъ шаковыя же беды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнуши оставшему христіаншву; ошъ шое бо раши Руская земля оуныла, ни на когоже бо надежи неимамъ, шокмо на себя всевидящего Бога. Азъ же оунылая имѣю двѣ отспрасли Князя Василя, да Юрѣя (3), но еще и шѣ мали сушѣ. Егда похизизшъ (4) ихъ въшрѣ с оуга или з запада: шю не могу шерпѣши, ни на чшоже опираяся, ихъ или зной проразизшъ (5), шакоже имъ погибнуши; а прошиву сему чшо сошворяшъ? Возвращи имъ, Господи, опца ихъ по здорову: шю и земля ихъ по здорову будешъ, и онѣ во вѣки царшвуютъ.“

Князь же Великій Димитрей Ивановичъ пояшъ с собою ошъ Сурожанъ, рекше ошъ гостей яко, і мужей повѣданія ради дальнихъ земель, да аще чшо случизшъ Господь Богъ, шѣже имаюшъ вѣдаши в дальнихъ земляхъ, яко госшебницы (6) сущи, пер-

(1) *Ерм.* со Еллыны.

(2) Вѣрно вставка переписчика или владѣтеля рукописи: се нѣтъ ни въ *Ерм.* ни въ *Снг.* спискѣ.

(3) *Никон.* IV. 32. IV. 65, 82.

(4) *Ерм.* поразизшъ. Польск: *szuзу*, скорый, быстрый.

(5) *Іоны* Пр. 4. *Никон.* V. 95, 217, 278. VI. 57, 70.

(6) *Ерм.* исходници, суще Василя Капицю, Сидора Афирьева, Козму Ховру, Константина Семена

ваго гостя Васи́лія Напи́ца, втораго Сядо-
ра Алѣерьева, г Конспянина Бѣлко-
ва, д Козму Новѣрю, е Семена Корпони́-
са, г Михайла Самарева, з Тимофея Весе-
кова, и Димитрея Черно́па, ѿ Ивана Ши́-
ха, і Деменшія Сараева.

Тогдаже возвѣща силни въпри по бер-
вицѣ широтѣ (1), воздвигошеся велицы
Князи, а по нихъ рускіи сынове оуспѣшно
грядупѣ, аки мѣдвяны чаши (2) пиши и спеб-
левинны яспи. Но не мѣдвяны чаши пиши,
ни спеблевинны яспи грядупѣ: хопяшѣ
оукупиши (3) чши и славнаго имени (4)
во вѣки земли Руской, Великому Князю Дми-
трию Ивановичю похвалу и многимъ Госу-
даремъ. Дивно и грозно бо во то время слы-
шаша, а громко въ варганы бьютѣ (5), ши-
жо с пѣволокою рашныя трубы трубятѣ,
многогласно и чшо конѣ ржутѣ. Звѣнишѣ.
слава по всей Руской земли, велико вѣче
бьютѣ въ великомъ Новѣградѣ: спояшѣ му-
жи Новѣгородцы оу святыя Сочѣи премуд-
рости Божіа (6), а ркучи межу собою ша-

(ова), Михаилъ Сараева, Тимофей Веси́хова, Дми-
трія Чорного, Деменшія Солорова, Иванишиха.

(1) *Ерм.* по велицей, широцей дорожѣ. *Цар. Лѣт.*
265. Ворѣвской.

(2) *Ерм.* медовныя чашѣ пиши и спеблѣя виннаго
яспи. *Игор. п.* стр. 18.

(3) *Ерм.* собѣ чести добываши. *Продолж. др. Вислѣю.*
IV. 211.

(4) *Древн. Висл.* V. 247.

(5) *Никон. Лѣт.* V. 234. VII. 12. *Царск. кн.* 60.
Никон. III. 189.

(6) *Никон.* IV. 43.

ковое слово: „Оуже намъ, брашіе, на помощь непослѣши к Великому Князю Димитрею; оуже бо яко орли слѣпалися со всей Руской земли, съехалися дивныя оудалцы, храбрыхъ своихъ пышати (1).“ Не спукъ спучишь, не громъ грѣмишь, по зорѣ спучашъ и гремяшъ рускіе оудалцы. Князь Володимеръ Андрѣвичъ возишся рѣку на Красномъ перевозѣ в Боровскъ. Князь же Великій Димитрей Ивановичъ приидѣ на Коломну (2), на память святаго Ошца Моисѣя Мурина, в среду, Августа кѣн день. И ту быша мнози воеводы и рашницы сретоша его на рѣчкѣ на Чевеке (3). Епископъ же Еоуфимей (4) срѣще его во врапехъ градныхъ съ честными креспы и съ чюдошворными иконами и со вѣсьми крылосы, оградивъ его креспомъ, и молишву сошвори: спаси Боже люди своя и благослови достоианіе свое, всю до конца.

Во ушрїи же день Князь Великій повелѣ вѣсьмъ воеводамъ выехати на поле Дѣвиче і' вѣсьмъ людемъ сниматися в чекъ (5) Августа кѣн день на память Оуспѣновенія главы Ивана Крещителя по заоушрени. И начаша мнози власи прубъ рашныхъ гласити и варганы шепушъ (6) и сшязи ревушъ на-

(1) Въ *Ерм.* всей этой рѣчи нѣтъ отъ словъ: *гестм* и *славнаго имени*. См. выше стр. 20 стр. 25.

(2) Въ *Ерм.* въ субботу на Колумну.

(3) *Ерм.* на Сѣверскіи. Сѣверка впадаетъ въ р. Москву повыше Коломны.

(4) Въ *Ник. Л. Герасимъ. Никон. Л. IV.* 197, 202, 284.

(5) *Никон. Л. VI.* 121. в шокъ. 142, 145, 162 — 178. 159 — 165, 166, 7. *Никон. Л. VII.* 39. 54.

(6) *Ерм.* бити. *Linde* *Слов. терат*, отъ Греч. *τύπτω*, бью, ударяю.

волочени (1) въ саду Памфиловъ; сынове же русїи наступають поля Коломенскаго, яко немощно бѣ никому же презрѣти ихъ (2). Князь же Великіи выехавъ съ брашомъ своимъ и видѣвъ множество людей, возрадовася радостию и обвеселися сердцемъ, оурядивъ коемуждо полку воеводу, а себѣ приимъ Князи Белозерскіи (3), храбри бо суть в ратное время; а брата своему Князю Владимиру дастъ Ярославскіе Князи; с правую же руку себѣ оурядивъ брата своего Князя Владимира Андрѣевича, а с лѣвую руку себѣ оуряди Князя Глѣба Дручевскаго (4); передовой же полкъ Димитрей Всеволожь, да Володимеръ братъ его. Коломенскаго же полку воевода Микула Васильевичъ, Володимерскаго же полку воевода Князь Романъ Прозоровской. Юрьевскаго же полку воевода Тимофей Волуевичъ. Коспромскаго полку воевода Иванъ Родионовичъ Квашня (5). Переаславской воевода Андрѣй Сиркизовъ (6). Оу Князя Владимира воевода Данило Белеушъ (7), да Конспяншинъ Конановичъ, Мещерской воевода Князь Феодоръ Елецкой, Муромскіи же Князь Юрье и Князь Андреі. Князь же Великіи Димитрей Ивановичъ оурядивъ полки и по-

(1) *Ерм.* у садъ Памфилова.

(2) *Ерм.* яко невьстно бѣ презрѣти очимарши В. Князя.

(3) *Никон. Л.* VI. 79.

(4) *Ерм.* Бронскаго. *Снг.* Брянскаго.

(5) *Ерм.* Кувашня.

(6) *Ерм.* и *Снг.* Серкизовичъ.

(7) *Ерм.* Велеушъ.

велѣ за Оку рѣку возишися (1). Заповѣдавъ же всякому чловѣку, и рече: „Кто же ни пойдешъ по земли Резанской и по оулусомъ, да никто же непришкнется ни ко единому власу, в землѣ ихъ.“ Самъ же вземъ благословеніе отъ Епископа (2) Коломенскаго и перевѣзся Оку рѣку и посла прехъ спорожей избранныхъ вишязей (3) и рече имъ: „Нелны своимъ очима видѣшися с Ташарскими полками.“ А посла Семена Меликѣ, да Игнашія Крѣній, Фому Тѣнина, Петра Юрскаго, Карпа Алѣксина, Пешрушу (4) Чюрикова и иныхъ многихъ с ними (5), а посла и рече Князь Великій брату своему Князю Владимиру: „Поспѣшимъ братіе, прошиву безбожныхъ сихъ (6), неоушумимъ лица своего отъ поганныхъ; аще смершь случишся намъ, тамо дома живучи едина кому оумреши же: отъ смерши бо, брате, не избыши.“ Всякъ же идый пушемъ, призывая и Бога на помощь, и сродники своя Рускія Князи Бориса и Глѣба.

Слышавъ же по Князь Олгъ Резанскій, что Князь Димитрей Ивановичъ собра многи рати, и иде во срѣшеніе безбожному Царю Мамаю, а сердцемъ неоупално и швердою своею

(1) *Ерм.* перевозишся.

(2) *Ерм.* Архіепископа.

(3) *Снг.* яко да купно видишся со стражи Ташарскими.

(4) *Ерм.* Пешрюнцо Чирикова.

(5) *Ерм.* приб.: вѣдомцовъ.

(6) *Ерм.* Печенѣгъ и ушумимъ лица своя отъ безстудія ихъ.

вѣрою крѣпко хочешъ с погаными видѣши-
ся (1), имѣя оупованіе на Бога вседер-
жителя. Князь Олгъ Резанскій и нача (2)
преходиши ошъ мѣста на мѣсто и глагола-
ши со всѣми бояры: „Началному дѣлу неудобъ
быши разумну, аще бо мощно послаши ко
многоразум'ному Олгирду шаковаго вѣсп-
ника, како (3) мыслиши намъ; оуже бо
заспунили (4) пупи наша; но азъ оубо
по правиломъ чаяхъ, яко же не подобаетъ
великому царю Рускому прошиву безбожно-
му (5) царю иши. Нынѣ убо что се зду-
малъ. Опкуду себѣ помощи чаяши имашъ,
яко прошиву прехъ насъ вооружился.“ И
рекоша ему бояре его: „Мы слышахомъ, Кня-
же, за сѣ (6) днѣи до сего дни и не смѣли ше-
бѣ повѣдати. Сказываюшъ, еспѣ въ вопчиѣхъ
его калугеръ (7) именемъ Сергіи, но свяшъ и
прозорливъ велии: шощъ дѣ его благосло-
вилъ и вооружилъ прошиву намъ, да еще
де, и ош своихъ калугиръ далъ ему по-
собьника (8).“ Слышавъ же шо Князь Олгъ

(1) *Никон. Л. IV. 279. VIII. 71. 171.*

(2) *Ерм. приб.: блюстися и съ мѣста на мѣсто пре-
ходиши со единомысленными своими.*

(3) *Ерм. имешъ мыслиши.*

(4) *Ерм. заспали.*

(5) *Ерм. восточнаго. Никон. Л. IV. 185, 6, 7. V. 129, 155,
276. VI. 154, 195. Карамз. Ист. Р. Г. IV. 373.*

(6) *Ерм. са осмъ днѣи.*

(7) *Calogeri, калогѣри, собств.: добрые старцы,
по изъясн. Дюканжа, монахи, почтенные по своей
машиншой старости.*

(8) *Ерм. пособники шии.*

Резанскіи (1), оуспрашися сердцемъ и распадеся мыслію, нача молишися Бога и седишоваша на бояра своя: „Почто ми еште преже сего дни не сказали, дабы шедъ оумолилъ нечесшиваго царя, ничшоже бо зла сошворилъ Руской землѣ; но изгубихъ оумъ свой и не азъ единъ оскудѣхъ оумомъ, боле мене естѣ Волгирдъ и шопъ ся продумалъ (2); мене же боле его Богъ възыщеть. Онъ бо имзеть законъ гугниваго Пепра (3), азъ же разумѣхъ испинныя вѣры законъ, но чшо ради зло сошворихъ, шого бо ради рече: Аще рабъ не соблюдетъ заповѣди Господина своего, шо бѣенъ будеть. Нынѣ же оубо азъ чшо сошворихъ и кошорому худому оуму вдахъ себе, нынѣ оубо чшо здумаеша ми? Приложилъ бы ся къ Великому Ннязю и побаралъ бы по немъ: шо ошнюду не приметь мя, вѣдаешъ бо мою измѣну. Аще приложуся царю: шо поиспиннѣ древнїи гонилель буду на православную вѣру Христову, яко же иногда Свяшополка земля жива пожреть мя. Аще ли Господъ по нихъ: шо кшо можеть зло думати на нихъ? Но и еште молишва онаго прозорливаго мниха къ Богу. Или ни единому помощи не сошворю: шо впреди (4) како могу опъ обоихъ прожити? Нынѣ же кому Господъ поможетъ, к шому присягѣ имѣю.“ Олгирдъ же по сор-

(1) Въ *Ерм.* приб.: опъ бояръ своихъ.

(2) *Древн. Руск. стих.* год.

(3) Разум.: Римско - Католическій.

(4) *Ерм.* вопрокъ.

ченному словеси и уроку (1) совокупи Липвы много и Варяги иже многіи (2) и поиде на помощь къ Мамаю царю, приидѣ же в Одокъ (3) и слышавъ (4), яко Ольгъ оубоявся иппи. Олгирдѣже пребысть в Одоевѣ, не подвижесе нигдѣ же и нача размышляши суенный своя помыслы и видѣвъ совокупленіе свое разнѣ, нача рвашися и сердитишѣяши, и нача имати паны своя: елико недостойишъ челоуѣку своего бума и мудрости, шо всуе шребоваши чюжого оума мудрости. „Николиже Липва хулима ош Рѣзани. Нынѣ же изведе мѧ ошъ ума Ольгъ Резанскіи, а самъ преже мене погибѣ. Нынѣ оубо пребуду здѣ, дондеже оуслышоу побѣду Князя Димитрей Московскаго.“ В шоже время слышавъ Князь Андрѣй Половецкіи (5) и Князь Димитрей Ярославскіи (6) Олгирдовичи, что велико належаніе Князю Димитрею Московскому належишъ ош безбожнаго Царя Мама, и рече Князь Андрѣй Олгирдовичъ: „Идемъ и мы з брашомъ своимъ къ Великому Князю Димитрею на помощь.“ И писавъ грамоту (7) к брашу своему Князю Дми-

(1) *Слов. Линде*: wyrok — изреченіе, опредѣленіе.

(2) *Ерм.* и Жмоншы. *Никон.* Л. VI. 139: Жемоди.

(3) Не *ендокъ* ли, ш. е. очевидѣцъ? *Ерм.* къ Одуеву. Въ Одоевѣ.

(4) *Ерм.* яко Князь Великій совокупи съ собою многую свою Русь и Словены, идеже каждо.

(5) *Ерм.* Полоцкій. *Никон.* Л. IV. 80, 255. О смерти сихъ Князей см. *Никон.* Л. IV. 283.

(6) *Ерм.* Бронскій.

(7) *Ерм.* буквицу чалу.

шрею: „Въси ли, браше мой милый, ошколъ ошець нашъ ошверзе ош себе, но паче Ошець нашъ небесный присвои насъ к себѣ и дасъ намъ Господь законъ свой ходиши по немъ, ошрѣщи насъ пущѣбными суешы, и что воздадимъ ему прошиву шаковаго дарованія. Скончаемъ, браше, подвигъ добро-подвижнику Хриштову. Но пойдемъ, браше, на помощь къ Великому Нязю Московскому: велика бо ему браше шуга належишъ ош поганныхъ Ташаръ (1); но еще и ошець нашъ побараешъ по нихъ. А Олгъ Резанскіи приводитъ ихъ на Русь; намъ же подобаешъ пророчество совершити: брашіе, пособники бываите въ бѣдахъ; мы же, брашіе, шо помыслимъ, что намъ ошцу прошивишися. Евангелистъ Лука рече оусты Спасителя нашего: предани будишъ дѣши родителми своими на смершь, и брашіею своею и оумериваишъ, ижияи моего ради; претерпѣиши до конца, шой спасенъ будешъ. Но излѣземъ, брашіе, ош плавающего шерніа сего и подаваляющаго (2) насъ и присадимъся истинному винограду плодовишому и хрисіянскому, дѣтелному рукою Хришвовой. Нынѣ оубо подвизаемся, брашіе (3).“ Прочетъ же Князь Димитрей грамоту (4) и нача плакати ош радости

(1) *Ерм.* Изманильщиянъ.

(2) *Ерм.* давяющаго.

(3) *Ерм.* и *Снг.* приб.: не земнаго ради живота; но и небесныя почести желающе, юже Господь даетъ шворящими волю его.

(4) *Ерм.* писаніе брата своего старѣйшаго.

сердца своего и рече: „Господи и Владыко живошу моему, дай же, Господи, рабомъ своимъ хошѣніе (1) совершиши всемъ почешнѣмъ подвига добраго, еже ошкрылъ еси брату моему, своему Князю Андрѣю (2): днес, Господине, гошовъ есми по швоему наказанію и колко есшъ войнспва моего, гопови вкупе со мною. Вошіимъ промысломъ совокуплены быша иные люди брани дѣля належашія ошъ Дунайскихъ Варягъ (3). Нынѣ же слышахъ, браніе, пріидохъ бо ко мнѣ медокѣрмцы съ сѣвера и скажутъ оуже великого Князя Димитрея Ивановича (4). На Дону, яко шу оуже день пребышъ, и шу хоцешъ ждаши сыроядецъ злыхъ и подобаешъ ши ишши к сѣверу (5) и совокупимся шу под коимъ пушемъ опца своего оушамся, да не возбранишся намъ шрудно.“

По малѣхъ же днехъ, снідошася к желанію два брата со всѣми силами своими (6) и силу свою видѣвше, возрадовашеся, яко же Иосіеъ с Венѣяминомъ. Видѣвше оу себе множеснво людеі и единосердечно оураженіе, яко нарѣчишые сушь рашницы, пріспѣша же на Донъ вборзе и наѣхаша Ве-

(1) *Снг.* и сим подвига пушемъ сего добраго же ошкрылъ брату моему.

(2) *Ерм.* приб.: и рече до посла: радовашися по велику брату моему, по велику рци.

(3) *Ерм.* Ташарь.

(4) *Арханг. Л.* стр. 193.

(5) Поправлено: *Сивелу. Никон. Л.* IV. 280. VII. 35. VIII. 56, 61. *Царств. кн.* 98.

(6) *Ерм.* къ северу.

ликого Князя оу Дону на брезѣ (1) стояща: и шу совокупишася велицые Князи. Князь же Великій Димитрей съ братомъ своимъ (2) велми возрадовашеся великой силѣ Божіи, яко неудобѣ быши мочно шаковому воспанію, яко дѣши оставиша опца и поругашеся емоу, яко же иногда волсви Ироду; Князь же Великій Димитрей многими дарми почпивъ ихъ, идяху в пущь свой, радующеся и веселящеся о свящѣмъ душѣ, зем'наго же ничто же помышляюще, но всего отвергошася, чающе себѣ иного времени (3). Рече бо имъ Князь Димитрей Ивановичь: „Брашія милая, коея ради потреби придоша ко мнѣ (4); во испинну еше ревнители опца нашего Авраама, яко тайны Лотовы въскорѣ испыта (5) и подобни еше доблественному Великому Князю Ярославу, яко той есѣ опмсти обиду въскорѣ брату своему.“ Тѣже опославъ Князь Великій ко Преосвященному Митрополиту, и рече: „Олгирдовичи придоша ко мнѣ на пособѣ со многими силами, опца своего оставиша поруганна.“ Скорже въ-

(1) *Ерм.* обою страну Дону полцы расположены на мѣстѣ нареченномъ Березуй. Тоже и въ *Снг.* спискѣ.

(2) *Ерм.* приб.: Володимеромъ ижъ совокупистася съ ними Олгирдовичи, Князь же Андрѣй Полоцкій и Князь Димитрій Бронскій.

(3) *Ерм.* приб.: глаголюще собѣ безсмертнаго иного премѣненія.

(4) *Ерм.* приб.: азъ убо разумѣю, яко не мене ради придосте сѣмо, но Господь посла васъ въ пущь свой.

(5) *Ерм.* тайно воскорѣ Лотови поможетъ.

снникъ пріехалъ ко Преосвященному Митрополиту Нипреяну (1). Архиепископъ спавъ предъ образомъ Господнимъ и прослезився отъ радости, нача молишву швориши: „Господи владыко челоувѣколюбче, яко сопрошеники наши въпри нашицину предлагаеши.“ И пославъ во вся соборы церковныя и во обихтели свящыя, повелъ молищвы швориши день и ночь; борзѣе всѣхъ посла во обихтели игумена Сергія, яко Ангели молишвъ ихъ послушають. Княгини же Великая Евдокья слышавъше шoliko Божіе милосердіе (2) и много молищвы (3) сошвориша оубогимъ; сама же непрестанно ходяще к церкви день и ночь. Но се наки ошавимъ (4). Князь же Великій бывъ на мѣстѣ, реченномъ Березѣ (5), приспѣвшу же дни чешвершку на память свяшаго Пророка Захарія, Сентября въ в' день на память сродникъ своего оубіеніе Князя Глѣба Владимировича, пріехаша два отъ сторожей Пешръ Горскій (6), да Карпъ Олѣксинъ и приведоша языкъ нарѣчипъ, яко отъ вельможъ (7) шѣхъ царевыхъ; шой же языкъ повѣда Великому Князю, яко оуже Царь на Кузминъ гаше (8), но ожидаешъ Олга

(1) *Древн. Визл.* XVI. 232. *Царск. кн.* 208, 222.

(2) *Никон. Л.* VII. 116, 17. *Царст. кн.* 220.

(3) *Ерм.* милоспынъ.

(4) *Ерм.* приб.: на первое возыдемъ.

(5) *Ерм.* приб.: яко за 23 попришу до Дону.

(6) *Ерм.* Готскій.

(7) *Ерм.* сановныхъ.

(8) *Щекат.* Георг. Сл. Кузмина рашъ. *Никон. Л.* V. 1 Пашкова гашъ.

Резанскаго и Олгирда Лишовскаго, швоего же собранія и срѣшенія Царь не знаетъ; а (1) при дни имаетъ быши на Дону. Князь же Великій вопросы о силѣ его. Онъ же рече: „Нѣсть мощно никому же исчести силы его.“ Князь же Великій нача думати з братоу своимъ и с новонареченною братією съ Лишовскими Князи: здѣ ли намъ пребыши, или Донъ перевѣземся? И рѣкоша ему Олгировичи: „Аще хочещи крѣпкаго бою, шо повели сего дни рѣку возишися, да не будешъ ши ни единого мыслящего назядъ; всякъ бѣещя безо лспи; а велицѣй силѣ его рѣчемъ нѣсть вѣровати, яко не в силѣ Богъ, но въ правдѣ (2). Ярославъ перевезеся рѣку. Святополкъ победи и правдѣ (3) швоей Александръ Князь перевезеся реку, Короля побѣди, и шы нарекъ Бога, шакоже швори. Аще побіемъ поганныхъ, шо всѣ живи будемъ. Аще ли онъ насъ побіюшъ, шо всѣ же общую смерть пріимемъ оцъ просныхъ людей и до Князей. Мы оубо, господине, видимъ, яко множество избранныхъ вишязъ въ войску швоему.“

Князь же Великій повелъ вою своему Донъ возишися: спорожи же мнози оускариваюшъ (4), яко ближущя Татаровъ. Мнози же Руские оудалцы возрадовалися, зря своего желаннаго подвига, его же на

(1) *Ерм.* приб.: на преднаписанныя ему книги Олговы по шрехъ днехъ маєшъ быши на Дону.

(2) *Никон. Л.* III. стр. 10.

(3) *Ерм.* вѣрнѣе: правдѣ швой.

(4) *Ерм.* прискоряюшъ.

Русе вжелѣша. За многіе же дни прїидоша на шо мѣсто мнози волцы, по вся нощи воюшъ непрестанно: гроза бо велика есѣ слышаша, храбрымъ полкомъ сердца оушвержаешъ, и мнози ворони собрашася, необычно неоумолкающе граюшъ, галицы же своею рѣчью говоряшъ и мнози орли ош оусшъ Дону приспѣша, лисицы на кости брещушъ (1), ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, в онѣже имашъ пасшїся многешсѣа шрупа челоувѣческаго и кровипролишїа, аки морскимъ водамъ (2); ош шаковаго спраха и ошъ великіа грозы дерева приклоняюшся и права поспилаешся, и много обоихъ оунываетъ, видяще предъ очима смершъ; поганїи же начаша спудомъ омрачашися о погибели живоша своего, правовѣрнїи же челоувѣцы паче процвѣшоша, чающе оного совершеннаго обѣшованїа и прекрасныхъ вѣнецъ ошъ Христа Бога Вседержителя, о нихъ же повѣда преподобный спарецъ (3). Вѣспницы же оускоряюшъ, яко ближашъ поганїи; оуже бо напрасно прибѣже з̃ спорожей въ ѿ часъ дни в суботу, прибеже Семень Меликъ з дружиною своею и за нимъ гнашеся мнози ош Тапаръ и шо напрасно и безспудно гонишася, нолны (4)

(1) *Игор. пѣснь* стр. 9. орли клешкомъ на кости звѣри зовушъ, лисицы и пр. Въ *Ерм.* глядячи на златыя доспѣхи; а въ *Игор. п.* на чръвленныя щиты — брещушъ и далѣе.

(2) Въ *Ерм.* приб.: изъ мѣста выліяшися ошъ, и пр.

(3) С. Сергїй. см. выше.

(4) *Ерм.* онни. *Снг. нолни* — не значить ли едва?

о полцы Великаго Князя (1). Видѣвши же полцы, возвраишася скоро ко царю, и повѣдаша ему: Руския Князи ополчишася при Дону многое множество людей, сколько же видѣша, а царю в'чешверо боль шого повѣдаша. Онъ же нечеспивый разженъ бысть дияволомъ, напрасно крикнув и рече: „Коль велика сила моя, аще сего не одолѣю, то како могу возвраишися во свояси.“ И повелъ напрасно вооружаишися. Семень же Мелик повѣдаешъ Великому Князю: „Яко оуже царь бредешъ на Гусинъ броду (2); оуже бо одна ночь между ихъ полки, и наши, да подобаешъ шебъ Великому Князю вооружаишися сего дни: оушре бо рано оускоряшъ на насъ Ташарове.“

Князь же Великий Димитрей Ивановичъ з брапомъ своимъ Княземъ Владимеромъ Андрѣвичемъ, с новонареченною брашиєю с Липовскими Князи нача опъ шеспаго часа полцы оураживаши. Ешъ же нѣкшо воевода приде с Липовскими Князи именемъ Дмидрей Бобровъ (3), родомъ Волынецъ; и шомъ бѣ нарѣчимый воевода и полководецъ велми, по достоянію полцы оурадивъ, елико гдѣ кому подобаешъ по достоянію быти. Князь же Великий поимъ брата своего Князя Владимира и Липовские Князи и воеводы и вся мѣстныя Князи, выеха на вы-

(1) *Ерм.* ударишася.

(2) *Никон.* Л. VII. 64: Козловъ бродъ. *Арханг. Лѣт.* 152: Княжинъ бродъ. *Татищ.* И. Р. III. 255.

(3) *Снг.* Бобровъ. *Ерм.* „Боброкъ родомъ сый изъ земель Волынское.“

сокое мѣсто и видъ образъ свѣщѣнїе
 Иисусъ воображенъ хрестыянскихъ знаменї-
 ихъ (1), акѣ солнце свѣщающесѣ и спїзїи рѣ-
 вушъ наволоченїи простирающесѣ, акѣ об-
 лацы шїхо шрепещущїи (2), хоругви акѣ
 живїи пашущїи, а доспеси Рускіи (3), акѣ во-
 ды во вся вѣспри колыблюшїи, шелома на
 главахъ ихъ златомъ оукращенїи (4), акѣ
 оупренїи зарѣ во время вѣдрїи солнца
 свѣщающесѣ, лѣвцы же (5) шелома ихъ, акѣ
 пламя огненѣ пащещїи (6). Мыслено (7)
 бо есшъ видѣшїи, оужаснѣ зрѣшїи шаковыхъ
 Рускіхъ Князей, і' ихъ оудалныхъ дѣшей
 бѣдрскихъ собранїи и оучреженїи (8). Оу-
 дїишасѣ же Дїшовскїе Князи, ркучїи: „Ни
 есшъ бышїи досшойну при насъ, ни преже
 насъ, ни по насъ шаковому воїнству (9):
 много бо множесшво есшъ, якоже Геденю-
 выхъ соузницѣ, но и боле шого есшъ: Го-
 сподѣ Богъ силою своею вооруже ихъ.“ Князь
 же Великїи Дїмїшрей Ивановїчъ, видѣвъ

(1) *Никон. Л. VII. 151. Др. Висл. V. 164, 174.*

(2) *Ерм. шрепещїи хощащѣ промолвишїи.*

(3) *Virg. Aen. IX. 50, 163.*

(4) *Никон. II. 30 и Др. Висл. I. 67.*

(5) *Ерм. яловчикїи, ошъ лѣфосъ, гребѣнь на шдемѣ. Др. Висл. XIV. 134. Въ Слг. яловцѣхъ.*

(6) *Нотер. II. XXII. 135, 317 и Никон. Л. IV. 170, 79.*

(7) *Ерм. жалосшно.*

(8) *Ерм. приб. : вси бѣ единѣ за единого хощащѣ умрешїи и вси единѣ гласѣ начаша глаголатїи : Господи Боже, съ высшїи призри на ны, и даруй православному Князю нашему, яко Констаншїну, побѣду и положи подѣ нозѣ ему враги, яко же иногда Аммалика брѣшкѣ Давїду.*

(9) *Ерм. приб. : подобїи сущѣ Македонскому войску.*

полюки своя достойно оураженѣ, обвесели-
ся сердцемъ; и сшеде с коня, паде на колы-
но (1) прямо великому полку и черному зна-
менію; на немже бѣ воображенъ образъ Вла-
дыки нашего Іисуса Христа, и нача из
глубины сердца зваши велегласно: „О вла-
дыко Господи Вседержишелоу, виждь смотъ
реливымъ окомъ на люди своя, иже швоею
рукою сотворени сущъ (2) и вънуши, Го-
споди, гласъ молишвы моея, обрати; Го-
споди, лице свое на нечеспивыхъ съ про-
спію, иже злая шворятъ рабомъ швоимъ (3).“
І ина емоу много глаголющу и молящеся.

Скончавъ же молишву и сѣде на конь,
нача ѣздиши по полкомъ со Князи и с воево-
дами и коемуждо полку рече: „Братія моя
милая, Рускія (4) сынове, от мала и до вели-
ка, оуже бо ноцъ приспѣ, а день приближи-
ся грозныи, всю же ноцъ бдише и молишеся,
мужайшеся и крѣпитеся. Силенъ бо во бра-
ни Господь и пребудише на мѣстехъ сво-
ихъ, немяшущеся. Оушре бо нѣ поспеши (5)

(1) *Ерм.* приб.: на шравъ зеленъ.

(2) *Ерм.* иже швоею кровію искупленни сущъ рабо-
ты Аристора (?).

(3) *Ерм.* приб.: Молю бо ся образу швоему святому и
пречистой Св. швоей Матери и швердому небори-
мому швоему любленнику, иже отъ насъ къ шобѣ
(молишь?) Рускому Свяшительу Петру, на его же мо-
лишвы надѣющеся, смѣю призывати имя его святое.
Войска же Рускія по молишвѣ вѣдше на конѣ свои
и начаша вси молишву швориши, и по полкомъ ѣзди-
ши со Князьми своими и воеводами.

(4) *Ерм.* Христіанстіи.

(5) *Ерм.* не удобъ мощно тако уставити.

пако оурядишися (1). Миръ вамъ да будешъ, брашя моя: оушре бо оускоряюшъ на насъ Ташаровъ, а мы вси гопови будемъ прошиву ихъ.“ Браша же своего Князя Владимира Андрѣевича оппусти в' верхъ по Дону (2) и с нимъ оппусти извѣснаго воеводу Димишрея Боброва Волынскаго. Оужа ешъ бышъ (3) прошиву свѣшонаснаго дни праздникъ Рожества свяшей Богородицы; ошни же тогда одолжившеса днемъ лшнымъ (4). И бышъ же шеплоша и шихосъ в ноци шой и мрацы (5) рониса явлшсися. Поиспиннъ бо рече: ношъ несвѣшла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе. Рече же Димишрей Волынецъ Великому Князю примѣшу (6): „Войску оуже бо вечерняя заря пошухла (7).“ Димишрей же сядъ на конь свой, поимъ съ собою Великаго Князя, выехавъ на поле Куликово и спавъ посреде обоихъ полковъ, обратився на полки Ташарскіе, слышахъ спукъ великъ и крикъ, аки

-
- (1) *Ерм.* приб.: „уже гостѣ (hostes) наши близъ сушъ на рѣцѣ Неправдѣ ополчишася. Ушро жъ имаете вси пиши общую чашу, и шу вамъ и намъ поведенная (поведенная. *Снг.*), ея же еще друзи мои на Руси пожделѣша. Уповайте на Бога живаго, да миръ вамъ буди брашя моей: еще бо ушрѣ ускорю со брашією и со Князи своими.“ — Сходно съ *Снг.* спискомъ.
- (2) *Ерм.* приб.: „яко да ушаишися полку его и даль ему достшойны вѣшязъ своего двора воинъ.
- (3) *Ерм.* уже бо ношъ приспѣ.
- (4) *Ерм.* деньми свѣшлыми сіяючи.
- (5) *Ерм.* ношнии. Въ *Снг.* мраци росни.
- (6) Въ *Снг.* уже бо ноци глубоце и заря изгасе.
- (7) *Игор. пѣс.* стр. 10.

порзи (1) снимаются, аки города спавяшъ, аки шрубы гласяще. И бысть же назади Ташарскихъ полковъ волцы воюшъ велии грозно, по правой же спранъ ихъ вороны и галицы безпресшанно кричаше (2); и бысть великъ шрепешъ, пшицамъ прелъшающимъ ош мѣспа на мѣспо, аки горамъ и грающе, прошиву же имъ на рецъ на Непрядве гуси и лебеди и оушяша крилами плещушъ необычно и велику грозу подаюшъ (3). Рече же Волынецъ великому Князю: „Что еси, Господине Княже, слышавъ.“ И рече Князь великій: „Слышавъ, браще, гроза велика ешь.“ И рече Волынецъ: „Обратишися, Князь же, на полки Рускія.“ І якоже обратишася и бысть шихосъ велика. Волынецъ же рече Великому Князю: „Что еси, Господине, слышалъ?“ Онъ же рече: „Ничто же, браще, слышати, но шокмо видѣхомъ ошъ множесшва огней зари (4) имашася.“ И рече Димитрей Волынецъ: „Княже Господине (5), добра сушъ примѣша и знаменія! Призывай Бога небеснаго и неоскоудѣвай вѣрою.“ И паки рече: „Еще ми примѣша ешь.“ Сшедъ с коня, и паде на землю на правое оухо, предлежа на долгъ часъ и спавъ, абие поничъ. И рече ему Князь Великій: „Что ешь,

(1) *Ерм. торгъ. Никон. Л. IV. 264.*

(2) Въ *Игор. пѣсни* стр. 9. встрѣчаются тѣже Авгуріи.

(3) См. *Игор. пѣснь*. М. изд. 1800, стр. 9: уже бо бѣды его пасетъ пшицы, подобію вльци грозу вѣсржати и пр. См. выше, стр. 41.

(4) *Ерм. огненны зари.*

(5) *Ерм. огни добро знаменіе.*

брате, примѣша?“ Он же не хотѣ сказати ему. Князь же великіи нудивъ его добръ. Онъ же рече емоу: „Едина ши ешь на полу, а другая скорбная: слышахъ землю плачущуюся на двое, едина спраша аки нѣкая жена плачущеся чадѣ своихъ Еллинскимъ языкомъ (1), другая же спраша, аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, едина плачевнымъ гласомъ. Азъ оуже множество шѣхъ примѣшъ испысахъ: сего ради надѣюся на Бога и ко свяшымъ мученикомъ Борису и Глѣбу, сродникомъ вашимъ. Азъ чаю побѣды на поганныхъ, а крестіянъ множество падеть.“ Слышавъ же шо Князь Великіи, прослезився, рече: „Да будетъ воля державъ Господне.“ И рече ему Волынецъ: „Неподобаетъ ши, Государю, шого никому в полцѣхъ повѣдали, но комуждо молиши Бога вели, и Свяшыхъ его на помощь призываши (2).“

В шуже ноцѣ нѣкто мужъ ешеръ (3) разбойникъ, имянемъ Фома Хаберцѣевъ (4) поставленъ спорожѣмъ ошъ Великаго Князя, мужъ роденъ, а посшавленъ на крѣпку спорѣжу (5) ошъ поганныхъ; сего же человека оувѣря Богъ и ошкры ему видѣніе в ноци: шой видѣвъ на высокоѣ облакъ изрядно идяше ош вошпока, из него же изыдоша два юноши свѣш-

(1) *Ерм.* Еллинскимъ гласомъ. *Никон. Л.* VII. 331.

(2) *Ерм.* приб.: рано ушро вели имъ подвижашися на конѣ своемъ и всякому крестомъ огрождашися: шо бо ешь оружіе на прошивныя.

(3) *Е'таїрог*, сорашай, шоварищъ. Въ *Ерм.* сунклишъ.

(4) *Ерм.* Кацѣй. Въ *Снг.* Кацибѣй.

(5) *Снг.* въ нарѣцѣ на чюру. *Руск. ер.* I. 243.

лы, имуще во обоихъ рукахъ мечи остры и ркуще полковникамъ: „Кшо вамъ повелѣ прѣбиши отечество наше: намъ бо дарова Господь.“ И начаша ихъ съчи. Опшолѣже оувѣренъ бысть человекъ шой, и нача быши цѣломудръ. На оупрїи же повѣда Великому Князю единому. Онъ же рече ему: „Никомоужъ сего повѣдай. Самже (1) въздѣвъ руцѣ на небо и нача молишися глаголя: „Господи владыко, человекълюбче, молишвою свяшыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, помози Господи (2), яко Моисею на Аммалика и Давиду на Голияфа и первому Ярославу на Свяшополка и праѣду моему, Великому Князю Александру на хвалящагося (3) Короля Римскаго (4). Воздай же ми Господи, непо грехомъ моимъ; но излѣй на ны милость свою, и просвѣши насъ благооупробїемъ швоимъ, да не порадуемся врази наши въ насъ и не рекушъ во сшранахъ вѣрныхъ (5): гдѣ естъ Богъ ихъ, на него же оуповаша (6).

Приспѣвше же Сентябрїя великому празднику и началному дни спасенїя роду христіанскому Рожеству святѣй Богородицы, свѣшающесе Христову Воскресенїю (7) свѣшлomu и восходящу солнцу, бывше же

(1) *Ерм.* Князь Великій.

(2) *Никон. Л.* VII. 329.

(3) *Ерм.* приб: разорити его отечество.

(4) К. Шведскій Ерикъ Ериксонъ.

(5) *Ерм.* невѣрныхъ.

(6) *Ерм.* приб: и помози Господи христіаномъ, ими же величается имя швое святое.

(7) *Ерм.* свѣшающую пшкку.

оушра того мгла: начаша (1) гласы труб-
 ныхъ отъ обоихъ странъ снимашися. Та-
 шарьскія же трубы аки онемѣша, Рускія же
 паче оушвердишася: полцы же еще невя-
 дашся, занеже оушро мгляно, но (2) вел-
 ми земля спонешъ, а шу грозу подаешъ
 на востокъ до моря, на западъ же до Ду-
 ная (3). Поле же Куликово прегигающееся,
 вострепешаша лузи и болоша, рѣки же и
 озера изъ мѣстъ своихъ выступиша: но (4)
 николи же оубо шолкимъ полкомъ быши
 на мѣсте шомъ. Великому же Нязю пресѣ-
 дающе на боръзыхъ конѣхъ и ездущу по пол-
 комъ своимъ и глаголюще полковникомъ:
 „Ошцы и брашя, Господа ради (5), подви-
 зайшеся и свяшыхъ ради церквей и вѣры
 крестьяньскія (6): сія бо смерть нѣшъ
 в смерть, но живощъ вѣчныи, да ничто же
 брашя земнаго не желайше (7), да вѣнцы
 побѣдными оувяземся отъ Христа Бога Спа-
 са нашего.“ Оушвердивъ же полки Рускія, и
 паки прииде подъ свое черное знаменіе и

(1) *Ерм.* приб: начаша спязи христіанстїи прости-
 ратися, и трубы многихъ гласиши; уже бо Русїи
 конѣ укрѣнишася гласомъ каждо подъ своимъ знамени-
 емъ трубнымъ. Идоше же полцы по поученію елицы
 имъ повелѣша. Часу же прешіему наставшу, начаша.

(2) Въ *Снг.* шолми.

(3) *Ерм.* до Дону. Ср. *Соф. Временникъ*. М. 1820.
 стр. 360—361, 62.

(4) *Ерм.* яко.

(5) *Ерм.* всядѣше на конѣ свой, и подвижайшеся и
 покладѣше главы своя.

(6) *Никон. Л.* VII. 116, 152. *Царст. кн.* 219.

(7) *Ерм.* не уклонишеся на своеіе.

сидѣ с коня на иныи конь (1), совлачая с себя приволоку царскую и во иную облечеса, пошѣ же конь дастѣ подѣ Михайла подѣ Андрѣевича подѣ Бренка (2) и шу приволоку на него же облече, иже бѣ ему любимѣ паче мѣры. И по знамя повелѣ рыделю (3) своему возиши передѣ нимѣ; подѣ шѣмѣ же знаменемѣ и оубиенѣ бышѣ за Великаго Князя. Князь же Великий спавѣ на мѣстѣ своемѣ, и воздѣвѣ руцѣ свои на небо и вложи въ нѣдра (4) своя, в нихѣ же бѣ живоносныи крестѣ, на немѣ же бѣ изображены страсти Хришновы, и рече во умиленіи сердца: „Тебѣ оуже надѣюся конечное живоносному кресту, иже симѣ образомѣ явися православному Греческому Царю Константину и далѣ еси на бранѣ сію сущу побѣду. Не могушѣ бо обрѣзаніи человекѣы прошиву образу швоему спояши. Также и нынѣ оудиви, Господи, милосшѣ свою на насѣ.“ Въ тоже время приидоша книги ошѣ преподобнаго Игумена Сергія, в нихѣ же написано ешѣ: „Великому Князю и всѣмѣ рускимѣ Княземѣ мирѣ и благословеніе всемоу православному воиншву. (5) Князь же Великий слышавѣ писаніе ошѣ преподобнаго старца и цѣловавѣ посланника шого любезно. Тѣмѣ же писаніемѣ аки нѣкими бронями шверды-

(1) *Царств. кн.* 310. — *Др. Вел.* XIV. 26. *Палиц.* обѣ осадѣ Тр. Мон. 47.

(2) *Ерм.* Бреника. *Snorro.* II. 218.

(3) *Ерм.* рындѣ. *Др. Вел.* XX. 223, 25.

(4) *Ерм.* за пазуху и вземѣ.

(5) *Соф. Временникѣ.* М. 1820. стр. 360.

ми оукрепися, и еще дастъ емоу спарець даръ посланныи ош Игумена Сергія свяшны хлѣбець Пречистыя Богомашери. Князь же Великіи снѣдъ хлѣбець свяшны, и просперъ руцъ свои на небо, возопи велегласно: „О велико имя Свяшныя Троица! Пресвяшая Богородице, помогай намъ швоими молишвами и преподобнаго Игумена Сергія.“ Пріимъ же конь свой крѣпко и въземъ палицу свою желѣзную, подвизався ис полку вонъ, восхошъ преже самъ начаши ош горести душа своя (1). Мнозиже Князи Рускіе и воеводы оудержаша его, глаголюще: „Не подобаешъ тебѣ Великому Князю самому, и в полку быши (2), подобаешъ тебѣ особѣ полкомъ спояши і насъ расмошряши: шо предъ кѣмъ намъ явишися бьющися, егда оупасешъ Господь тебѣ Государя и Великаго Князя; а намъ чшо случимъ Богъ кому смершь или живошъ, и шы почему хоцещи разумѣши, какъ кого чпиши и жаловашы. Мы вси гошови есмь Государь головы своя сложиши за тебѣ Государя Великаго Князя. Тебѣ же Государю подобаешъ памяши швориши, кто сложимъ голову свою и в книги соборныя писашы, памяши дѣля, Рускихъ сыновъ, иже по насъ будушъ, якоже Оленшіи (3) Царь Феодору Тирону памяши шворилъ. Аще ли тебе

(1) *Ерм.* приб: за свою обиду великую и за православную вѣру.

(2) *Ерм.* бишися.

(3) *Ерм.* Леоншій.

единого изгубимъ: шо ош кого памяши чаемъ, аще всѣ живи есмъ, а шебе изгубимъ: шо кѣи оуспѣхъ будешъ намъ, аки спѣда овча неймоуще пастыря, оучнеш волочипися ни на чшоже възирая, пришедъ же волцы и распудяшъ насъ, и кпо хочешъ спасши насъ. Тобѣ Государю подобаешъ спасши себе и насъ.“ Князь же Великіи рече имъ: „Брашѣя моя милая, добры ваши рѣчи, немогу вамъ прошиву ошвѣщаши: извѣстно бо глаголете, шокможе и о словесехъ вашихъ похваляю васъ (1), кпо бо болѣ мене былъ в васъ в Рускихъ Князехъ? Но азъ былъ вамъ глава, и всегда преже васъ благая воспрѣяхъ. И нынѣ шакожъ преже васъ хошу почаша: благая ош Бога прѣяхъ, а злыхъ ли не могу шерпѣши (2). Мене бо ради всякія собранныя на Русь воздвигошася и како могу видѣши васъ погибаемыхъ, а самъ стояши; прочее кшомоу не шерплю, да общую чашу имамъ пиши с вами. Аще ли оумру, вмѣстѣ с вами, аще ли живъ буду, вмѣстѣ с вамиже (3).“ Передовыи же полки (4) ведешъ Димитрей Всеволежъ, а с правую руку емоу идешъ Микулай Васильевичъ со многими (5) людьми. Поганіи же бредушъ оба полка (6), нѣгдѣ бо имъ расшу-

(1) Въ *Ерм.* вставка о мученикѣ Арефѣ.

(2) *Іов.* гл. II. ст. 10.

(3) *Ерм.* приб: нынѣ вси останемся.

(4) *Ерм.* приб: зспушишася на насъ. Первое же полцмъ ведушъ Димитр. Вс. да Володимерь брашъ его.

(5) *Ерм.* с Коломичѣ и со инѣми людьми.

(6) *Ерм.* оба полъ.

пишися (1), мало естъ мѣста имъ. Безбожными же царь Мамай выеха на высоко мѣсто с шемными (2) своими Князи (3), зря пролипія человеческія крови. Оуже бо близъ себя сходяшася и выедеть же Гречене (4) задни ис полку Тапарского, предо всѣми мужесшова, похвалясь и хоробруя, подобенъ бысть древнему Голияу. Видѣвъ же его Пересвѣтъ чернецъ, иже бѣ въ полку оу Димитрія Всеволожа. и двигься ис полку вонъ (5), „Рече: сей человекъ иже себя подобна ищетъ; азъ же хочу с нимъ видѣшися (6).“ Бѣ же шелоу на главѣ его Архангельскаго образа вооруженъ схиною, по повелѣнію Игумена Сергія, и рече: „Ошцы и брашія, проспише мя грѣшнаго и, браше, Ослабя, моли за мя Бога; Преподобне ошче Игуменъ Сергіи, помогай ми молишвою своею. И оустремися прошиву емоу. Кресчѣянеже вси кликнуша: „Боже, помози рабу своему.“ Они же оударишася копыи (7),

(1) *Ерм.* рослягнушися ш. е. развяшся.

(2) *Ерм.* съ тремъ Князьми.

(3) *Арханг. Л.* стр. 65, 9, 81. *Цар. кн.* 253. *Времен. I.* 180.

(4) *Ерм.* и *Снг.* Печенѣтъ, именемъ Телебѣтъ.

(5) *Ерм.* прошивъ сего человека, прошивника себя хочетъ. — И пыхая яко левъ, аки женихъ, хоша воспріяти вѣнецъ небснаго царствія.

(6) *Ерм.* ажъ на мя вооружися онъ безбожный Печенѣтъ, устремися прошиву ему, глаголющи: Ѡ Магметъ, помози!“ Вомъ жъ христіанстѣмъ вси воскликнуша единѣми усты: Боже нашъ, помози рабу своему.

(7) *Ерм.* приб: аки силніи громи грянуша, егда мѣсто не проломися подъ ними.

едва оудержашеся, что непреломися земля подъ ними, кони же ихъ на корачни падоша. Они же оба спадоша с коней на землю, ту и скончашася. Наспавшу же вшорому часу дни, видѣвъ же шо Князь Великій и рече своимъ полковникомъ: „Видише, брашія, гости наша ближущся (1), оуже бо время приближися и часъ приспѣ.“ Оудариша каждое по коню своему (2) и крикнуша вси единогогласно: „Боже кресстьянскіи, помози намъ!“ Татарове же (3) скликнуша своими языки, и крѣпко спушишася (4): преснуша копія харалужная (5), звѣняшъ доспѣхи злаченныя, спущашъ щипшы черленныя, гре-

(1) *Ерм.* приб: испивають полныи чаши и ведутъ собѣ поведенную. иныи же ошъ нихъ испиша и веселы быша. *Ник. М. VII. 121.* См. выше сл. *гости*, ш. е. враги, а на стр. 65, въ другомъ значеніи.

(2) *Ерм.* приб: и поскочисша вси, аки медовныя чаши пиши: храбрымъ же сердца веселяспася; а имъ сердца ужасоспася и кликнуша единымъ гласомъ: съ нами Богъ, и паки, и ш. д.

(3) *Ерм.* [Печентъзижъ з свои кликнуша, призывающе своихъ боговъ, Магмеша: о Магмишъ, помози намъ и моли Бога о насъ!]

(4) *Т. Livii. VIII. 7. congregi cum.*

(5) *Ерм.* велиции полцы и крѣпко біющися и напрасно щипляющся щипшы богатырскіи о злычныи доспѣхи, а ліется кровь богатырская подъ сѣдлами коваными, блискають саблѣ булашными около головъ богатырскихъ, кошатся шоломы позлащенными с личинами добрыми конемъ подъ копыта, валяются головы многихъ богатырей з добрыхъ коней на сырую землю и пошоптаны бывають. Не едины богатыри Рускіе біены быша, но и Татарскихъ вдвое; не шокмо бо оружіемъ біющеса, но и сами ошъ себѣ разбивахуся.

мяшъ мечи булашныя и блискающа сабли
булашныя, и много напрасно бьющеса не-
шокмо оружіемъ біющеса, но и сами о себя
избивахуся и под конскими ногами оумира-
ху, ош великія шѣсношы задыхахуся, яко
немошно бѣ вмѣстѣшися имъ. На полѣ Ку-
ликове между Дономъ и Мечею (1) сильни
полки вшупишася, из нихъ же выпекающъ
крововыѣ рѣчи (2) и шрепешали силніи
молніе ош облисканія мечнаго и ош саблей
булашныхъ, и бышъ (3), яко громъ ош
копейнаго сломленія. Спрашно бо ешъ ви-
дѣши сего грознаго часа смертнаго во еди-
номъ часѣ и въ мелгновеніи ока. О ко-
лико пысящъ человекъ погибаетъ созданія
Божія! воля бо Господня совершается. В
поже время шупошныя рѣки мушно пошли,
восшрепешаша лузи и болоша, езера вышпоу-
пиша из мѣстъ своихъ, прошопшашеся
холми высокіе, праву же кровію подымвало,
люющеса кровемъ аки рѣчны быспринамъ
на всѣ шраны. До пятаго часа бьющеса
неослабѣющу, с' му же часу насшавшу (7), Бо-
жімъ попущеніемъ, а нашихъ ради грѣ-
ховъ, начаша одолѣвати поганіи: мнози бо
ош вельможѣ Рускихъ побѣени сушъ, и Ру-

(3) *Χάρκουβιν* и *κάρκουβιν*, τοῦ χαλκίδου τὸν κεκαυ-
μένον. *Dis'ange Gloss.* Graec.

(4) *Никон. Л.* VII. 38.

(5) *Руск. Врем.* I. 244. *Продолж. Руск. библ.* IV. 33,
до. Никон. Л. VI. 158.

(6) *Ерм.* шрескъ и ломъ великъ копейный.

(7) По захожденіи солнца. См. *Арцыбышева.* Димитр.
Д. въ В. Е. 1827. 11.

ские оудалцы побіени сущь, аки силніи древа сломишася. Не шурове възрѣвъша, възрѣвъша мнози, оудалцы оурывающеся на землю под конскіи копыша, и мнози же сынове Русїи сопрошася. Самого же Великого Князя велми оуязвиша: онъ же оуклонися с коня и соидѣ с побоища едва могій. Ташаровъ же мнози спязи Великаго Князя под'сѣкоша, но Божією силою до конца неиспребишася, паче крѣпишася (1). Яко же с'му часу минующе поганіи же всуду задѣша и около крестьянъ об'спупиша Ташарове. Оуже бо мало естѣ полковъ крестьянскихъ: всѣ полки Ташарские. Видѣвъ же то Князь Володимеръ Андрѣевичъ, (2), не могій побѣды шерпѣши. И рече Димитрею Волынцу: „Браше Димитрей, чшо оубо ползуешъ наше спояніе, да кому хоцемъ помощи?“ И рече ему Димитреї Волынецъ: „Бѣда велика, Княже; не оуже бо еще пришла година. Начиная бо без времени, бѣду себѣ приємлюшъ. Мало оубо потерпимъ (3), вонъ же часъ имамъ ошдаріе (4) ошдаши

(1) *Ерм.* приб: Се же слышахомъ ошъ вѣрнаго само-
видца, глаголюще: сей же бѣ ошъ полку Володимерова Андрѣевича, повѣда видѣніе Великому Князю: во шестую годину сего дни видѣвъ надъ ними небо отверсто, изъ него же изыде облакъ, яко ранняя зоря, и надъ ними низко держащися и шой же облакъ исполненъ рукъ человѣческихъ: каяждо рука держащи оружіе и опшусишася ошъ облака шого на главы христїанскіи. То же и въ *Срмод. Лѣтоп.* Но 365.

(2) *Ерм.* приб: великую побѣду христїанскую, аки класы бо пшеничныи подавляемы шерніемъ, а шерніе росшаше и буаше.

(3) *Ерм.* приб: до времени подобна.

(4) Въ *Снг.* воздаяніе.

прошвинникомъ; шокмо нынѣ призывайше Бога и ждише осмага часа, вонъ же имашь быши благодать Божія и крестыанская помощь.“ Князь же Владимиръ Андрѣевичъ воздѣвъ руцѣ свои на небо и рече: „Боже ошецъ нашихъ, сошворивши небо и землю (1), не дай же, Господи, порадовашися врагомъ нашимъ о насъ (2)!“ Сынове же Рускіи в полку его плачущеса, видяще други своя побиваеми, непрестанно порывающеса, аки званныи на бракъ сладкаго вина пиши. Лепо бо ешь в шо время и спару помолодишися, а молоду храброси испышаша. Волинецъ же возбраняше имъ, рече: „Мало помидише, буивши (3) сынове Русіи, ешь бо вамъ еще с кѣмъ оупѣшишися, пиши и веселишися!“ — Приспѣвшу же осмому часу и повѣя въспрець южныи позади ихъ. Возопи же Волинецъ гласомъ великимъ, и рече: „Князь Владимиръ, время фриндѣ и часъ приспѣ. И паки рече: дерзайше, братія и друзи, сила бо Святаго Духа помогаетъ намъ!“ И выедоша из дубравы едѣномысленныи друзи, аки соколы испущени, и оударишася на спада жарѣвлина (4). И шако спязи (5) направлени крѣпкимъ воеводою; бяху бо яко опроцы Давидови, имъ же сердца быша аки лвомъ, и аки на овча

(1) *Ерм.* приб: предстояй, на ны крамолы дѣтешъ.

(2) *Ерм.* приб; мало показни насъ, много помилуй; бездна бо еси милосши,

(3) *Снг.* мудріи.

(4) *Script. rer. Moscov.* I, 98, 128.

(5) *Ерм.* сіи удалци.

стада оударишася напрасно. Поганіи же видѣвъше и крикнуша глаголюще: „Оувы намъ, паки Русь насъ оумудриша! хушчіе с нами бишася, а лущіе соблюдошася.“ И обрашася поганіи, даша плещи своя. Сынове же Рускіи силою Свяшаго Духа (1) бяху ихъ и помощію свяшыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, аки лѣсъ клоняху, аки шрава ош косы поспилаешся, Рускими мечи сѣкушся Ташарскіи же полки; бѣжаша же Ташарове, глаголюще своими языки: „Оувы и шебъ чеспными царю Мамаю! высоко вознеслъ еси, и до ада зышелъ еси!“— Мнози же и оуязвеніи нашихъ помогаху, сѣкуще без милосши, ни единому же ихъ не могущу оубѣжати, понеже кони ихъ испоминшася. Мамай же царь видѣвъ напрасно своихъ побиваемыхъ и нача призывати боги своя: Перуна, Салма́на (2), Тамокоша, Ракляя, Руса и великаго своего помощника Ахмета. И небысль емоу ничшо же помощи ош нихъ; слабо Свяшаго Духа аки огнемъ пожигаешъ ихъ. Мамай же царь рече алпаоушомъ своимъ (3): „Побѣгнемъ, брашїя, ничшо же оубо добра

(1) *Ерм.* гониша и гнаша.

(2) *Ерм.* Перуна и Саваша, Иракля и Гурса. Въ *Снг.* Перна, Ракляя, Салаваша, Хурса. Въ *Лаврент. Лѣтоп.* стр. 48. изд. Тимковскаго, упоминающіеся въ Кіевѣ шесць боговъ, изъ коихъ шрехъ несправедливо приписываетъ здѣсь сочинитель и Монголамъ: Перунъ, Хърсь, Дажьбогъ Сприбогъ, Симарьгла и Мокошь. Волосъ въ Кіевск. Пантеонѣ не помѣщенъ; онъ былъ покровителемъ Ростова. *Древн. Вѣст.* XVI. 245. *Schiblers Probe Russ. App.* p. 106.

(3) *Ерм.* угодникомъ.

чаяши имамъ , хошя , брашіе , головы своя оунесемъ (1).“ Абіе побѣже с чешырьми мужа. Мнози же ош кресстьянъ гонишася за нимъ , но конми ихъ неодоляша; цѣли бо кони под ними , яко небыша на бою. Возвращивжеся (2) и обрѣше шрупія мертвыхъ Ташаръ об ону спрану рѣки Непрявы , идѣже не быша Руския полки. Сія бо бѣшы (3) сущь ош свяшыхъ мученикъ Бориса и Глѣба , о нихъ же провидѣ Фома Халберцыевъ. Иные же оудалые люди гонишася ; егда всѣхъ доступиша , шокмо царь Мамай оубѣже с чешырьми мужи и возвращахужеся Рускіи сынове койждо под знамя свое.

Князь же Владимиръ Андрѣевичъ , спавъ на костѣхъ под чернымъ знаменіемъ , и не обрѣше Князя Димитрея Ивановича брата своего , и повелѣ собрацною проубою прубиши , и жда часа , не обрѣше Великаго Князя , нача плакашися и по полъкомъ ѣздиши , глаголаши : „Брашія , кшо видѣлъ или слышалъ ешь Государя своего Князя Димитрея? Се бо , брашіе , подобно яко же писано ешь : пораженъ паспырь и разыдушъся овца. Кому сія честь довлѣеть?“ И рекоша Лышовскія Князи : „Мы чаемъ , яко живъ ешь , но оуязвленъ велими , егда во шрупъ будешъ ; а иной рече : азъ видѣхъ его в пятый часъ бьющеся крѣпко ; а иной рече : азъ видѣхъ его , еще поздѣ шого бьющеся , но чешы-

(1) *Ерм.* упасемъ.

(2) *Ерм.* гонящій же ихъ возвратишася.

(3) поправлено : шущь.

ре Ташарина належат емоу.“ Иъкто же Юрлевской юноша Князь Стефанъ Новоселской поу споя, рече: „Азъ видѣхъ его пред самымъ своимъ прїездомъ, пѣша по побоищу идуща, и оуязвлена велми, и еще емоу спужаюшъ дѣ Ташарина, азъ же бился с Ташариномъ и помощію Божіею борзо побѣдихъ его и погнахся за шѣми, иже спужаюшъ Великому Князю, немощно бо бѣ борзо гонимися, неможе конь ишѣти в шрупу челоуѣчю борзо. Но сугонивъ Ташарина оубилъ, при же ихъ на мя нападоша много ми спужаху, и по милости Божіи два ош нихъ оубихъ прешей же побѣжа. Азъ же гнахся и за шѣмъ, оузрѣвъ же иные Ташарове наехаша на мя, и многими спужаиша и раны многи нанесоша ми, крѣпко ошъ нихъ поспрадахъ, едва избыхъ ошъ нихъ, и в шрупу пребыхъ донѣдеже шы приспѣ.“ Рече же емоу Князь Владимиръ Андрѣевичъ: „Извѣстно естъ, браще Стефани, видѣніе твое; аще кто нынѣ обрящешъ Великаго Князя, поистиннѣ честенъ будешъ.“ Рачишели же ошроцы разсунушася по великому грозному побоищу, ищуще побѣде побѣдителя. Ови же наидоша Михайла Андрѣевича Брѣнка (1), и чаяше Великимъ Княземъ; а иные наехаша Князя Феодора Семеновича Белозерскаго, чающе Великимъ Княземъ (2). Два

(1) *Ерм. приб:* Брѣника, убиваго въ приволотѣ Великаго Князя и въ шолому. *Рост. Лѣт. л.* 370. *Карамз. II. Г. Р. ш. V. стр.* 61—77.

(2) *Ерм. приб:* зане же приличенъ бѣше ему.

же война, великіе вишязи, оуклонишася на десную сшрану в дубраву, единого зовущъ Сабуромъ, а другой Григоръй Холопщовъ (1), родомъ же оба Коспромичи; мало же выехавъ с побоища, наехаша Великаго Князя биша велми и стъчена опдыхающа под посъщеннымъ древомъ подъ березою (2). Видѣвши же его, скочиша с коней и поклонишася емоу с радостию; Сабуръ же возвратися и повѣда Великому Князю Владимиру: „Князь Великій Димитрей Ивановичъ здравитъ и вѣзъки царствуетъ.“ Все же Князи и Бояре скоро сунушася, скочиша с коней и поклонишася Великому Князю, глаголюще (3): „Наше древо Ярославле, новыи Александръ, сія побѣда шебъ Государю чешъ повѣдается!“ Князь Великій едва нуждею промолвилъ, рече: „Повѣдайше ми побѣду сію?“ Рече же братель его Князь Владимиръ Андрѣевичъ: „По милости Божіи и Пречистыя его Матери молишвами и помощію сродникъ нашихъ Бориса и Глѣба, моленіемъ Рускаго Священнаго Петра и его способника (4) Игумена Сергія, и всѣхъ шѣхъ свяшыхъ молишвами, супоснаши наши побѣдени соущъ, а мы спасохомся.“ Слышавъ же то Князь Великій, спавъ на нозѣ свои, и рече: „Сіи день сотвори Господь,

(1) *Ник. Л.* 118. Холпищевъ — Хлоповъ.

(2) *Ник. Л.* V. 199.

(3) *Ерм.* Радуйся нашъ древній Ярославе, радуйся свяшило Руское земли и пастыру добрый овцамъ, побѣдителю врагомъ симъ.

(4) *Ерм.* приб: вооружителя.

возрадуемся и возвеселимся в онъ (1).“ И приведоша ему конь кропокъ. Онъ же иная многая рече со Князи и сѣдъ на конь и выехавъ на побоище, видивъ многое множество бишо войньспва своего, а поганныхъ вчешверо шого болъ бишыхъ. Обращився къ Волинцу и рече: „Браше Димитрей, воиспину разумливъ еси, и неложна примѣшавоя! Подобаетъ ши всегда биши воеводою.“ И нача з брашомъ своимъ и з новонареченною брашнейю, с Липовскими Князи, и сыными оставшими ездити по побоищу, а сердцамъ крѣчаше и слезами оумываяся, наехалъ на мѣсто, идѣже лежатъ Князи Белозершїи (2) вси вкупѣ посѣчени (3) и шу лежатъ близъ Микула Васильевичъ. Надъ ними же спавъ Государь, проплакавъ и рече: „Брашїа моя, Князи Рускии, аще имате дерзновение ко Господу, молишеся и о насъ, да вкупѣ с вами будемъ!“ И паки на иное мѣсто приеде, найдъ своего наперѣснника Михайла Андрѣевича Брѣнка и близъ его Семена Мелїка крѣпкаго, спорожа, близъ его Тимофей Валуевичъ и шуто же близъ Пересвѣтъ чернецъ близъ наро-

(1) *Ерм.* приб: и паки рече: сей день Господень; радуйшеся людїе! велїи еси Господи и чудны дѣла швоя! вечеръ водворитсѣ плачь, и заутра радость.

(2) *Ерм.* и *Никонов. Л.* приб: осмь Князей Б. Въ *Синод. Л.* No 365, пятнадцать. Въ *Рост. Л.* равно, какъ и въ *Синг. сп.*, числа Князей не означено.

(3) *Ерм.* голми бо напрасно бишася, яко единъ единого ради умираешъ.

нишаго богатыря (1) лежаща. Видѣвъ же Князь великій рече: „Видите, брашіе, своего починачка! шой побѣди подобна себѣ челоуѣка, ош него же было пиши многимъ горкую чашу (2).“

Сшоявъ же Князь Великій за Дономъ нѣ дней, дондеже разобраша крестыянская шельса с нечесшивыми; крестыяне же похраниша, колко оуспѣша, а нечесшивіи повержени звѣремъ на расхищеніе (3). Поганому царю Мамаю опсель збѣжавшу и добеже, идѣже естъ градъ Кафа:

(1) *Ерм.* приб: Надъ ними же сшавъ Князь В. и рече: брашія моя возлюбленная, моего ради образа убиенны быше: кшо бо таковой рабъ можешъ госа подину служиши, яко мене ради самого мысленно (умышленно) на смерть поѣхавъ, истинному древнему подобенъ, иже бѣ ошъ полку Дарія Перскаго, и онъ же тако шворишъ.

(2) *Ерм.* приб: Григорія Капустина.

(3) *Ерм.* приб: И сшавъ на мѣстѣ, повелѣ шрубиши со избранною шрубою. Храбрыи же богатыре со всѣхъ спранъ приехаша на шрубный гласъ и на всѣхъ испышоваши довольно всѣхъ оружіи ошъ поганыхъ Ташаръ. Грядуще же и весело ликующе и поюще пѣсни ово богородичнѣ, ово мученичнѣ, и побѣднѣ собранному же всему войишву. Князь же Великій на мѣстѣ сшавъ посреди ихъ, начашъ плакати и радоватися, глаголюще: Князи и сынове Русіи, Бояре мѣстныи и Воеводы сильныи и сынове всея земли Рускія! вамъ подобаетъ такожь служиши, а мѣ подобаетъ тако радоватися, вшегда посѣишъ мя Господь; а буду на своемъ шолѣ, на великомъ княженіи, и шогда имамъ васъ дароваши; а нынѣ сія управимъ, кождо ближняго своего похорониши, да не будущъ во снѣдъ звѣремъ шѣлеса хрїстіанская!

(4) *Ерм.* приб: Говоритъ Князь Великій Димитрій Ивановичъ: брашія, Князь Рускія, воеводы мѣстныя,

иия же свое пошайлъ бѣше и познанъ
бысть нѣкимъ гостемъ купцемъ Фряж-
скимъ, шу и оубиенъ (1); оудальцы воспле-

считайтесе, братія, коликихъ у васъ воеводъ
нѣтъ, колико молодыхъ нѣтъ? — Говоритъ Гри-
горій Александровичъ, Московскій бояринъ: нужъ,
господинъ Князь Великій Димитрій Ивановичъ, нѣтъ
у насъ бояриновъ Московскихъ болшихъ М, а ВІ
Князей Бѣлоозерскихъ, а Г бояриновъ, посадниковъ
Новгородскихъ, а М бояриновъ Серповскихъ, а К
бояриновъ Переяславскихъ, а КЕ бояриновъ Кост-
ромскихъ, а ЛЕ бояриновъ Володимерскихъ, а во-
семь бояриновъ Суждальскихъ, а М бояриновъ Му-
ромскихъ, а Л бояриновъ Ростовскихъ, а КЕ бо-
яриновъ Дмитровскихъ, а О бояриновъ Звингород-
скихъ, а ЕІ бояриновъ Углицкихъ, а згнуло у насъ
дружины полшретья сша тысячь. И помилова Богъ
землю Рускую ошалося всего дружины сорокъ ты-
сячей и пять: Рече же Великій Князь Димитрей Ива-
новичъ: Братія Князи Рускіи, воеводы мѣстными,
молодыи люди избишъ всѣ. Вамъ, братія, сѣжено
между Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовѣ, на
рець Неправдѣ положиши еше головы свои за зем-
лю Рускую, за свящія церквѣ. Простите мя и бла-
гословите в семъ вѣцѣ и будущемъ. — Сіе же ос-
шавимъ; на преднее возымѣмъ. — *Неправда*, замѣ-
чаетъ Г. Анастасевичъ, не значить ли *Днѣпра* —
два? — Въ *Сигрѣ*. сп. цомѣщено описаніе похода
В. К. Димитрія въ Троицкій монастырь для воз-
благодаренія преп. Сергія по прибытіи въ Москву.
Тоже естъ и въ *Никонов. Л.*

- (1) Слышавъ же се Олгердъ Литовскій, яко К. В.
Димитрій Ивановичъ побѣди и одолѣ безбожнаго Ма-
мая, возвратися воспять со студомъ своимъ. Без-
божный же не токмо Москвы не получивъ, но и сво-
ихъ лишенъ Еланинъ. Олгъ Рязанскій такожь зѣ жи-
вошъ скончавъ: ровъ изры, ископа и впадется въ яму
юже сошвори; обратися болѣзнь его на главу его
и на верхъ его неправда его снидеть.

Ч. V. Но XVII, XVIII, XIX и XX. 5

скаше в Тапарскихъ оузорочіяхъ , везучи
 въ землю оуюсы (1) и насычи бугай коне
 и волю и вельблюды, меды и вина и сахара!
 Предъвознесеса слава Руская надъ поганныхъ
 землею , ревушъ рози великаго Князя по
 всѣмъ землямъ. Пойдѣ вѣстѣ по всѣмъ гра-
 домъ ко Орначу (2) Криму х Каѣ къ желѣз-
 нымъ врапомъ , ко Царю граду на похвалу:
 Роусъ поганыи одолѣша на полѣ Кулико-
 ве (3) , на рѣчкѣ на Непрядвѣ. Воздадимъ
 хвалу Руской земли. Кой градъ глава всѣмъ
 градомъ, Володимеръ и Росповъ , хвалу воз-
 даюшъ Богу со всѣми грады. Прославлю ми-
 лосшъ Божию во вѣки вѣкомъ. Аминь.

(1) *oubia*, плашье: бугай — то же. *Др. Висл.* I. 50.
 4. XVIII. стр. 298.

(2) *Продолж. Нестора.* 286, *Др. Висл.* XII. 20.

(3) *Цар. кн.* 108. *Царств. А.* 49. *Memoria popul.* II. 445.

З а м ѣ ч а н і я.

Сокращенія.

Ерм. А. И. Ермолаева списокъ, помѣщенный въ концѣ Кіевскаго Лѣтописца Несторова, сличеннаго съ Хлѣбниковымъ и Ипатьевскимъ. Вѣрный списокъ сей повѣсти съ благодарностію полученъ мною отъ Гна Спашскаго Совѣтника и Кавалера В. Г. Анастасевича.

Тимк. достопочтеннаго Профессора М. Ун. Романа Ѳеодор. Тимковскаго, кошорый намѣреваясь при жизни своей издать сію рукопись, сообщилъ мнѣ, какъ своему ученику, нѣкоторыя свои наблюденія о семъ памятникѣ и предоставилъ вѣрный съ рукописи прошивень, съ коего печаталъ я, принимая въ соображеніе и списокъ Гна Сандунова. Заглавіе сего историко-поэтического сочиненія въ рукоп. сдѣлано киноварью слѣдующее : *Вѣдай сіе повѣданіе и сказаніе о побойще великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго.* — Сравни. *Арцыбышева* Дим. Донской въ Вѣстн. Евр. 1827. Но 11—12.

Сигр. мой списокъ въ 4, начѣла XVII вѣка, писанный полууставомъ въ Сборникѣ.

Прочія сокращенія понятны и не требуютъ объясненій. На словахъ; имѣющихъ въ рукописи различное съ нынѣшнимъ удареніе, поставлены знаки; правописаніе сохранено по Тимк. рукописи.

И С.

II. К Р И Т И К А.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СЛОВАРИ АКАДЕМІИ РОССІЙСКОЙ (*).

Производный Словарь Русскаго языка, составленный Академіею, достоинъ въка Екашеріны (**). Какъ первый опытъ, онъ далекъ отъ совершенства; но это опытъ исполнина — и будущій лексикографъ произнесетъ съ благодарностію имена облегчившихъ тяжелую работу его. Академія объявила тогда, что трудъ ея долженъ указать ей средства къ утвержденію правилъ языка; она обѣщала воспользоваться всеми замѣчаніями, какіи откроетъ ей время и совѣщаніе мужей просвѣщенныхъ, и, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, приступила ко второму изданію (***).

Въ Алфавитномъ Словарѣ Академіи прибавлено множество словъ, прежде пропущенныхъ (****), выкинуты излишніе при-

(*) Правильнѣе *Русской*, ибо общаго *Россійскаго* языка нѣтъ: Россія населена разноплеменными народами, которые говорятъ различными языками.

(**) Учрежденіе Академіи послѣдовало 21 Окт. 1783 года, а въ 1789 изданъ уже первый томъ Словаря; шестой и послѣдній — отпечатанъ 1794 года.

(***) Первый томъ Алфавитнаго Словаря отпечатанъ 1806, шестой и послѣдній — 1822.

(****) Въ одной буквѣ *А* до 50; но изъ сего числа должно исключить многія слова, неправильно отдѣленные отъ другихъ (см. сего разбора Отд. III). Въ буквѣ *А* такихъ словъ около 20. — Число всѣхъ словъ Производнаго Словаря можно положить до 40,000, Алфавитнаго — до 50,000.

мѣры, исправлены или сокращены нѣкоторыя опредѣленія, и первое лице глаголовъ, по которому были расположены они, замѣнено неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

Недостатки неразлучны съ произведеніями человека. Въ планѣ стараго изданія — есть погрѣшности; важнѣйшая въ новомъ азбучный порядокъ словъ: ибо *подробный словарь языка самобытнаго* непременно долженъ быть производный,

Но исполненіе едва ли не важнѣе плана. Строго держащійся правилъ, хотя бы и несовершенныхъ, сдѣлаешь болѣе того, кто нерадиво слѣдуетъ лучшимъ правиламъ. Несовершенства плана словарей не столько-бъ повредили достоинству оныхъ, еслибъ исполненіе соотвѣтствовало намѣренію, еслибъ, Академія — по крайней мѣрѣ исправила недостатки перваго изданія.

Нѣ сожалѣнію многолѣтніе труды ея не оправдали всеобщаго ожиданія; пропущенъ сборъ варварскихъ словъ и пропускъ употребительныхъ, тѣ-же невѣрные опредѣленія, тѣ-же погрѣшности противъ Грамматики опличаютъ новое изданіе ея въ наше время, когда и языкъ и Грамматика далеко подвинулись.

И такъ, не останавливаясь надъ планомъ, принятымъ Академіею, тѣмъ болѣе, что я писалъ уже о правилахъ для Производнаго Словаря Русскаго (*), взгляну на

(*) Сочин. въ прозѣ и стихахъ, Труды Общ. М. Р. Сл. Ч. V. Съ нѣкоторыми поправками.

исполненіе, и для удобнѣйшаго обозрѣніа онаго, расположу замѣчанія мои по приличію предметовъ въ X отдѣленіяхъ.

Но приступая къ разсмотрѣнію книги, важной уже однимъ авторитетомъ своимъ, я почишаю за долгъ обратиться къ просвѣщеннымъ читателямъ, прося ихъ вѣришь, что одно искреннее желаніе общей пользы водило перомъ моимъ. Смѣю прибавить, что никогда своекорыстіе и личности не управляли моимъ мнѣніемъ. Смѣю надѣяться, что и почтеннѣйшіе Члены Академіи Россійской не оскорбятся замѣчаніями моими. Они опличашъ кришку благонамѣренную, основанную на доказательствахъ, ошъ приговоровъ присяжныхъ и легкомысленныхъ (*),

I. Въ новомъ и старомъ изданіи Словаря помѣщены многія слова, ни мало не употребляющіяся въ чистомъ языкѣ Русскомъ.

Слова сіи или древнія Славянскія (также Греческія, только въ Церковномъ языкѣ встрѣчающіяся), или изобрѣшены въ то время, когда языкъ почти не имѣлъ ни положительныхъ правилъ, ни образцовъ, или, наконецъ, принадлежатъ къ шѣмъ, кои можно составить по аналогіи, но которія противны образованному слуху.

(*) Въ нынѣшнее время полемика такъ овладѣла литературою нашею, что оговорки сдѣлались необходимы.

Таковы въ буквѣ *А* Алфавитнаго Словаря: *абіе*, *Аггелъ* (*), *агичикъ*, *агня*, *аки*, *акибы*, * *алекторъ*, *алкотд*, *алловатость*, *амо*, *аможе*, *аможе* *аще*, *анепсій*, *анепсія*, *аркіенископъ*, *аще*, *аще бы*, *аще ли*. — Въ буквѣ *Б*: *баальникъ*, *баальство*, *баальство*, *баальствовати*, *бабити*, *балій*, *балія*, *баскачество* и *баскачество*, *бавить*, * *бдѣнно*, *бдѣтельно*, *бдѣтельный*, *безбожничество*, *безбожничествовати*, * *безбожество*, *безбожствовати*, *безволокитно*, *безвыводно*, *безжалованный*, *беззависіе*, *беззависно*, *беззакрыто*, *беззакрытый*, *безкабально*, *безкабальный*, *безоплутность*, *безоприцательно*, *безопиѣнно*, *безопиѣнный*, *безочество*, *безочествовати*, *безпамятность*, *безпереоброчно*, *безплищный*, *безпокоеніе*, *безпрокій*, *безремѣство*, *безсблзноство*, *безсудіе*, *безсудно*, * *безъизбѣжность*, *бервенный*, *благовольнѣ*, *благовонство*, *благовременство*, * *благовѣрствую*, *благовѣйнство*, *благовѣйнствовати*, *благодарство*, *благодарже* *благодарже*, * *благодѣланнѣ*, *благодѣишный*, *благосличный*, *благосла*, *благосудожнѣ*, *блзливостъ*, *блзнительно*, *блзнительный*, *блзнь*, *близина* и *близкостъ*, *бо*, *богашина*, *богашичный*, *божимый*, *борзопицеъ*, *бранливо*, *бранливостъ*, *бранливый*,

(*) Слова, отмѣченныя курсивомъ въ I мѣ и II мѣ отдѣленіи, находятся только въ Алфавитномъ Словарѣ; отмѣченныя звѣздочкой только въ Производномъ. Буквы курсивныя между прямыми, или прямыя между курсивными, означаютъ ошибки противъ Орфографіи.

* брачишися , *бременатая* , бременоносець (зм. бременосецъ) , брешашъ (зм. брехашъ) , буерачисшый , буерачный , * бѣгсшвенный , бѣднѣ и пр. и пр. По сему можно заключить и о другихъ буквахъ (*).

Сюда-же принадлежатъ увеличительныя и уменьшительныя : *баранище* , дубкиница , ежище , *ключище* , колесище , кодапачище , корнище (въ Произв. кореніище) , листище , мостище , столище , *шолпища* (въ Произв. шолпища) , шляпища , мужиченко , *мужиченцо* (а употребительное , мужичишка , пропущено) и др.

Сюда-же принадлежатъ оглагольныя существительныя на *іе* : *баломученіе* , * безболѣзнованіе , безчещеніе , боденіе , боженіе , бурлаченіе , бурленіе , *взberoшеніе* , *вскооченіе* , влюбленіе , *вмаменіе* , вымараніе , *изстроеніе* , изсыпаніе , изсученіе , изпашканіе , изщерпаніе , изшираніе , изпращеніе , изшолченіе , *изубытченіе* , изчерпаніе и др.

Сюда-же принадлежатъ оглагольныя прилагательныя на *ный* : *вмаменный* , вмешенный , *возвеселенный* , вскоробленный , выграбленный , *выпашленный* , выганный , замшаренный , заноженный , *заохренный* , запомненный , запяченый , заровненный ,

(*) Можетъ бысть сказать , что для разумѣнія писаній прежнихъ лѣтъ слѣдуетъ допустить всѣ сіи слова въ Словарь Русскій ; въ такомъ случаѣ Г-да Издатели повинны въ большихъ пропускахъ. По моему мнѣнію , даже и корни словъ , употребительныя нынѣ , идутъ только къ Производному Словарю.

зарощенный, заскверненный, заспъснен-
ный, затемненный, затеребленный, за-
тѣмненный и др.

Сюда-же принадлежатъ глаголы: добо-
ранивашъ, добѣгивашъ, добѣнчивашъ, до-
гавливашъ, догуливашъ, додаивашъ, до-
далбивашъ, додергивашъ, додерживашъ, до-
капчивашъ, докачивашъ, доклеывашъ, до-
колупывашъ, докапливашъ, докрапливашъ,
долавливашъ, домежевывашъ, допаливашъ,
доплясывашъ, досоливашъ, доспрѣливашъ,
дошапливашъ, дошворяшъ, дотушивашъ,
дошагивашъ, дошагивашъ и др. Впрочемъ
нѣкошорыя формы глаголовъ сихъ упообре-
бляющіяся.

II. Напрощивъ пропущены въ томъ и
другомъ изданіи весьма многія упообреби-
тельные слова, какъ иноязычныя, такъ и
коренныя Русскія.

Въ одной буквѣ А: аббашъ, абордажъ,
абрисъ (сіе слово можно замѣнить Русски-
ми: обрисъ, обрисъ), авангардъ, авторъ,
агентъ, агрономія, адресъ и адресовашъ,
аерологія, аквилонъ, аккуратный, акреди-
товашъ, аиръ, аккордъ, акушеръ, акція,
альбомъ, алькозъ, альфреско, амбарго, аме-
ла, амулетъ, анабапшистъ, аналогія, ана-
пестомѣтъ, анализъ, анонимъ, анпиква-
рій, аншрѣакшъ, аорисшъ, аппеляція, ап-
пель, * апокалипсисъ, апокріѣъ, апологъ,
апробація, аплодировашъ, арабескъ, арапъ
(не Арабъ), арлекинъ, арктическій и ан-

паркшическій, армада, арматоръ, архаизмъ, аршачишься, арка, аркада, арьергардъ, арія, аръ, аспра, ашеизмъ, ашеистъ, аулъ и другія съ однокоренными ихъ (*).

Сюда же принадлежатъ имена женщинъ: актриса, аптекарша, ассесорша — уменьшительныя: аллеика, апельсинчикъ, апласецъ — составныя: бау-адьюшаншъ, генераль-адьюшаншъ — прилагательныя ошъ-именныя: адвокатскій, адьюшаншскій, аналишическій — нарѣчія: адски, алгебраически, астрономически — глаголы: ашаквашъ, * ашцешцовашъ и многія другія слова, коихъ коренныя находяща въ Словаряхъ.

Въ другихъ буквахъ между прочими пропущены: безбрегій и безбрежный, * бояшься, братія, буженина, бурелюбивый, бушевашъ, быспроногій, бълорыбица (есть бълая рыба), водянистый, * вожапай, высь, въшроломный (въшроломный лѣсъ — пехнич.), глашпай, горечавка (права горечавка), гулкій, дерновашъ — задерновашъ, довременный, домовой, есмь (при глаголъ бывашъ выспавлены только слѣдующія формы: бывашъ, бышь, бываю, былъ, буду), зачумъшь, злапокрылый, злапбрдяный, злапошвенный, злапокопытый (конь злапокопытъ), искромешный, красна и крѣсны, красноперый, лавина, лукоморье, наполюность (прекрасный переводъ слова *kamna-*

(*) Скажутъ, что это слова иноязычныя; зачѣмъ же помѣщено въ Словаряхъ Академіи множество другихъ такихъ словъ?

ніа), небосклонъ, огнепернатый, опросишь или упростишь, ошзывицотый, ошужанишь и ошуманишься, перначъ (есть пернаша), *побышь (за то есть какой-то глаголъ побывывашъ), побѣгашь, *почищашь (lige), *почишывашъ, преисподняя, прибрежный, *пѣшь; *прохлада, *прохлаждашь съ производными ихъ; развѣнчаешь, разочаровашъ, разувѣришь, разукрасишь и изукрасишь, *разсказывашъ — съ производными ихъ; роговѣшвисшый, рогоносець, сбишень, сбишеньщикъ, *спень, самопознаніе, самосознаніе; самъ-четверть, самъ-пяць и ш, д., сосредоточишь, споронникъ, сѣнолистшвенный (есть благосѣнолистшвенный), *шаборъ, прудолобець, цѣшпошница, шпыкъ (ошъ Euid), а! ахъ! и др.

Также пропущены: багажъ, баллада, бандишь, барельефъ, брюнетъ, барбаризмъ, бенефисъ, берейторъ, библиографія, бильйонъ, бюсьтъ, бивакъ, блокада; вешеранъ, воланъ, волонтиръ, *вымпель; газета, гальванизмъ, гармонія, гондола, *грифъ; дакшиль, дамшатиць, дарикъ, дебюшь, девизъ, дезертиръ, декорація, демагогъ, дефектъ, дивизія, дилижансъ, динамика, дишкантъ, диоирамбъ, діагональ—ъ, драбантъ; жандармъ, жетонъ, жирандоль; зоологія; идиалія, инквизиція, иллюминировать, импровизаторъ, инспитшуть, инстинкъ; іероглифъ или гіероглифъ; кадрилъ, каллиграфія, капотъ, капитуляція, карикашура, карусель, кашакомбы, категорія, кашотшприка, квадральйонъ, кваршетъ, кларнетъ, клейнодь, кли-

стирь , кокарда , кокешка , колерь , колона-
да , колоришъ , колюрь , комплименшъ , кон-
вульсія , конкурсъ , конспишуція , *консулъ ,
корвешша , корсеръ , корсешъ , космополишъ ,
кумысь , кураншы , курашоръ и множество
Другихъ.

При нѣкоторыхъ словахъ , находящихся
въ Словаряхъ Академіи , не выставлено
значеній ихъ. Такъ при глаголъ *взбударажить*
сказано : см. бударажишь , но эшаго
слова нѣтъ ; при словѣ вазаллъ указано на
слово голдовникъ , но и сего нѣтъ (въ Про-
изв. см. голдъ) ; при словахъ герой , герой-
ски , геройскій , геройство указано на ирой ,
иройски , иройскій , иройство , а при сихъ
последнихъ опять отсылають къ первымъ
безъ объясненія (въ Произв. объяснено) ;
при словѣ карбункулъ сказано между про-
чимъ см. рубинъ , но слово рубинъ пропу-
щено ; при словѣ *юховникъ* указано на юхов-
никъ , но и это пропущено ; при словѣ ве-
ликій — находящіяся выраженія великая сед-
мица , великій постъ , *великій прокименъ*
великій князь , *великій канцлеръ* , *великій*
магистръ , великъ день — съ ссылками на
существительныя седмица , постъ и пр. ,
но изъ всѣхъ сихъ выраженій объясняется
одно : великій князь ; при словѣ солнечный
есть выраженіе солнечные часы и указано
на существительное часы , но шамъ это
пропущено (въ Произв. есть) ; при словѣ
шоргашь выставлены одни примѣры (въ Про-
изв. объяснено) ; при словѣ *бѣлые валы
указано на существительное валъ , при сло-

въ валъ на существишельное волна, при словѣ волна на глаголь влаю, а здѣсь о бѣлыхъ валахъ и въ поминѣ нѣшъ.

За то уже въ Алфавитномъ другія слова помѣщены вдвойнѣ и каждый разъ съ объясненіемъ. Таковы: адскій камень и камень адскій, изкусь и искусь, разиня и розиня, сшаруха — особо, и при словѣ спатикъ, шо есть спарикъ.

III. Слова, кошорыя должны бытъ вмѣстѣ, или посшавлены вовсе опдѣльно, или опшнесены не на свои мѣста; а кошорыя слѣдовало раздѣлишь, тѣ соединены.

Такъ агнецъ непорочный и агнецъ пасхальный опдѣлены опъ слова агнецъ; Ангелъ великаго совѣта, Ангелъ свѣта, тьмы, Ангелъ хранитель — опъ слова Ангелъ; артиллерія осадная, полевая, полковая опъ слова артиллерія; архитектура военная, гражданская, корабельная опъ архитектура; береза ерникъ, береза черная опъ береза, герцогиня опъ герцогъ, голова опъ глава, городокъ опъ градъ, земляца опъ земля, конекъ опъ конь, крышка (сказано, будшо слово сіе просто-народное) опъ крыша, крылышко опъ крыло, огонь опъ огнь, крещать опъ крестить и пр. и пр.

Выраженія, изъ двухъ-трехъ словъ состоящія, располагаются по главной идеѣ. Слѣд. выраженіе *коренная лошадь* должно было опшнести къ существишельному *лошадь*, а не къ прилагательному *коренной*;

звѣздо свить къ глаголу *свить*, а не къ сущ. *звѣздо*; *недѣля вайи* къ слову *недѣля*, а не *вайя*; *дышатъ огнемъ*, *пламенемъ* къ гл. *дышатъ*, а не къ сущ. *огонь*, *пламень* и ш. д.

Названія предметовъ Естественной Исторіи всѣ отдѣлены отъ тѣхъ словъ, къ коимъ относятся; но, странно! при словѣ *тупикъ* (Слов. Алф.) первымъ значеніемъ показано птица *alca arctica*, а вторымъ — глухое и непроходное мѣсто. Выраженія *береговая лошадь*, *служба*; *восходящая черта*; *водка крѣпкая*, *золоторазводная*; *возвратный глаголь*; *возносительное мѣстоименіе*; *выворотные сапоги*, *башмаки*; *ткацкое полотно* и многія другія также неизвѣстно почему отдѣлены отъ своихъ коренныхъ и сдѣланы какими-то особенными словами. Еще странно видѣшь въ числѣ ихъ: *внести оружіе*; *всаживать глазки*, *очки*, *почку*; *все ни все и всего на все*; *ни такъ ни снѣ*; *ни тамъ ни сямъ*.

Побаять должно было отдѣлишь отъ глагола *баять*, потому что *побаяшь* значить *баять* немного; *поглядѣть* слѣдовало отдѣлишь отъ *поглядывать*, потому что первый глаголь значить *глядѣть* немного и одинъ разъ, а второй — *глядѣть* понемногу въ разные приемы; по тѣмъ-же причинамъ слѣдовало раздѣлишь глаголы *поговаривать* и *поговорить*, *подѣлывать* и *подѣлать*, *поцѣрывать* и *поцѣрять*, *по-*

калывать и поколоть, помачивать и помочить, пописывать и пописать и ш. д.

IV. Многія мало употребительныя слова не отмѣчены; при нѣкоторыхъ иноязычныхъ не указано на происхожденіе ихъ.

Такъ напр. не означены иноязычныя: аенецъ, адмиралъ, адъ, адъютантъ, аистъ, алебарда, алкоранъ, алхимія, аманатъ, амигдалитъ, аміантъ, аммонитъ, аммуниція, аналитика, анапестъ, анархія, антимонія, антихристъ, арава, арсеналъ, артикулъ, ассиенація, атаманъ и многія другія.

Слѣдовало, кажется, присовокуплять буквальный переводъ иноязычныхъ словъ, чего вовсе нѣтъ. Можно было отмѣчать тѣ слова, кои перешли въ нашъ языкъ изъ одного, имѣя корень въ другомъ, каковы напр. актеръ, неутралитетъ, чего шакже не сдѣлано. Но почему чисто Греческое слово анекдотъ названо Французскимъ?

Не отмѣчены простонародныя и низкія, ежели уже должно было помѣстить ихъ: баломутъ, болтовня, босота, броскій, броскомъ, брюханъ, брюхастый, буркало, визготня, визгунъ, видкій, вонькій, стерва, неворотъ, рожа и другія. Не отмѣчены Славянскія, высокому слогу принадлежащія, старинныя: бодецъ, боляринъ, бронникъ, буесловъ, бѣгунецъ, бѣлопомѣстникъ, видокъ, вирша, слае-

мый, возница, великомощіе, еѣдать, изчезновенный, облость, облой, сланный, течѣцѣ и другія.

У. Изъясненія словъ большею частію невѣрны, неясны, недостапочны, или обременены совершенно ненужными подробностями.

Ариѣметика напр. объясняется такъ: наука о числахъ и употребленіи ихъ въ общежитіи. *Геометрія*: наука, имѣющая предметомъ все то, что измѣрено бытъ можетъ въ длину, ширину и вышину, и служить (что служить?) основаніемъ другимъ частямъ маемашики. *Математика*: наука, имѣющая предметомъ всѣхъ количества, копорыя измѣряемы бытъ могутъ (въ Произв. имѣющая предметомъ все то, что увеличено или уменьшено бытъ можетъ). *Химія*: наука распознавать свойства и качества тѣлъ посредствомъ раздробленія ихъ на части и примѣси къ онимъ постороннихъ веществъ. *Хирургія* (въ Произв.) : часть врачебной науки, основанная на шрупоразъятіи, въ которой преподаются правила и способы употреблѣнія лекарствъ къ цѣленію болѣзней наружныхъ и другія средства простою рукою или снабженною приличными къ тому орудіями. Въ Алфав. сокращено: часть врачебной науки, въ которой преподаются правила и способы къ цѣленію наружныхъ болѣзней. — Нужно ли доказывать, что опредѣленія сіи не суть опредѣленія?

Ч. V. No XVII, XVIII, XIX и XX. 6

Далѣ: *шавка, шавочка* — собака (въ Произв. нѣтъ). *Лагерь*: временное пребываніе войска станомъ въ полѣ (въ Произв. правильно: воинскій станъ). *Лампада*: свѣщильникъ, сосудъ съ деревяннымъ масломъ, привѣшиваемый на цѣпочкахъ предъ образами. *Дрожки*: шoje что дроги; а *дроги*: родъ небольшихъ роспусковъ о чetyрехъ колесахъ, съ мѣстами или безъ оныхъ. *Бить*: ударяя наказывать (въ Произв. бію: даю удары, налагаю раны, наказываю). *Кобе-нитъ*: ошъ дѣйствія падучей или другой какой болѣзни ломашься, спянушые имѣтъ члены тѣлесные.

Но вошъ опредѣленія, кошорыхъ и понятъ не лзя. *Оцарапливать* (?): дѣлать на чемъ въ дѣйствіи глагола царапать (въ Произв. оцарапливаю: дѣлаю на чемъ царапину, осадниваю). *Корень*: въ Математицѣ такъ называется число, въ разсужденіи степени или произведенія происходящаго, когда оное число нѣсколько разъ само на себя помножится. *Крючекъ*: иногда значить въ письменныхъ приказныхъ дѣлахъ умышленное прикрытие истинны какимъ нибудь превращнымъ толкомъ, вымысломъ или несоотвѣтствующимъ дѣлу закономъ, подбираемый безъ связи законнаго смысла однѣ только слова, къ своему предмету принадлежащія.

Не хорошо объяснены и слѣдующія слова. *Осленокъ*: дѣтище ослиное, молодой осликъ; въ Произв. дѣшенышъ ослиный. *Посвистъ*: образъ свиста, громко, складно.

пихо, скоро, продолжительно производи-
 маго. *Иноходъ*: родъ лошадиной спужи или
 ходы, состоящей въ одновременномъ пони-
 зительномъ (въ Алф. послѣднее слово вы-
 пущено) движеніи обѣихъ ногъ, на одной
 сторонѣ находящихся. *Часы*: родъ соору-
 женія механическаго, металлическаго или
 деревяннаго, у коего посредствомъ колесъ,
 пружиною или шажестію въ движеніе при-
 водимыхъ, стрѣлка со внѣшней стороны на
 оси ушвержденная показываетъ на кругу
 раздѣленіе суточного времени, числами оз-
 наченное. *Дуда* (по еспъ дудка): родъ про-
 стонароднаго мусикійскаго духоваго орудія,
 на подобіе прубочки сдѣланнаго изъ палоч-
 ки, вывернутой изъ ивоваго или другаго ка-
 кого дерева, на боку коего прорѣзываются
 дырочки, копорыя зашворяя перстами и
 открывая игрокъ выигрываетъ пѣсни. *Шап-
 ка*: родъ головнаго мужескаго или женска-
 го покрывала или убора, разнымъ образомъ
 дѣлаемаго, состоящаго изъ мѣхвой какой
 нибудь шкурки съ околышемъ или съ опуш-
 кою, покрываго какимъ исканіемъ или безъ
 онаго, сдѣланнаго по мѣрѣ головы и въ зим-
 нее время употребляемаго. *Трагедія*: лицедѣй-
 ственное сочиненіе или представленіе,
 заключающее въ себѣ какое нибудь важное
 дѣяніе, происходящее между знаменитыми
 особами, удобное къ возбужденію страха
 или сожалѣнія, и оканчивающееся обыкновенно
 печальнымъ какимъ нибудь произше-
 ствіемъ.

Излишество удивительное. При словѣ *Академія* напр. помѣщена исторія Пластоновой Академіи; при словѣ *аспидъ* — разысканія о существованіи сего животного; при словахъ *дворянинъ*, *дворянскій*, *дворянство* — права и преимущества дворянъ; при словѣ *сердце* — анапомическое описаніе онаго на 68 строкахъ (въ Произв. 73); при словѣ *агновы вѣтви* сказано: сіи опрассали или вѣтви Израильяне въ праздникъ Скинопигіи при службѣ Божіей въ рукахъ своихъ держали, шакъ какъ мы вербу на упрени въ цвѣшную недѣлю. — Слово *колодица* (ловушка для соболей — не довольно ли шрехъ эшихъ словъ?) занимаетъ 26 строкъ, слово *манъ* 34, *кляпцы* (ловушка для лисицъ) 38, *гусь* 39, *колокольчики* цвѣшны 53, *косатка* 61, *жаворонокъ* 85 (въ Произв. 94), *голубь* 87, *зѣвробой* справа 150 (въ Произв. 140). Такъ расшянушы вообще всѣ описанія естественныхъ предметовъ.

Но эшаго мало: въ изданіяхъ Академіи найдемъ, что рыба *корюха* пахнетъ солеными огурцами и что ее приправляютъ ук-сусомъ; что *индѣйской пѣтухъ* ошъ сердца, ошъ любви или ошъ другой какой причины шакъ разшопорщивается, что мясистая на головѣ кожа надувается, и хвостъ поднимаясь вверхъ, распускается колѣсомъ, а крылья повиснувъ чершатъ землю; что *костяника* росшетъ обильно около Москвы, гдѣ изъ ягодъ, заквасивъ сокъ оныхъ медомъ, гоняетъ хорошую водку (?); что

большіе *котлы* употребляются для варки пива, а малые для варенія пищи или нагрѣванія воды (?); что названіе *коринки* дано сей ягоде по острову (?) Коринѣу, на коемъ лоза сія росла вначалѣ; что у *крокодила* нѣтъ языка (?), что ошъ *чахотки* человѣкъ наконецъ умираетъ и пр. и пр. Къ чему все это въ Словарѣ языка?

За то весьма не рѣдко пропущено двойное значеніе слова. Такъ напр. *бразда* объясняется указаніемъ на существительное борозда; что и справедливо; но другаго значенія онаго, вѣжи, нѣтъ. При словѣ *денница* пропущены еще два значенія онаго: звѣзда Венера и падшій Ангелъ (послѣдняго значенія нѣтъ и при словѣ свѣпоносецъ); при словѣ *жаворонокъ* пропущены также два значенія: родъ пошѣшнаго огня и пшички изъ шѣспа, кошорыя пекутъ въ Россіи въ простонародіи въ день 40 Мучениковъ; при словѣ *земля* не упомянуто значенія онаго: главный цвѣтъ рисунка, маіеріи; при словѣ *кабала* — таинственнѣе ученіе Раввиновъ; при словѣ *карбукулъ* — родъ чирья; при словѣ *цвѣтъ* fleur — цвѣтъ couleur (въ Произв. есть). Также не показано двойное значеніе словъ *багоръ* (въ Произв. есть), *гротъ*, *дама*, *житаръ*, *имперіалъ*, *кабачокъ*, *кейтъ*, *казакъ*, *кирка*, *нота*, *тумакъ*, *цѣвка*, *шлемъ*, *шипъ*, *шишимора*, *ледникъ*, *чеканъ*, *шарфъ* и пр. и пр.

VI. Фразеологія вообще весьма неудачная, излишняя, недоспашочная.

Такъ напр. при словѣ *косякъ* (въ значеніи часши мяса), когда вовсе ничего приводить не нужно, читаемъ слѣдующее: у мясниковъ шаможникомъ имаши на Рождество Христово съ лавки по косяку мяса, а не любъ косякъ, инъ за косякъ по деньгъ. Тамож. Успав. 1751 год. — При старинномъ словѣ *кошъ*: а въ городъ Казань Царь Ишгалеи послалъ дворецкаго своего, да конюшаго своего со всемъ своимъ кошемъ. Цар. кн. 182. Да съ зади кошу передъ снаряждъ полкъ. Раш. Усп. 1. 54. — При словѣ *кравчій*: а что пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи велѣлъ мнѣ быши у себя Государя въ Крайчихъ и пр. Древн. Вивл. 2. 28. Грамошы и наказы въ города посланы будущъ по челобитью Крайчего и Постельничаго. Улож. 18. 57. — Подобныхъ примѣровъ не перечтешь. Но вотъ въ другомъ родѣ: къ слову *ау*: ау бращъ! шы уже въ гору полезъ. Ау! шы ужъ промышлять началъ! — Къ слову *арканъ*: языка припацили на арканъ. Непріятельскаго часоваго подцѣпили на арканъ. — Къ слову *безтѣмечный* (?): жеребецъ естъ животное безтѣмечное. *Глазъ*: на корабль пущившейся въ море долго я смошрѣлъ, пока онъ изъ глазъ не пропалъ. Онъ меня выручилъ, да шѣмъ всегда и по глазамъ. *Другой*: эшто не я сдѣлалъ, а другой. Въ другое время приди. Эшопъ переплешъ не годишся, покажи другой. Сапоги малы, покажи другіе. Изъ двухъ книгъ, кошорыя

вы спрашивали, вошь одна, вошь и другая. Одинъ братъ пошелъ въ духовное, а другой въ военное состояніе и пр. *Дуракъ, дурачки, дурацкій, дурачество*: ты дуракъ будешь, если сему повѣришь. Подобнаго дурака не видано, его со всѣхъ споронъ обманываютъ. Случай дураковъ училъ. Переспанъ дурачекъ, дуручка молодъ пустое. Ты все дурачки дѣлаешь. Онъ дурачки одѣвается. Оставъ дурацкую привычку. Дурацкой вкусъ. Говорить дурацкія рѣчи. Ты сдѣлалъ непростишительное дурачество, что послѣдовалъ его совѣту. Опстанъ опъ своего дурачества. Я смѣюсь швоему дурачеству. *Ковырять*: ковыряшь въ зубахъ спичкою, въ ушахъ ухверткою. Ковыряшь стѣну, ~~доску~~ *доску* ножомъ, гвоздемъ. Поршняжу и кое какъ ковыряю. *Охулка*: въ пошупкахъ, въ поведеніи его никакой не нашли охулки, кошорую возлагали на него. *Хлябъ*: шаковъ былъ сей Апроній кошорый не шокмо жишѣмъ, но и шѣломъ и лицомъ показуешь, что онъ неизмѣримое естъ жерло и хлябъ всѣхъ пороковъ и скверностей.

Тушь-же можно найши *голову* какъ овинъ, *кошку* ловчивую, *ферзь* всяческую, человека *погиблага*, гриву обоюдную (при сл. левъ), пласшырь и мазъ *гноючіе*, сапоги, башмаки *вансовые*, науки *головоломныя*; можно узнатьъ, что дороднаго и спашнаго человека называющъ *едакой гладышъ*, что *дубъ морской* вареный съ сладкою правою (?) опъ поносу пользуешь,

что въ католических (?) церквахъ бывають колоколы съ *коромыслами*, что *ладя* жизни значить непостоянство жизни, а выражение: что *Богъ* послалъ? есть рѣченіе вопросительное у промышленниковъ, а особливо рыбныхъ и звѣриныхъ, о поиманномъ звѣрѣ или рыбѣ и пр. и пр. — Впрочемъ фразеологія Алфавитнаго Словаря нѣсколько исправите, по крайней мѣрѣ мѣстами она сокращена.

Выписки изъ Св. Писанія и стихи приводящія весьма часто безъ малѣйшей нужды. Такъ при словѣ *багряница* напр. поставлено 4 стиха, при словахъ *безбѣдно*, *безбѣдный*, *бодрствовать*, *гордый*, *живительный*, *зрѣться*, *украшать*, по 4 же, при словѣ *грозный* 5, при словѣ *како*, *какъ* 6, при словѣ *красный* 7, при словѣ *горѣть* 9 и ш. д.

Примѣровъ изъ новыхъ писателей вообще нѣтъ, а пошому и не удивительно встрѣшится слѣдующіе и подобные стихи.

Лѣкарства, что въ сѣклѣ хранять и составляють,
Въ сѣклѣ одномъ онѣ безвредны пребывають.

Дом.

Пусть я *брусу* въ томъ подобень,
Жельзо что остришь,
Самъ рѣзашь не способенъ.

Н. Попов. Писм. о Стих. — въ
Произв. стихи сіи раздѣлены иначе.

О вы, которые стремитесь на Парнасъ,
Несстройнаго *гудка* имѣя грубой гласъ.

Сумар.

Ты жилъ по шѣмъ законамъ,
 Кошорые писалъ;
 Смѣялся забобонамъ.

Лом.

Чшо лѣсь сей пѣсенъ былъ, нечистъ,
 И вѣдали они, чшо онъ и не *зайгнстъ*.

Сумар.

Какъ могу нищѣтство
 Деньгамъ предпочесть?
 Деньги въ нуждахъ средство.

Сумар.

Подгнѣту буйноши велѣла дашь вина.

Лом. — Даже не поняшно.

За холмы, гдѣ паляща *хлѣбъ*,
 Дымъ, пепель, пламень, смерть рыгаешь,
 За Тигръ, Стамбуль, своихъ заграбъ,
 Чшо камни съ береговъ сдираешь.

Лом.

Великій человекъ, великій господинъ,
 Какъ кто ни говори, есть *титулъ* не одинъ.
 Великой господинъ, кто чинъ большой имѣешь,
 Великой человекъ, кто много разумѣешь.
 Великой господинъ Локъ не былъ весь свой вѣкъ,
 Ни конь Калигулинъ великой человекъ.

Сумар. — Произв. Словарь.

Но примѣры упошребленія словъ необходимы пропущены. Такъ при словѣ *жить* пропущены выраженія: *жишъ съ кѣмъ*, *жишъ какъ*, *живѣшъ* (ш. е. годишся, бываешь — въ Произв. есть); при словѣ *товаръ* —

красный поваръ; при словѣ *рядъ* — красный рядъ; при словѣ *разбить* — разбить лагерь, ш. е. поставишь лагерь; при словѣ *вода* — Богоявленская, святая, живая, тёмная, охрусталованная (гранепворная), минеральная вода; при словѣ *смотре́ть* — сквозь пальцы смопрѣть; при словѣ *ходить* — ходишь по дѣламъ. Также пропущены объясненія словъ и выраженій: при-сущствіе духа, потерять духъ, упасъ духомъ и пр.; желѣзная рука, имѣть что подъ рукой, съ рукъ сходишь, сошло, между рукъ ушло и пр.; черный глазъ, съ глазу, глаза свести, глазами хлопашъ, глазами мѣряишь, въ глаза не видалъ и пр. и пр.

VII. Граммати́ческія формы и значеніе словъ объяснены большею частію или неправильно, или недоспащочно, или съ подробностями совершенно излишними.

Такъ напр. для чего было выставлять родъ, родишельный падежъ и нумерацію склоненій при сущесшвишельныхъ, когда все сіе зависить отъ значенія и окончанія именъ? Иное дѣло тѣ случаи, когда имя кончися на ъ, или когда удареніе переносится на другой слогъ и пр. Для чего выставлять окончанія женскаго и средняго родовъ прилагательныхъ, когда они подлежатъ опредѣленнымъ правиламъ? На что въ правильныхъ глаголахъ второе лицо и прошедшее время? Всё это принадлежишь къ Граммати́кѣ, а не къ Словарю (*).

(*) Подробнѣе о томъ, какія формы выставлять, см. въ упомянутыхъ правилахъ для Производнаго Словаря.

Неправильностей и пропусков такое множество, что я долженъ ограничиться только нѣкоторыми указаніями.

Существительное *степень* принадлежитъ не одному мужескому роду, какъ сказано въ Словарѣ, но и женскому, даже чаще употребляется въ семъ послѣднемъ. *Студень* во второмъ и прѣшѣмъ своемъ значеніи муж. рода, по сему и склоняется иначе, нежели какъ показано. *Госпиталь*, употребительнѣе *гошпиталь*, говорится и въ мужескомъ родѣ. Двойкоже употребляются *ступень*, *лось*, *лосось*. *Тополь* оканчивается и на *ъ*, а *пустыня*, въ значеніи монастыря, болѣе на *ь*. *Порука* совсѣмъ не общаго рода, а женскаго. При существительныхъ множественнаго числа: *врата*, *дрова*, *жлуди*, *румяны*, *сумерки* и др., родъ вовсе не означенъ; а женскія, *грабли*, *жабры*, *ножны*, *ясли* и среднее *чресла*, названы мужескими. — О словѣ *камень* сказано такъ: *камень*, *ка́мня*, а по Сл. *ка́мене*, во множ. *ка́мни* и *каме́ньи*, а по Сл. *ка́меніе* (въ Произв. *ка́мень*, *ка́мени* и *камня*; во мн. *ка́меніе* и *ка́мни*). — *Ка́мень* по - Славянски такъ-же *камень*, род. по-Руски *камня*, по-Славян. *ка́мени*, во мн. *ка́мни*; а *каме́нья* (не *каменъи*) есть множ. число собирательнаго мало употребительнаго *каме́нье* (по - Сл. *ка́мене*; во мн. *ка́менія* неупотр.), которое принадлежитъ не мужескому, а среднему роду. Таково происхожденіе всѣхъ подобныхъ двойкихъ окончаній множественнаго

числа: угли и уголья, корни и коренья, лисы и лисья, деревья и деревья. Въ Словаряхъ сѣи окончанія большею часію пропущены, равно какъ подобныя при словахъ *войско*, *брегъ*, *домъ*, *озеро*, *рогъ*, *облако* и пр. Иногда двоякія окончанія множ. числа употребляются въ разныхъ значеніяхъ, напр. хлѣбы и хлѣба, лисы и лисья, чудеса и чуды, но и о семъ умолчано. За то найдешь всѣ давно забышья старинныя имена молодыхъ живописныхъ на я (пороса, кура), отъ кошорыхъ мы удержали одно множ. число, неправильно придавая оному мужескій родъ. Но и тутъ не безъ ошибокъ: о словахъ *осля*, *ягня*, *цыпля* напр. сказано, будто бы они втораго склоненія (разумѣется по Академической Грамматикѣ), а *утя* отнесено къ первому. — *Ароматы* пропущено въ единственномъ; о словѣ *алкоголь* не сказано, что оно склоняется въ одномъ числѣ — то-же и о многихъ другихъ. *Зло*, склоняясь въ одномъ единственномъ, имѣетъ еще родительный падежъ множественнаго; *сосѣдъ*, опшупая отъ общихъ правилъ, оканчивается въ родительномъ на *ей*; *роща*, *сѣвча* и пр. имѣютъ по два родительныхъ во множественномъ числѣ — но о всѣмъ этомъ ничего нѣтъ, хотя извѣстно, что исключенія принадлежатъ преимущественно Словарю, а не Грамматикѣ. — *Аллилуія*, сказано, слово неизмѣняемое; *буль! буль!* слово неизмѣняемое; *ниль* слово, во образъ наречія употребляе-

мое. Но что такое слово неизмѣняемое? Въ числѣ 8 частей рѣчи, по Академической Грамматицѣ, половина неизмѣняемыхъ. Слово *князь* есть прилагательное такъ называемое устьченное (отъ княжій) и употребляется въ собственномъ своемъ значеніи, а ошибудъ не во образѣ нарѣчія. — Слова *чей*, *сей*, *вашъ*, *нашъ* и подобныя названы мѣстоименіями. Объ употребленіи вопросительнаго *чей* въ значеніи относительнаго не упомянуто, хотя въ приведенномъ примѣрѣ оно имѣетъ сіе значеніе; о словѣ *гораздъ* сказано: прилагательное вмѣсто существительнаго употребляемое. Степени прилагательныхъ не выставлены, хотя онѣ не имѣютъ еще точныхъ правилъ (напр. предобрый, добрейшій, можно сказать; пресиній, синѣйшій не говоря). — При глаголахъ *брызгать*, *валать* (въ Алф. Слов.) пропущены настоящія времена оныхъ: брызгаю, валю; при глаголахъ *блистать*, *братъ*, *болѣть*, *брюзжать*, *давать* не выставлено прошедшихъ: блисаль, бралъ, заболѣлъ, брюзжалъ, давалъ; при глаголѣ *бросать* нѣтъ прошедшаго бросалъ и многократнаго брасывалъ; при глаголахъ *брестъ* (ш. е. брести), *чести* (ш. е. читать) забышы совершенныя формы: побрести, побреду, побрѣлъ, прочесть, прочту, прочѣлъ и пр. — *Бухъ*, *хватъ*, *царапъ* и подобныя формы прошедшаго времени въ Алф. Слов. пропущены; *вялъ*, *сохъ*, *стылъ* и пр. также не выставлены. Въ Произв. о словѣ *бухъ* сказано: въ просторѣчій оз-

начаетъ предостереженіе дышѣтъ, чшобъ не ушиблосѣ; *хватъ* и *царапъ* пропушенны — Два глагола *вопѣть* и *вопить* раздѣлены совершенно неправильно на при: вопѣши, возопѣши, вопію, возопіѣлъ, возопію — вопѣшь, взвопѣшь, воплю, взвопѣлъ, взвоплю — вопіѣши, вопіѣю (въ Произв. еще возопіѣю). Слѣдовало сказать: вопіѣшь и вопѣшь, вопію; возопѣшь, возопію — вопишь, воплю, завопишь или взвопишь, завоплю или взвоплю. — Залоги глаголовъ означены весьма сбивчиво: въ Алф. Словарѣ глаголь *кусаться*, при кошоромъ примѣръ: *собака кусается*, названъ взаимнымъ; а глаголь *бодаться*, гдѣ шочно такой-же примѣръ: *быкъ бодается*, опнесень къ дѣйствительнымъ. Въ Произв. же *кусаться* дѣйствительный, а *бодаться* и взаимный и дѣйствительный. Глаголы *тонуть*, *нестись* (въ выраженіи: *птицы несутся*), по обоимъ Словарямъ дѣйствительные; а *раздѣлиться* (въ примѣръ приведено: дѣти послѣ отца раздѣлились) — спрдашелейный. Глаголы *толпиться*, *скитаться*, *погоняться* (въ Произв. послѣдній названъ возвращнымъ, а примѣръ: *погонялись за зайцомъ*; спало бытъ: мы погоняли себя за зайцемъ!) причислены къ общимъ, хошя общій залогъ естъ слово безъ значенія; а залогъ глагола *пондѣтъ* въ Алфав. Словарѣ вовсе не означень. — Вовсе невысшавлено управленія глаголовъ и другихъ часшей рѣчи, хошя оно сосшавляетъ одну изъ важнѣйшихъ принадлежностшей подробнаго словаря. — *Хочется*, *повелѣвается*,

надлежитъ и подобные глаголы названы безличными неправильно: они имѣютъ всѣ при лица, хошя и не перемѣняютъ своихъ окончаній по лицамъ. Мнѣ, тебѣ, ему, намъ, вамъ, имъ хочется, хотѣлось, захочется, захотѣлось, значишь: я хочу, ты хочешь, онъ хочетъ и ш. д. Глаголы сіи прилично называшъ личными *одноформенными* (*). — О словѣ *должно* сказано въ Алфав. Словарѣ, что оно употребляется въ видѣ безличнаго глагола, а въ Произв. оно названо нарѣчіемъ; о словѣ *льзя* сказано въ обоихъ Словаряхъ: реченіе неперемѣняемое, употребляемое въ просторѣчій вмѣсто глагола можно; о словѣ *можно*, въ Производномъ: подразумѣвая глаголь *есть*, употребляется вмѣсто глагола безличнаго: *льзя*, удобно — въ Алфавитномъ: подразумѣвая глаголь *есть*, значишь поже, что *льзя* или удобно; слово же *удобно* въ обоихъ Словаряхъ названо нарѣчіемъ. Все это весьма сбивчиво. *Должно*, *нельзя*, *можно* и подобныя слова суть прилагаемыя (attributs), образующія вмѣстѣ съ одноформеннымъ *есть* составной глаголь, сказуемое. *Должно*, *нельзя* (*есть*), было, будешь мнѣ, тебѣ, ему и пр. значишь: я долженствую, ты долженствуешь, онъ долженствуешь и ш. д., я не могу, ты не можешь, онъ не можетъ и ш. д.: ибо при одноформенныхъ глаголахъ именительный

(*) Надѣюсь вполне раскрыть теорію ихъ въ изгославляемой мною Грамматикѣ.

падежъ подлежащаго замѣняеся дательнымъ. Выраженія: *есть*, *былъ*, *буду*, *долженъ* (долженствую), *должна*, *должно* — также составные глаголы; но уже не одноформенные, какъ и всѣ прилагательныя не съ существительными, но съ глаголомъ *есть* употребляемая (*есть* боленъ, здоровъ). Прилагательныя дѣлаются нарѣчiami, когда относяся къ другимъ прилагательнымъ или глаголамъ качественнымъ (*задумчиво-прекрасный*; *спойшь* *задумчиво*). — Точные безличные глаголы или безличной оборотъ рѣчи бываетъ тогда, когда мы хотимъ обратить вниманіе на одно дѣйствіе, умалчивая о силѣ дѣйствующей, напр. *бурею ломаешь деревья* (здѣсь *буря* — только орудіе, коимъ неизбѣстная сила дѣйствуетъ); *чолнъ ужасно колыхаетъ* (Жуковский. Здѣсь не упомянуто даже и объ орудіи дѣйствія). Такъ можно употреблять всѣ глаголы безъ исключенія. Но есть безличные (*), копорые почти никогда не употребляются въ личномъ знаменованіи; таковы *свѣтаебъ*, *смеркаебъ* и др. Сіи глаголы въ Словаряхъ обозначены слѣдующимъ образомъ: въ Производномъ: *свѣтаебъ*, *атъ* — средній безличный; *разсвѣтаебъ*, *вѣло*, *ѣтетъ* — безличный; *смеркаебъ*, *клось*, *ннетъ*,

(*) Неправедливо называть сіи глаголы одноличными (unipersonnels) и третьеличными: правда, они имѣють форму одного лица и именно *третьяго*, но это только форма: по значенію они ни къ копорому не относятся.

наться — общій; въ Алфавитномъ: *сѣ-
тать, разсѣтать; разсѣло, разсѣтаѣтъ*,
средній безличный; *смеркается, клось*,
кнется — безличный. Въ Алфавитномъ по-
падающія и неупотребительныя формы,
напр. *спаться* (одноформенный: спишся,
не спишся). — Виды глаголовъ (branches) не
означены ни въ одномъ изданіи; конечно,
это ученіе новое, но всё сдѣловало объ-
яснить различіе глаголовъ, напр. *сизу и са-
жаю, машу и мажаю, чшу и чишаю, пла-
ву и плаваю и подобныхъ*.

VIII. Орфографія неправильна и сбивчи-
ва, равно и слогуудареніе.

Напр. вмѣсто алшарь, вихрь, вожжа,
горній, днешній, дельфинъ, дрога, заго-
воръ, канонеръ, поручикъ, экзекушоръ,
шоколатъ (chocolat), фальшивый (ошъ
фальшь); больной, дурной, лихой (и мно-
гихъ другихъ прилагательныхъ, имѣющихъ
ой на концѣ); берусь, возмусь, спремлюсь
(и прочихъ глаголовъ мѣстоименныхъ), въ
Словаряхъ Академіи найдемъ: олшарь, вихръ,
(въ Произв. Славянское окончаніе различе-
но ошъ Русскаго), горьній (и шущъ-же гор-
нее мѣсто), днешный, дельфинъ, дрога, за-
говоръ (въ Произв. правильно), канониръ
(въ Произв. правильно), порутчикъ, эксеку-
шоръ, шеколадъ, фольшивый (въ Произв.
нѣтъ этого слова); больной, дурной, ли-
хій; беруся, возмуся, спремлюся (въ Про-
изв. правильно) и пр.

Слова, сложенные съ предлогомъ *изъ*,
пишутся иногда чрезъ *из* (въ Произв. всег-

Ч. V. Но XII, XVIII, XIX и XX. 7

да), иногда чрезъ *ис*: *изкусительно*, *изкусительный*, *изкушенный* и *искусникъ*, *искусно*, *искусственно*; даже двойко: *изкуситель* и *искуситель*, *изкусѣ* и *искусѣ*, *изкуство* и *искуство* (ш. е. *искусство*). Въ Производномъ Словарѣ можно найти еще: *зберегаю*, *збиваю*, *збираю*, *збрасываю* и ш. д.

Въ Словаряхъ Академіи найдемъ также: *верхъ* и *верховье*, *залпъ* и *залѣ* (въ Произв. правильно: *залпъ*), *истина* и *истинна*, *рѣчь* и *речь* (въ Произв. одно: *рѣчь*), *горькій* и *горкій*, *рѣшотка* и *решотка* (въ Произв. одно: *решотка*), *весенній* и *весенный* (въ Произв. одно: *весенный*), *завсдорить* и *завездорить* (см. Алфав.), *соблажнять* и *соблазнять*, *просьба* и *прозьба*, а въ Произв. *прозба*; *запихивать*, *запехивать* и *запѣхивать* (Алфав. ш. 2. стр. 686—711. Въ Произв. правильно) и пр. Чего держаться?

Прилагательныя, на *ій*, *ѣя*, *ѣе* кончающіяся, имѣютъ небывалое окончаніе *ей*, напр.: *барсучей*, *бѣлужей*, *заячей*, *кабаней* и пр., и *пушъ-же*, въ примѣрахъ, *вспрѣпшишь барсучій*, *бѣлужій*, *заячій*. — О произношеніи буквы *е* (ежели уже не должно писать *ѣ*) въ словахъ *евхаристіа* (ш. е. *евхаристія*), *едемъ*, *есаулъ*, *евиръ* и подобныхъ ничего не сказано. — Буквы *ѣ* (*йо*, *ѣо*) вовсе не видашь, а ошъ того найдемъ: *шлѣопаніе*, *шлѣопая*, *шлѣопаясь* (въ Произв. *шлѣопая*); ошъ того не показано двойкое произношеніе многихъ словъ, гдѣ находилъсѣ долгое *е* (напр. *зелѣный* и

зелёный), ибо оно не всегда произносится и за *е* и за *йо* (напр. лёвъ, шестерка не говоряшь); отъ шого не означены измѣненія сей гласной (напр. ёжъ въ именительномъ; но ежа́, ежу́ и ш. д. въ другихъ падежахъ). — Не показано и двойное слогуудареніе: *дѣвѣйца* и *дѣвица*, *са́женъ* и *сажѣнъ*, *изгнаннѣй* и *изгнаннѣй*, *избраннѣй* и *избраннѣй*, или, въ склоненіи: *міры* и *міры*, *облакамъ* и *облакамъ* и пр.

Словомъ, правописаніе таково, что иностранцу нѣтъ возможности учиться по Словарямъ нашимъ. Какъ выговорить онъ напр. слово *тварожѣкъ*? Узнаешь ли и Русской проспонародное *тѣска* въ начертаніи его (по Греческому его происхожденію) *тѣзка*? Кто вздумаетъ искать слова *ветчина* при словѣ *ветшина*? Можно ли догадаться, что *шелковый* произносится двойко: *шолковый* и *шелковѣй*? и ш. д.

IX. Произвожденіе словъ неправильно (см. первое изданіе).

Напр. можно ли допустить происхожденіе словъ *обую*, *изую*, *разую* отъ *вію*; *ветчина* отъ *вѣпхій*; *увѣчу*, *увѣче*, *увѣчнѣй* отъ *вѣкъ*; *награда* отъ *градъ*; *сугубѣй* отъ *губа*; *поджарѣй* отъ *поджаривать*; *икра caviar* отъ *икра gras de jambé* (въ новомъ изданіи первымъ значеніемъ поставлено *le caviar*); *ключъ source* отъ *ключъ clef*? Въ случаяхъ сомнительныхъ (еще одинаковъ не сомнительные) лучше раздѣлять слова на два, на три корня, нежели соединять несоединяемыя понятія.

Неправильно произведены *вѣщу* отъ *вѣщаю*, *вѣшу* отъ *вѣшаю*, *гражу* отъ *градѣ*, *зижду* отъ *зидѣ*, *лѣнь* отъ *лѣнивый* и пр. Слѣдовало переставить слова сіи, ибо *вѣщаю*, *вѣшаю*, *лѣнивый*, какъ имѣющія производныя окончанія, происходящъ отъ *вѣщу*, *вѣшу*, *лѣнь*; а *градѣ*, *зидѣ* происходящъ отъ *гражу*, *зижду* по порядку понятій.

Высота происходитъ отъ существительнаго *высь*; *хорѣнь* отъ сущ. *хорь* (хорь хоремъ — присловица); *уютѣ* (уюшный, приютишься) отъ глагола *ютить*; *быліе*, *тряница* отъ неупотребительныхъ *быль* (опшуда: былина, былинка), *трянь* (опшуда: тряпье) и пр. Всѣ сіи производныя поставлены коренными, а дѣйствительные корни ихъ пропущены въ обоихъ Словаряхъ.

Воротѣ, *воротникѣ*, *шиворотокѣ* происходитъ отъ Сербскаго *вратѣ*, шея, а сіе уже отъ глагола *вращу*; *наущать*, *наустить* происходитъ отъ сущ. *уста*, а не отъ *ухо*, какъ сказано; *кусаю* и *кушаю* не коренныя, но оба происходятъ отъ глагола *кушу* (кусишь); *затѣваю*, *воплѣ*, *изба* не коренныя: первое происходитъ отъ неупотребительнаго *тѣю* (за-тѣю, за-тѣваю), второе отъ неупотр. *пію* (во-пію, возо-пію), послѣднее отъ глагола *топлю*, *нагрѣваю* (*изба*, въ Бѣлорускомъ нарѣчій *истобка*, у Нестора *истопка*, *истобка*, въ Новогородскомъ пергаминамъ Лѣтописцѣ *истѣба*) и пр. Существительное же *бичѣ* конечно опечашкою поставлено прописными буквами, какъ будто коренное.

Неправильно раздѣлены *ворона, воронъ* и *врагъ*; *бремя* и *беремя*; *голова* и *глава*; *голодъ* и *гладъ*; *знаю* и *знакъ*; *звонъ*, *звѣню*, *звукъ*, *звяцаю* и *зыкъ*; *зѣница* и *прошонародное зѣнки*; *сонъ* и *сплю*; *чудо* и *Слав. щудо*; *ярецъ*, *ярина*, *ярица*, *ярка* и *ярюсь*; *ножъ* и *нзу* (*ножу*, *нжу* — *вонзаю*, *вонжу*); *логъ* и *ложу* и другія. — Неправильно соединены *идея* и *идолъ*, *грамматика* и *грамота*, *бригада* и *бригадиръ*, *кавалерія* и *кавалергардъ*, *граната* и *гранадеръ*, *камера* (*камера*) и *камергеръ*, *камердинеръ*, *камеръюнкеръ* и другія, ибо слова сіи не наши производныя. По моему мнѣнію, лучше бы всѣ иноязычныя, несовершенно обрусѣвшія, выключить изъ Производнаго Словаря; мѣсто ихъ въ Словарь Алфавитномъ.

Множество явно производныхъ техническихъ названій пославлены коренными; шаковы: *жаръ* *птица*, *гремучая змѣя*, *гремучій камень*, *желтобрюшка*, *желтоколосьникъ*, *желтоленъ*, *желтосливникъ*, *желтоцвѣтъ*, *желтуха*, *золотысячникъ*, *золотоволосникъ*, *золотоокъ*, *золотень*, *златобровъ*, *златоглавъ* и пр. Не смотря на сіе, производженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Словарь объясняется; такъ напр.: при словѣ *живокость* (*delphinia consolida*) сказано: названіе сіе дано потому, яко бы переломленные кости отъ употребленія сей травы сроспаюшся; при словѣ *золотарникъ* (*robinia pugea*): кора на немъ золотищаго цвѣща; при словѣ *трилистникъ* (*trifoli-*

ит): листья, по большей части пройчатую расположенные. — Да и слова: *жаворонокъ*, *улица*, *выжлецъ*, *выжликъ*, *брение*, *улитка*, *селезенка*, *селезень*, *чечевица*, *лиха*, *деревня* и многія другія, сушь очевидно производныя, хошя корни ихъ и неизвѣстны. Такія слова слѣдовало бы по крайней мѣрѣ ошмѣчать какъ нибудь.

Замѣшимъ также, что сложныя слова объясняющія весьма часто не на своихъ мѣстахъ. Такъ напр. *кашеваръ*, *медоваръ*, *мыловаръ* должны бы находиться при глаголъ *варить* (послѣ неупотребительнаго сущ. *варъ*), а не при словахъ *каша*, *медъ*, *мыло*; *водоводъ*, *воевода*, *грѣховодникъ*, *домоводецъ*, *письмоводитель*, *птицеводство*, *путеводитель* — при глаголъ *водить* (послѣ сущ. *водъ*, *вода*, *водникъ* и ш. д.), а не при словахъ *вода*, *воинъ*, *грѣхъ*, *домъ* и пр. Это сократило бы и опредѣленія: стоило бы показатъ сложность сихъ словъ и одинъ разъ, для всѣхъ, объяснишь главную ихъ идею.

Составныя выраженія также разнесены неправильно; напр. *солнечныя часы* объясняющія при словѣ *часы*, а *песочныя часы* при словѣ *песокъ* и пр.

Х. Наконецъ, книги, долженствующія служить образцомъ спрожайшей точности во всѣхъ отношеніяхъ, наполнены *безчисленнымъ множествомъ* опечатокъ; особенно опличается симъ послѣднее изданіе, гдѣ иногда нарушается даже алфавитный порядокъ словъ.

Но, оставляя погрѣшности переписчиковъ и типографіи, замѣтимъ погрѣшность гораздо важнѣйшую, хотя по-же механическую. По системѣ, принятой Академіею, въ глаголахъ должно выставляться сперва неопредѣленные наклоненія — несовершенное и совершенное, потомъ настоящее время, прошедшее несовершенное, прошедшее совершенное и наконецъ будущее. Трудно найти глаголь, въ которомъ былъ бы сохраненъ сей порядокъ: глаголы вообще всѣ или сдѣланы недоспапочными (о нѣкопрыхъ сказано, что они недоспапочныя, о другихъ нѣтъ), или окончанія ихъ такъ перемѣшаны, что нѣтъ возможности отличить настоящее время отъ будущаго, совершенныя формы отъ несовершенныхъ. Прошу разобрать напр. глаголь *познаю*. Въ Алфавитномъ Словарѣ расположенъ онъ слѣдующимъ образомъ: познаваѣшь, познаѣшь, знаѣлъ, познаю, наеешь, познаваю (?), ваеешь и познаю, знаеешь. Глаголь *покажу*, *покадитъ* расположенъ такъ: покадиѣшь, диѣлъ, покажу, дишь, покаживаю (?), ваеешь. Глаголь *падаю*: падаѣшь, пасѣшь, падаю, даеешь, палъ, паду, деешь. Глаголь *перепрыгиваю*: перепрыгиваѣшь, перепрыгнушь, гнулъ, перепрыгну, гнешь, перепрыгиваю, ваеешь. Глаголь *перепрыскиваю*: перепрыскаѣшь, перепрыснушь, снулъ, перепрыскаю, скаеешь и перепрысну, снешь. То-же и въ Производномъ.

Последнее замѣчаніе: напрасно *индексы* Производнаго Словаря не изданы особою

книгою. Въ общемъ указашель можно бѣ было помѣстить *всѣ* слова, какъ коренныя, такъ и производныя, не оспавляя и уменьшительныхъ именъ, усъченныхъ прилагательныхъ и пр. Даже ѡшмولوجическія формы словъ, опшупающія опъ общихъ правилъ измѣненія (напр. *иду, шелъ, око, очи*), были бѣ включены туда. Теперь приискиваніе словъ по Словарю Производному весьма запруднительно.

И. И.

III. СЛОВЕСНОСТЬ.

1. ЭПИКУРЕЕЦЪ (*).

Въ четвертомъ году царствованія Императора Валеріана, послѣдователи Эпикура, тогда многочисленные въ Аѳинахъ, прислуцили къ избранію начальника секшы своей; единогласный выборъ палъ на меня. Мнѣ только что минуло двадцать три года, и дошолъ не было примѣра, чтобы такому молодому человѣку поручали сію должностъ. Однако юностъ и личныя преимущества, ее украшающія, были, какъ можно предполагать, не изъ послѣднихъ за меня поручительствъ для секшы, которая вытцала въ кругу своемъ всю красоту и весь умъ Аѳинъ, и, чествуя свое ученіе именемъ философіи, только прикрывала тѣмъ утонченнѣйшее сластолюбіе.

Дѣйствительно сущностъ ея много измѣнилась послѣ мудраго Основателя, копорый, утверждая, что единое наслажденіе есть благо, внушалъ припомъ, что благо есть и единый источникъ наслажденія. Чистѣйшая частъ сего ученія давно уже выпарилась, и презвенный Эпикуръ едва ли бы узналъ свою секшу — въ сборищѣ утонченныхъ сластолюбцевъ, присвоившихъ нынѣ его имя, и свой тихій садъ — въ роскошныхъ рощицахъ и бесѣдкахъ, гдѣ шеперь бывающъ собранія его школы.

(*) Первая пять главъ изъ романа сего названія — Томаса Мура.

Многія причини, кромѣ привлекательности ученія, распространили школу нашу болѣе другихъ, пережившихъ славу Греціи. Вообще можно замѣтить, что перевѣсъ слишкомъ строгихъ понятій о вѣрѣ въ одной половинѣ общества, производилъ въ другой противоположную крайность — ослабленіе и невѣріе; таковое противоположеніе наиболѣе способствовало ученію Сада сдѣлаться любимомъ нынѣ философіею. Быстрый успѣхъ Христіанства вспревожилъ всѣхъ, кои изъ усердія къ Язычеству, или для мірскихъ выгодъ, желали продолженія издревле укоренившейся вѣры — всѣхъ, кои вѣрили божествамъ Олимпа или пилились отъ алтарей ихъ. Послѣдствіемъ сего было усиленіе ревности и дѣятельности между власными гражданскими и духовными всего языческаго міра. Недостатокъ въ искренности убѣжденія вознаграждался строгостію; слабѣйшія части Мѣтеорологіи защищались съ наибольшею горячестію, и всякія разсужденія, навлекавшія презрѣніе на Сашурна, или жену его Опсъ, наказывались со всею неумолимостію закона.

Въ таковомъ положеніи дѣлъ, между вспревоженнымъ суевѣріемъ упадавшаго Язычества и простою, высокою строгостію Христіанской Вѣры, его соперницы — неудивительно что сіи любители изобилія и успѣхъ, равнодушные къ старой вѣрѣ и слишкомъ безпечные, чтобы проникать въ таинства новой, укрывались отъ

суровости обѣихъ подѣ щипѣ счастлюбивой философіи, которая, предоспаляя другимъ соспязанію о будущемъ, сосредоточивала всю свою мудрость въ полномъ наслажденіи однимъ настоящимъ.

Мудрецы Сада, со времени кончины своего Основателя, имѣли обыкновеніе посвящать памяти его двадцатый день каждаго мѣсяца. Къ симъ обрядамъ присоединили они съ нѣкошораго времени великое годовое шоржество, въ воспоминаніе его рожденія. Празднества, даванныя по сему случаю моими предшественниками, неизмѣнно отличались изящностію и великолѣпіемъ; поспавляя славою подражашъ ихъ примѣру, я хощѣлъ сдѣлать еще болѣе — хощѣлъ блескомъ шоржества подѣ моимъ начальствомъ, помрачить всѣ прежнія.

Конечно рѣдко Аѣины были свидѣтелями шакого зрѣлища. Садѣ время ошѣ времени значительно увеличивался, и все пространство его было обработано съ шѣмъ совершеннымъ вкусомъ, кошорый умѣетъ сочеташъ искусство съ природою, не жершвуя сему союзу ея простотою. Дорожки, ошѣненные благоухающими древами — поляны, на коихъ играли лучи солнечные — храмы, возвышавшіеся шамъ, гдѣ бы само воображеніе ихъ поставило — источники и озера, въ перемѣнномъ покоѣ и движеніи, шо страстно преслѣдующіе зелень, шо мирно спящіе въ ея объятіяхъ — разнообразили очаровательные сады сіи. Оживленные, по случаю праздника, всѣмъ умомъ и любезно-

стію Аѳинъ, они предсавляли зрѣлище, котораго не нарисовало бы и воображеніе мое, тогда обильное образами красоты и роскоши.

По обычаю простѣйшихъ и лучшихъ временъ, празднованіе дня того началось съ самой зари; и ученики, жившіе внутри сада, торжественно понесли изъ комна-
ты въ комнату изображеніе Основателя, воспѣвая стихи въ похвалу его умѣренности и воздержности, коиъ давно уже перестали подражать.

Въ срединѣ сада, вокругъ прекраснаго озера, возвышались чешыре бѣломраморные храма дорическаго чина: въ одномъ изъ нихъ собраны были цѣлыя Греческой Словесности; а въ прехъ другихъ Бесѣда, Пѣніе и Пляска совокупно и непрерывно совершали свои обряды. Въ Книгохранилищѣ стояли изваянія славнѣйшихъ Епикурейцевъ Римскихъ и Греческихъ — Горація, Аппика, Цинія Спаршаго, поета Лукреція, Лукіана и жизнеописателя философовъ Діогена Лаерція, недавно потеряннаго нами. Тамъ находились также мраморныя изображенія всѣхъ знаменимыхъ женъ, посвятившихъ себя училищу — Леонція и ея прекрасной дочери Данаи, Семисты, Филеніи и другихъ.

Здѣсь-то, по званію Ерезіарха (*), устроимъ праздника, принималъ я поздравленія изъ устъ прекраснѣйшихъ Аѳинянокъ; и, произнося въ память Начальника нашего обыч-

(*) Начальника секты.

ное Слово (въ коемъ всегда излагалось преданное имъ ученіе), старался доспигнуть искусства, необходимаго предъ такимъ собраніемъ — искусства облакать самые важные предметы шюю прелестію, которая привлекаетъ вниманіе слушателей самыхъ просвѣдхъ и легкомысленныхъ.

Хошя наука, какъ легко предположишь, немного похищала ушренняго времени у Сада; за шо усердно обрабошывалась легчайшая сторона ученія — ша частица Аппическаго меда, за коимъ ичелъ нѣтъ нужды глубоко вливашься въ цвѣшокъ. Однако и здѣсь учившійся встрѣчалъ развлеченія, конечно болѣе другихъ возмущающія безмяшечную работу мысли; и не съ однимъ изъ прекрасныхъ учениковъ моихъ происходили явленія подобныя тому, кошорое одинъ изъ поетовъ Сада изобразилъ въ каршинѣ, списанной съ самой папшры:

Въ часы, когда отъ храма тѣнь
Далѣко на воды ложилась,
Краса Коринѣская садилась
На нижнюю крыльца ступень:
Надъ свшпкомъ гибкій станъ склонялся;
А рядомъ съ ней мудрецъ молодой
Ей локонъ отводилъ рукой
Чтобъ свшпокъ имъ не зашѣнялся.

Вечеръ того дня предназначенъ былъ для роскошнѣйшихъ увеселеній. Каждая часть сада освѣщилась разнообразными огнями; а

на Озеръ Храмовъ разсыяны были цвѣточныя вязи, среди коихъ, какъ во влажномъ цвѣшникѣ, плавали суда, наполненныя прекрасными дѣшми.

Между двумя такими судами происходило безпрестанное сраженіе. Начальствовавшіе ими, два цвѣшущіе юноши, одѣяніемъ представляли Ероша и Аншероша; шопъ — небесную любовь Плашониковъ, а сей духа болѣе земнаго, присвояющаго себѣ имя любви у Епикурейцовъ. Въ печеніе вечера борьба ихъ продолжалась съ нерѣшимельнымъ успѣхомъ; робкій Ерошъ убѣгалъ дерзкаго своего прошивника, и опдаленіе было единственнѣйшимъ, но надежнымъ щипомъ его ошъ огненныхъ спрѣлъ, комъ шопъ непрестанно бросалъ: къ счастію онѣ упали въ озеро не долешая мешы, опалили одни цвѣшми ими поражаемые, и угасали.

Въ другой сторонѣ сада, на обширной зеленѣющей полянѣ, освѣщенной только луною, быспроногіе ошроки, окриленные подобно Купидонамъ, подражали Панаѳенейскому бѣгу съ пламенниками; между шѣмъ, невдалекѣ ошъ нихъ, семь Нимфъ, каждая со звѣздою на челѣ, совокупными движеніями своими изображали печеніе планетнаго хора и осуществляли Пиеагорову мечту пѣніемъ и плясками.

На всякомъ поворотѣ какое-нибудь новое очарованіе поражало взоръ и слухъ. Иногда изъ средины рощицы, ошкуда вытекалъ ручей, неслись въ шо-же время му-

сикійскіе звуки, и, сливаясь съ журчаніемъ воды, казались голосомъ духа, управлявшаго ея печеніемъ; иногда звуки сіи поднимались изъ купы цвѣтовъ, — а шамъ выходили какъ-бы изъ-подъ земли, приведенной въ движеніе пружиною, до коей нечаянно коснулась нога.

Спираннымъ покажешся, что я шеперь оспанавливаюсь на шакихъ мелочныхъ описаніяхъ; но все соединенное съ сею доспо-памяшною для меня ночью, даже безумныя забавы ея давно оплаканныя, все должно вѣчно жить въ душѣ моей, какъ святыня. Вечеръ заключился пиршествомъ, за комъ, по обыкновенію, я предсѣдательствоваль. Чувствуя, что я былъ душею всего собранія, я оживлялъ все меня окружавшее и видѣлъ, какъ въ счастіи другихъ отражалось мое собственное.

*

Праздникъ кончился; зашгло тѣніе, пляски прекратились, и я оспался одинъ въ сихъ роскошныхъ садахъ. Пламенный, дѣятельный жрецъ Веселія — я опъ природы получилъ склонность къ унынію; воображеніе, внушая мнѣ печальныя мысли среди радости и счастія, набрасывало тѣнь на будущее при сладоснѣйшихъ обаяніяхъ настоящаго. Такъ! уныніе и спрасъ были во мнѣ близнецами, были нераздѣльны и въ сильнѣйшемъ пылу послѣдней. Съ того самаго мгновенія, какъ я началъ сознавать въ себѣ мысль и чувство, черная нишь

пробѣжала по шкани жизни моей, и образы смерти и разрушенія спали примѣшиваясь къ самымъ свѣтлымъ видамъ, улыбавшимся мнѣ на пуши наслажденій. Даже спрасъ къ удовольствію только что стучала сіи шуманные призраки. Вѣра моя заперла для меня жизнь грядущую; надежды не перелезали за шѣсныя предѣлы жизни земной — и каждый мигъ радости спановился для меня и драгоценнымъ и грознымъ, и веселіе, какъ цвѣтъ среди могилъ, пышнѣе развивалось ошъ сосѣдства съ смертію.

Въ сію ночь поржество мое, счастье мое казались мнѣ совершенными. Я былъ верховнымъ геніемъ сего сладоспраснаго позорища; шщеславіе и сластолубіе почти до дна испили чашу, кошорой жаждали. Привлекая вниманіе ученыхъ и любовь красопы и младоспи, въ каждомъ взорѣ, лепѣвшемъ мнѣ на вспрѣчу, я видѣлъ — шо свидѣшельство побѣдъ уже выигранныхъ, шо залогъ блисташельнѣйшаго поржества, вновь меня ожидаващаго. Но и среди упоенія сего передо мною носились все шѣ-же черныя мысли: разрушимость моя и всего меня окружавшаго, непрестанно нападала на душу мою. Сіи руки, горѣвшія въ рукахъ моихъ — сіи глаза, гдѣ искрился духъ свѣта и жизни, кошорому, казалось, никогда не умирашь — сіи ушпа, бесѣдовавшія о вѣчной любви — все, я чувствоваль, все было одною мгновенной насмѣшкой — все ошпавишь по себѣ вѣчнаго одно безмолвіе праха.

Когда - бы тайный, вѣщій гласъ
 Не говорилъ въ весельи намъ,
 Чшо къ ночи, все что тѣшитъ насъ,
 Доспавися можешь въ снѣдъ червямъ;
 Когда - бѣ не гласъ сей роковой,
 То, зря міръ полный благъ, съ душой
 Способной все испить до дна,
 Я бѣ землю въ небо превратилъ,
 И, если радость лишь одна
 Боговъ творить, я бѣ богомъ былъ.

Тамъ изобразилъ я свои собственныя
 ощущенія въ одной изъ пѣснь дикихъ,
 спрасшныхъ пѣсней, кои породило броже-
 ніе духа моего между радостію и уныні-
 емъ. Рѣдко сердце мое споль вполне предава-
 лось непонятной мнѣ грусти, какъ въ сіи ми-
 нуты, когда я, погруженный въ мысли, хо-
 дилъ среди умиравшихъ огней и цвѣтвъ пира
 и одинъ шелескъ моихъ шаговъ раздавался
 тамъ, гдѣ недавно шумѣла веселая юлпа.
 Луна еще свѣтила; заря не занималась и пи-
 хое мерцаніе ночи покоилось на всей окре-
 сности. Я шелъ по пропinquѣ, не думая,
 куда она ведетъ; какъ вдругъ очутился у
 изящнаго изваянія Венеры, коимъ рѣзецъ
 Алкамена украсилъ нашъ садъ — у сего об-
 раза обоготворенной жены, единого куми-
 ра, предъ коимъ когда-либо я преклонялъ
 колѣна.

Опершись на подножіе, я возвелъ гла-
 за къ небу и устремилъ сумрачный и испы-
 тующій взоръ на вѣчно-горяція звѣзды, какъ-
 бы желая въ ихъ сіяніи прочесть горестъ-

Ч. V. No XVII, XVIII, XIX и XX. 8

ную пайну, и спрашивалъ ихъ, за чѣмъ одинъ человѣкъ обреченъ на погибель, когда онъ, менѣе его дивныя, менѣе славныя, живутъ вѣчно въ свѣтѣ неизмѣнномъ! О если бы какое заклинаніе, или какой шалисманъ, воскликнулъ я, могли дать духу нашему безсмертіе сихъ свѣтилъ и открыть его вождельніямъ огнезвѣздный кругъ, неограниченный временемъ!

Между тѣмъ, какъ я предавался симъ мыслямъ, усталость, всегда слѣдящая земное, хотя и сладкое удовольствіе — какъ-бы напоминая, сколь оно земное — налегла на меня, и я сонный упалъ къ подножію богини.

Даже и во время сна воображеніе мое не переставало работать; и видѣніе столь живое, что оставило по себѣ впечатлѣнія дѣйствительности, пробѣжало сквозь душу мою. Я былъ перенесенъ на равнину необозримую, пустынную, гдѣ, казалось, ничто не дышетъ, не движется, не живетъ. Самое небо надо мной, блѣдное и томное, давало понятіе не о шмѣ, но о погасшемъ свѣтѣ; и будь спрана сія развалиной какого-либо древнѣйшаго міра, оставленнаго разрушенію, безъ солнца — она не могла бы ужаснѣе изобразить смерти и опустошенія. Одно лишь напоминало мнѣ о жизни въ сей унывной пустынѣ — малая движущаяся искра, которая сперва мерцала вдалекѣ, а тамъ медленно ко мнѣ подвигалась. Она приблизилась, и я замѣтилъ, что это былъ слабый блескъ пламен-

ника въ рукѣ блѣднаго, величаваго мужа, копорый стоялъ уже предо мной, какъ вѣстникъ могильный. Послѣ нѣсколькихъ минушъ внушающаго благоговѣніе молчанія, въ продолженіе коего смотрѣлъ онъ на меня съ горестію, произвѣшею мнѣ душу, онъ вѣщаль: „Искашель жизни вѣчной! иди на берега темнаго Нила. Иди на берега темнаго Нила, и ты обрѣтешь вѣчную жизнь, по бой искомую!“

Едва произнесъ онъ слова сіи, какъ смерпная блѣдность ланишъ его засіяла улыбкой не-человѣческаго обшпованія. Маленькій пламенникъ въ рукѣ его издалъ лучезарный блескъ, мгновенно озарившій все пространство пустыни до самаго опѣдаленнаго небокрая, вдоль коего вдругъ появились сады, дворцы и пирамиды, блестящіе, золотистые, какъ построенія облачныя на закатѣ солнца. Повсюду разлились сладостные звуки, и со всѣхъ сторонъ такъ разнообразно заструилось сіяніе, что ошъ обилія гармоніи и свѣта я пробудился.

Невѣрующіе бывають суевѣрны: это противорѣчіе не рѣдко и не удивительно. Вѣра въ силу сверхъ-человѣческую, кажется, свойственна и необходима душѣ; и если заграждать ей привычные пути, она проложитъ себѣ новые. Такъ многіе, усумнившись въ бытіи Бога, тайно предались покровительству рока или звѣздъ. Подобное же противорѣчіе находилъ я и въ своихъ чувствованіяхъ.

Отвергнувъ вѣру въ божественный Промыслъ, я не переставалъ вѣрить снамъ, вопреки всей своей философіи. И опыты утверждали меня въ семъ заблужденіи; ибо помощію нѣкоторыхъ изъ тѣхъ случайныхъ соотношеній, коими пользуются вѣщуны и гадатели,

Не разъ мнѣ прорицали сны вѣрны
Дубовъ, шреножниковъ и голубей.

Потому не удивительно, что видѣніе сей ночи, коснувшись спруны уже напаянутой, подѣйствовало на меня съ необыкновенной силою и глубже врѣзывалось въ память при каждомъ усилии моемъ забыть оное. Тщешно смѣялся я самъ надъ своею слабостію: такое самоосмѣяніе рѣдко бываетъ искреннимъ. Тщешно гнался я за привычными ушѣхами: кора ихъ являла по прежнему все новыя прелести; но опять возвращалось опечаливающее чувство, что я смертенъ, а съ нимъ вмѣстѣ воспоминаніе мечтательнаго обшпованія, къ которому еще прилѣплялось воображеніе мое, наперекоръ разсудку. Иногда, предаваясь мечтаніямъ — продолженію сновидѣнія моего, я даже представлялъ себѣ возможнымъ существованіе нѣкоей тайны, сильной протлѣть юность если не навѣки, по крайней мѣрѣ надолго, и опдалить ужасную близость смерти, въ предѣлахъ коей изнемогаешь любовью и веселіе увядаетъ. Кто знаетъ, спрашивалъ я самъ себя, не сокрыты ли въ Египтѣ, въ сей странѣ чудесъ, гдѣ таинство едва

въ половину раскрыло сокровища свои, гдѣ столько темныхъ тайнъ допотопнаго міра остаются неразгаданными на столпахъ Си-еа — не сокрыты ли тамъ чары, ожидающія, какъ обѣщало мнѣ видѣніе, только моего прибытія, чтобы обнаружиться? Не хранились ли тамъ какой-либо составъ изъ тѣхъ чистыхъ сущностей, кои свѣщая намъ въ вѣчныхъ звѣздахъ, и коихъ вліяніе въ тѣло человеческое содѣлаетъ и его неуязвимымъ и безсмертнымъ?

Такъ съ услажденіемъ перялся я въ сихъ перелетныхъ мечтахъ, когда разсыпанная жизнь моя, дѣйствуя на пламенное сердце и живое воображеніе, упоевала духъ мой до того, что я не былъ уже вполне я. Сіе заблужденіе не мало умножалось и отъ безпрестанной борьбы моихъ врожденныхъ чувствъ съ холодною, бездушною вѣрой единомысленниковъ моихъ. Усиливаясь сбросить съ себя ея мершвящія цѣпи, я вырывался изъ нихъ только что въ область вымысловъ и мечтаній.

Даже и въ самыя спокойныя минуты спранный видѣніе не переставало преслѣдовать меня. Тщетны были всѣ мои усилія отгнать его отъ души; и наконецъ, послѣ многихъ размышленій, я увѣрился, что не могу успокоиться, не посѣпивъ Египта — не могу образумиться, не убѣдясь неудачею въ заблужденіи своемъ. И паче, я немедленно объявилъ сотоварищамъ Сада о своемъ намѣреніи посѣтить спрану пирамидъ. Никому

изъ нихъ не осмѣлился я признаться въ тайномъ, мечтательномъ побужденіи, меня подспрекавшемъ. Я утверждалъ, что цѣль моя любознаніе; они приписывали намѣреніе мое сластолюбію. Опасались, что Училище потерпѣитъ отъ моего отсутствія, были и нѣжнѣйшія связи, для которыхъ разлука еще опаснѣе; но я нашелъ средство отклонить на время первое затрудненіе, а другое облегчилось искуснымъ расчотченіемъ обѣтовъ и вздоховъ. Съ поручительными письмами во всѣ части Египта, льбомъ, въ 257 году отъ воплощенія Бога - Слова, я отплылъ въ Александрію.

Тому, кто на землѣ извлекалъ сколько сладкаго изъ cadaго мгновенія — морское плаваніе, хотя спокойное и благопріятное, должно было показаться самымъ скучнымъ средствомъ губить время, какое только можно избрѣсть. Часто воображеніе мое, когда мы плыли мимо какого-либо острова сихъ морей, населяло его миловидными и благодушными существами, для поклоненія которымъ я бы охотно остановился, еслибъ могъ. Но вѣтеръ дулъ прямо къ спрант тайнствъ; къ тому же я слышалъ внутри себя голосъ, твердившій непрестанно: „впередъ!“

Плаваніе наше не было столь благополучно, когда мы приближались къ берегамъ Египта, и божества Нила почтили насъ знакомъ благоволенія своего — бурей, или лучше сказать вихремъ, едва

не попомнившимъ нашъ корабль; это, говорили ѣхавшіе съ нами Египтяне, было дѣйствіе бога ихъ Тифона. Послѣ опасностей цѣлаго дня и ночи, въ продолженіе коихъ насъ ошогнало отъ пути нашего къ востоку, мы подпали благосклоннѣйшему вліянію; и наконецъ, когда занялось свѣжее утро, увидѣли прекрасный городъ Александрію, выходящій изъ моря, съ его дворцомъ царей, его портикомъ изъ 400 колоннъ и его Сполпомъ сполповъ, посреди всего возносящимся къ небу.

Обозрѣвъ сіи великолѣпныя виды, мы быстро объѣхали скалу Фароса, и чрезъ нѣсколько минутъ очутились въ пристани Евностъ. Солнце взошло, но огонь все еще горѣлъ на высокой башнѣ скалы; и въ первыхъ пробудныхъ движеніяхъ сласполобиваго города, коего освѣщенные дома и храмы безмолвно лежали вокругъ пристани, выражалось какое-то изнеможеніе, которое доспадно свидѣтельствовало объ увеселеніяхъ предшествовавшей ночи.

Мы скоро вышли на берегъ и рядомъ дворцовъ и памятниковъ пошли по улицѣ, ведущей отъ моря къ вратамъ Канопы. Сколь ни свѣжи были во мнѣ впечатлѣнія отъ созерцанія любезныхъ сѣрцу Аѳинъ, но я былъ ослѣпленъ, если не великолѣпіемъ, по крайней мѣрѣ новостію окружающаго меня зрѣлища. Утѣхи и наслажденія, общаемыя такимъ городомъ, не менѣе прочаго воспламеняли тогда мое воображеніе. Все предвѣщало мнѣ будущія удовольствія.

Для Епикурейскаго воображенія моего, самый видъ зодчества вызывалъ образы живыхъ прелестей, и даже мрачная уединенность храмовъ и рощицъ говорила душѣ моей только о нѣжныхъ таинствахъ. Когда блестящая картина сія оживлялась вокругъ меня болѣе и болѣе, я чувствовалъ, что если Египетъ и не научишь меня продолженію жизни, то, по крайней мѣрѣ, преподастъ мнѣ другое искусство, лучшее всѣхъ прочихъ — искусство размножать наслажденія.

Тогдашнее населеніе Александріи состояло изъ самаго неопраго смѣшенія народовъ, вѣроисповѣданій и толковъ, какое только можешь быть собрано въ одномъ городѣ. Рядомъ со Школой Греческаго Платоника видна была Синагога Кабалистическаго Еврея; между тѣмъ церковь Христіанина мирно стояла надъ подземельями Египетскаго Иерофанша. Здѣсь поклонникъ огня съ Востока смѣялся надъ суевѣріями обожателя кошекъ съ Запада. Здѣсь, къ несчастію, и Христіанство научилось подражать заблужденіямъ Язычества; и между тѣмъ какъ Офитскій (*) учитель съ одной стороны важно преклонялъ колѣна передъ своимъ змѣемъ, съ другой Никозіанецъ также важно утверждалъ, что нѣтъ спасенія внѣ его ученія. Еще хуже, взаимная непереносимость Христіанскихъ толковъ опличалась одною жестокостію; и по прибытіи

(*) *Офитъ*, змѣепоклонникъ.

моемъ я не слышалъ ни о чемъ, кромѣ вражды и ненависти, съ коими послѣдователи разныхъ сектъ гнали другъ - друга за то поистинѣ, что одни поспились въ седьмой день недѣли, а другіе въ четвертый и шестой.

На всѣ сія вѣроисповѣданія, или школы, кромѣ смѣшныхъ ихъ споронъ, я немного обращалъ вниманія. Я находился въ роскошнѣйшемъ городѣ вселенной, и далъ полную волю всѣмъ обольщеніямъ, меня окружавшимъ. Молва какъ о философѣ и сластолюбцѣ мнѣ предшествовала; и Александрія, вторые въ мірѣ Аѳины, приняла меня какъ своего. Слава моя, подобно нѣкому шалисману, открывала сердца и двери при моемъ приближеніи. Меня уволити отъ обычнаго при новыхъ знакомствахъ искашательства, и не только приязнь, но и любовь и дружба также быстро появлялись на спесь моей, какъ зелень послѣ разливія Нила. Смуглая красота Египтянокъ имѣла для глазъ моихъ новостъ, возвышавшую прелести, и эротъ цвѣтъ отъ солнца на ихъ полныхъ ланитахъ былъ только знакомъ пламени, имъ возженного въ сердцахъ ихъ.

Такъ смуглый цвѣтъ плода намъ возвѣщаетъ,
Сколь много сладости онъ заключаетъ.

Нѣсколько недѣль пропекло въ безпрестанныхъ и всегда переменныхъ удовольствіяхъ; голосъ шоски хотя все еще отзывался въ сердцахъ, но я рѣдко вслушивался въ него, и онъ скоро замолкъ, заглу-

шенный пѣснями окружавшихъ меня сирень. Наконецъ, когда явленія сіи утѣшили предѣшь новости, прежніе шуманные призраки начали примѣшиваться ко всѣмъ моимъ радостямъ, и случай, встрѣпившійся со мною во время одного изъ приапнѣйшихъ увеселеній, еще болѣе сгустилъ мглу ихъ.

Въ годовой праздникъ Сераписа я не разъ вмѣшивался въ веселыя толпы, пѣснившіяся у гроба его въ Канопѣ. День и ночь, во время сего торжества, по всему каналу отъ Александріи до Нанопы плавали суда, наполненные молеельщиками обо-его пола; всѣ спѣшили пользоваться свободой той вѣры, которая налагада на удовольствіе печатъ освященія и въ честь неба давала праздникъ спрасямъ земнымъ.

Однажды, приапной ночью, я возвращался въ Александрію. Сѣверный вѣтеръ своимъ опраднымъ дыханіемъ освѣжалъ воздухъ, и набережныя рощицы померанцовыхъ деревъ и лавзоній разливали сладкое благоуханіе. Толпу оставилъ я за собою въ Канопѣ; на каналѣ не было ни одной лодки, кромѣ моей; но едва предался я думамъ, кои въ такой часъ навѣваетъ уединеніе, какъ вдругъ мечты мои прервались звуками женскихъ голосовъ: крики и смѣхъ неслись отъ садовой прибрежной бесѣдки, ярко освѣщенной,

Подплывая къ ней ближе, я замѣтилъ, что веселость и шревога происходили отъ усилій нѣсколькихъ рѣзвыхъ дѣвицъ, кои, желая достать ясиновые кусты, ростшіе

у самой рѣки, упали въ воду. Поспѣшивъ къ нимъ на помощь, я скоро узналъ по голосу одну изъ прекрасныхъ Александрійскихъ знакомокъ своихъ, и выскочивъ на берегъ, окруженъ былъ толпою нимфъ, кои убѣждали меня присоединиться къ ихъ обществу въ бесѣдкѣ, и сплешши цѣпь изъ яминовыхъ вѣшвей, только что сорванныхъ ими, обвили меня ею и повели своего невольнаго плѣнника въ храмину пира.

Здѣсь нашелъ я избранный цвѣтъ Александрійскаго общества. Неожиданность для обѣихъ сторонъ сдѣлала сію встрѣчу еще приятнѣе; и рѣдко я чувствовалъ себя столь оживленнымъ, рѣдко столь успешно содѣйствовалъ оживленію другихъ.

Въ нашемъ обществѣ находились нѣкоторыя Гречанки, носившія, по обычаю спраны своей, покрывала, для того безъ сомнѣнія, чтобы болѣе выказашъ, нежели скрышъ красоту свою, которая проглядывала подобно лучамъ изъ-подъ облака. Тамъ была женщина, особенно привлекавшая мое вниманіе: увѣчанная темными цвѣтами, она, во все время пира, сидѣла въ безмолвіи, съ опущеннымъ покрываломъ. Я замѣшилъ, что она ни въ чемъ не принимала участія, не касалась яспвъ и винъ, и по видимому, ни одна рѣчь, ни одно слово не возбуждало ея вниманія. Сіе отчужденіе среди зрѣлища столь блистательнаго, казалось, никѣмъ кромѣ меня незамѣченное, поразило меня своею таинственною спранностію: я спросилъ о при-

чинъ онаго прекрасную сосѣдку свою; но она приняла важный видъ и промолчала. Между шѣмъ и лира и чаша переходили изъ рукъ въ руки, и одна юная Аѳинянка, взявъ свою люпню, пропѣла нѣсколько Греческихъ пѣсень съ такимъ чувствомъ, что они перенесли меня къ берегамъ Илисса, и на самомъ лонѣ наслаждающаго наслажденія исторгли изъ сердца вздохъ о наслажденіяхъ минувшихъ. Прежде нежели наше веселое общество поднялось, уже рассвѣло, и мы не охотно отправились на суда для возвращенія въ городъ.

Едва мы взошли на нихъ, какъ замѣтили, что люпня молодой Аѳинянки забыта; сладостные звуки еще отзвывались въ сердцѣ моемъ: я быстро выскочилъ на берегъ и поспѣшилъ въ храмину пира. Она была безмолвна и пуста; но въ ней, къ удивленію моему, все сидѣла та молчаливая жена, споль сильно ночью возбуждавшая мое любопытство. Тайный ужасъ охватывалъ меня, когда я шло къ ней приближался: не видно, не слышно было дыханія; не шевелился ни одинъ листокъ темнаго вѣнка на челѣ ея. При мерцаніи угасающаго передъ нею свѣспильника прѣпещущей рукою я поднималъ покровъ, и увидѣлъ — что уже предчувствовало мое воображеніе — увидѣлъ образъ безжизненный, оставъ. Я отскочилъ; бросилъ съ люпней къ берегу, и во все время плаванія былъ почти также молчаливъ, какъ видѣнный мною образъ.

Сей обычай Египтянъ за сноломъ пиршества, спавишь оспавъ или мумію съ нѣкотораго времени былъ оспавленъ, исключая одни особенныя торжества; но и тогда принято было у роскошныхъ Александрійцевъ прикрывать сіе напоминаніе смерти убранствомъ, какъ мною описано.

Неприготовленный къ такому зрѣлищу, я до того былъ пораженъ имъ, что не скоро опомнился. Сей безмолвный и ужасный свидѣтель веселія, казалось, осуществилъ образъ, носившійся въ сердцѣ моемъ. Черты смерти напечатлѣлись на каждой мысли моей, и видъ будущаго моего жребія примѣшался къ свѣтлой картинѣ настоящаго бытія.

Въ то время живѣе, нежели когда-либо, пришло мнѣ на память мое сновидѣніе. Ясно-увѣришельная улыбка того священнаго Духа, и его слова: „иди къ берегамъ темнаго Нила, и ты обрѣдешь жизнь вѣчную, тобой искомую!“ непрестанно отзывались въ душѣ моей. Но, увы! я ничего еще не сдѣлалъ для совершенія сего торжественнаго обѣта. Александрія не Египетъ; самое мѣсто ея не существовало, когда Оивы и Мемфисъ уже считали вѣка славы.

Тамъ, подъ пирамидами Мемфиса, воскликнулъ я, или въ тайнственныхъ переходахъ Лавиринеа; тамъ должно искать мнѣ священныхъ таинъ вѣдѣнія; завѣщанныхъ Египту міромъ допотопнымъ, между коими — мысль благословенная! — хранишься, быть можешь, ключъ къ жизни вѣчной!

Принявъ такое намѣреніе, я проспился съ многочисленными Александрійскими друзьями моими и отправился въ Мемфисъ.

Изъ всѣхъ странъ Египетъ, смѣсю унылаго съ роскошнымъ, коею запечатавшимъ собой его народа, его вѣра и его картинныя мѣстоположенія — Египетъ наиболее поражаетъ шемпераментъ и воображеніе подобныя моимъ, и приводитъ въ оживленное сопряженіе всѣ струны того и другого. Куда я ни обращался, всюду встрѣчалъ садъ и пустыню, смѣшеніе цвѣтущаго съ опустошеніемъ. Я видѣлъ роццу любви и рядомъ гробницу, видѣлъ наслажденіе и смершь, какъ-бы спрегущія одно другое попеременно. И въ самой роскоши климата вѣяло дыханіе грусти. Однообразный блескъ дня и торжественное сіяніе ночи, все пышало пламенное уныніе — порожденіе спрасхи и мысли, давно уже вѣдрившееся въ душу мою.

Я оплылъ изъ Александріи во время полного разливія Нила. Вся долина Египта лежала подъ водою. Взирая при блескѣ заходящаго солнца на окружавшіе меня храмы, дворцы и памятники, обтекаемые волнами, я воображалъ, что передо мной погружающійся островъ Атлантиды, въ шотъ послѣдній вечеръ, когда зданія его еще видны были надъ пучиной. Какое пришомъ оживленное разнообразіе представлялось повсюду!

Едва ль когда свѣтился надъ землёй
 Небесный сводъ столь ясно - голубой.
 Мой взоръ встрѣчалъ по тѣмъ стогнамъ со стопами,
 То куполы порфирны, садъ иль храмъ
 Воздвигнутый могущимъ божествамъ;
 Пирамиды стояли надъ водами —
 И простояшъ наперекоръ вѣкамъ.
 Величїя и роскоши явленїя
 Изъ населенныхъ водъ сихъ создаютъ
 Мїръ цѣлый, полный жизни и движенія,
 Любовь, Мѣна и Вѣра гдѣ живутъ.
 Торжественно-спокойными стопами,
 Съ блестящими кимвалами, съ жезлами,
 Здѣсь бѣлоризые жрецы во храмъ
 Восходяшъ отъ воды по ступенямъ.
 Изъ дальнихъ странъ заводопадныхъ, жаркихъ,
 Прибывшія суда свой грузъ драгой
 Несушъ морямъ: пшицъ перья пестро-яркихъ
 И носорога кость, песокъ златой
 Съ горъ Абиссинїи дождемъ снесенный,
 Мерѣе данъ — каменья драгоцѣнны.
 Гдѣ въ тѣнистый заливъ слилась вода,
 Моельщики шамъ легкія суда
 Стремяшъ межъ лотосовъ, надъ ихъ главами
 Склонившихся дугой, и, подъ цвѣтами
 Скрываясь, поюшъ и говоряшъ,
 А полдня душные часы проспяшъ.
 Вблизи отъ нихъ, во влагѣ свѣжей, чистой,
 Подъ стѣною акаціи цвѣтиспой,
 Играетъ, плещется, веселый рой
 Прелестныхъ нимфъ, соперницъ феи той (*),

(*) Клеопатра.

Которой цѣпь вокругъ двухъ перевилась .
Владыкъ земли , на ирешьемъ порвалась.

Очарованный симъ зрѣлищемъ , я нарочно продолжалъ путь свой , посѣщая всѣ роскошныя и достопримѣчательныя мѣста, освященныя удивленіемъ вѣковъ.

Въ Саисѣ присуіпствоваль я на праздникѣ Свъшпильниковъ , и при блескѣ безчисленныхъ огней , прочелъ на храмѣ Неиомъ сіе высокое изреченіе : „Я есмь все , что было , есть и будетъ , и никогда еще смертный не поднималъ покрыва моего.“ Я прохаживался среди поверженныхъ обелисковъ Иліополя , и не безъ съшванія видѣлъ , какъ солнце улыбалось надъ развалинами его , будшо насмѣхаясь надъ грудю брэннаго величія , нѣкогда гордо себя провозгласившаго Градомъ Солнца ! Но всего охотнѣе посѣщаль я островъ Златой Венеры ; гуляя тамъ подъ стнолиспвенными сводами , единспвенными храмами ея , я чувствовалъ , что вѣчно-живые столпы садовъ и рощей приличнѣе для обителй божества , нежели драгоцѣннѣйшія колонны изъ бездушнаго мрамора .

Повсюду новыя удовольствія ; новыя прелести ! И хопя уныніе , какъ и прежде , стояло близко , но пѣнь его падала только до половины блуждающей спези мѣей ; все остальное блисало опраднѣе отъ противоположности . Повѣспиваніе различныхъ приключеній моихъ , въ краткое время сего пушѣшесствія случившихся , удали-

ло бы меня опытъ происшествій, болѣе до-
стойныхъ воспоминаній. При такомъ не-
пресыщенномъ разнообразіи оболещеній я за-
былъ о великомъ предметѣ моего странство-
ванія; таинства сей страны Солнца оста-
вались для меня по прежнему таинствами,
и я посвященъ былъ въ одни ея удовольствія.

Наконецъ, въ шестъ вечеръ, когда я въ
первый разъ очутился предъ пирамидами
Мемфиса, гордо возносящимися подобно
сторожевымъ башнямъ Времени; которое,
умирая, съ вершины ихъ, взглянешъ впо-
слѣдніе — въ то самое мгновеніе, когда
я въ первый разъ увидѣлъ ихъ, великая
тайна, о которой сказало мнѣ сновидѣ-
ніе, опять предстала душѣ моей и носи-
лась предо мною въ непроницаемой мглѣ.
Было что-то торжественное въ солнеч-
номъ сіяніи, которое покоилось на сихъ
памятникахъ; вокругъ въ воздухѣ, какое-
то благоговѣйное безмолвіе ошзывалось въ
душѣ моей, какъ дѣсь въковы протекшихъ.
Помышляя, сколько мириадъ мудраго, пре-
краснаго и доблестнаго сокрылось въ прахъ
съ тѣхъ поръ, какъ земля впервые узрѣла
чудеса сіи, въ горести души я воскликнулъ:
одинъ ли человекъ погибаетъ? Сердца и
души уничтожатся, а пирамиды проспо-
лятъ. Смерть, смерть! даже на сихъ вѣч-
ныхъ скрижаляхъ — единственномъ без-
смертіи, Царями спяжанномъ — ты на-
чертала приговоръ нашъ священными и
вняшными словами: „кромя гроба нѣтъ для
человѣка постоянного жилища.“

Ч. V. № XVII, XVIII, XIX и XX. 9

Сердце мое уныло при сей мысли; и я мгновенно предался тому опечаленію, которое нападаетъ на душу, не усматривающую ничего кромѣ тьмы въ будущемъ. Но легкость нрава моего опять превозмогла, и, добровольно поддаваясь обману суешныхъ мечтаній, съ той счастливой удобностію, которая пославляетъ воображаемое благо на мѣсто существеннаго, я снова увлекся взрою къ тому, чего наиболее желалъ. Такъ! воскликнулъ я: безсмертіе должно быть достижимо человѣку; и поеліку одна мудрость достойна такого благословенія, то одному мудрому и должна быть явлена тайна сія. Тамъ, подъ сей пирамидой, говоритъ преданіе, многія столѣтія лежишь глубоко сокровенная изумрудная скрижаль, на коей Тривеликій (*) Гермесъ начерталъ, до пошопы, тайну Алхиміи, щедро надѣляющую обладающаго златомъ; тамъ, быть можетъ, вписана и могущественнѣйшая, болѣе приближающая къ божеству тайна, щедро надѣляющая жизнью. Силою злата, неисшощимаго злата, Цари, почивающіе въ сихъ огромныхъ зданіяхъ, взрыли землю до средопочія, и къ небу взгромоздили камни въ воздухъ, дабы запаслись гробницами, кои бы могли пережить вселенную. Почему знать: не обладали ли они даромъ безсмертія? Почему знать: не живутъ ли они и теперъ, торжествуя надъ смертію? Сія зданія, у насъ называемыя гробницами, не великолѣпныя ли ж

(*) Трисемиастъ.

вѣчные дворцы, гдѣ, сокрывшись отъ сего дряхлѣющаго міра, обитають они съ многими спящими дара ихъ въ безсолнечномъ, но свѣтлозарномъ своемъ Елизѣѣ? Иначе, къ чему сіи громады? Къ чему то подземное царство, коимъ подрыта вся долина Египта? Къ чему и сіи лабиринты, коихъ не видавъ никто изъ земнородныхъ — коихъ не посѣщалъ никто изъ небожителей, кромѣ онаго бога съ перстомъ на сомкнутыхъ устахъ? Между тѣмъ, какъ я предавался мечтамъ симъ, солнце, вполонину закашась за небокрай, мирно и шоржесшвенно прощалось съ пирамидами: такъ привѣщивало оно ихъ каждый вечеръ въ теченіе вѣковъ, пока наконецъ свыклось съ ними, какъ съ землей. Стороны ихъ, обращенныя къ лучамъ его, сіяли ослѣпительной близкою; а къ востоку ложились отъ нихъ огромныя тѣни, какъ-бы первыя снопы ночи, спѣшившей обвить своимъ покровомъ холмы Аравійскіе.

Едва сокрылся послѣдній лучъ солнца, — на каждой кровлѣ домовъ Мемфиса поднялись, развѣваясь, яркія-позлащенные хоругви, провозвѣстницы заката его; между тѣмъ гармоническіе звуки, какъ полный пошокъ, пролились изъ всѣхъ прибрежныхъ храмовъ.

Пробужденный отъ задумчивости этими звуками, я вдругъ вспомнилъ, что въ сей самый вечеръ будущъ шоржесшвенный великій праздникъ Луны. Среди маленькаго

оспросы, на похлупи. опъ садовъ Мемфисскихъ и берега восточнаго, споялъ храмъ богини, копорая лучами своими низводишь на землю

Часы прелестныя цвѣтовъ поющихъ, свидѣній...

Діана Сѣвера — вратъ нѣтъ, наслажденій:

Льдомъ двѣшвеннымъ она мерзвиль младаю кровь.

Иная рощици Мемфиса пощажаетъ

И съ свѣшло - звѣзднаго чершого, вѣсьмъ вѣщаетъ,

Что небу на земль равна одна любовь!

Такъ воскликнулъ я словами одного изъ Египетскихъ поэтовъ. Предвкушая разнообразныя наслажденія празднества, я опогналъ опъ души всѣ мрачныя мысли, поспышилъ къ ладѣ своей, въ коей я жилъ тогда на водахъ, какъ Нильская пшлица, и направилъ пушъ къ острову храма Луны.

*

Медленно и величественно подымалась Луна, какъ - бы зная ожидашія ее на земль почести; ее привѣтствовали громкими восклицаніями съ каждаго возвышенія, гдѣ толпы сперегли первый взглядъ ея. Рѣдко восходила она надъ прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ. Мемфисъ, все еще великій, хотя уже не несравненный Мемфисъ, нѣкогда похищенный у Огъ вѣнецъ первенства и столько лѣтъ безспорно его носившій — теперь, при нѣжномъ мерцаніи луны, соглашающемся съ упадомъ его, свѣтился.

2

среди озер своих, пирамидъ и храмовъ, какъ сонъ славы, долженствующей скоро прейти! Даже и тогда разрушенію было слишкомъ замѣтно въ окрестностяхъ города. Пески Ливійской пустыни напирали, какъ море; и среди уединенныхъ столповъ и сфинсовъ, почти врывшихся въ землю, казалось, стоитъ неумолимое Время, ожидая, пока все цвѣтущее вокругъ также падетъ подъ разрушительной рукой его.

На водахъ все было жизнь и веселіе. Какъ далеко взоръ ни простирался, вездѣ по безчисленнымъ ладьямъ искрились огни, осыпавшіе рубинами волны. Суда всякаго рода — отъ легкаго челнока, который удобно скользитъ чрезъ пороги, до огромной яхты, плывущей подъ звуками флейшъ — всѣ стремились на сей священный праздникъ съ толпами веселыхъ юношей, не только изъ Мемѣиса и Вавилона (*), но даже изъ городовъ отдаленнѣйшихъ.

Приближаясь къ сему острову, я замѣтилъ на берегу, сквозь деревья, свѣшившіеся пламенники поклонниковъ, спѣшившихъ къ торжеству. Причаливъ по направленію огня сихъ, я скоро присоединился къ толпѣ, и проходя длинными рядами сфинсовъ, коихъ искрившійся мраморъ

(*) Сей городъ, построенный Персами, находился на восточномъ берегу Нила, близъ мѣста сшарава Каира.

считалъ между мрачными сикоморами (*), я скоро достигъ большаго преддверія храма, гдѣ уже началось совершеніе вечернихъ обрядовъ.

Въ семь обширномъ портикѣ, который обнесенъ былъ двойнымъ рядомъ столповъ и опверзтъ сверху звѣздамъ небеснымъ, я увидѣлъ купу юныхъ дѣвъ въ какомъ-то мѣрномъ движеніи между походкой и пляскою, вокругъ маленькаго жерпвенника или ковчега, гдѣ хранятся муміи: на немъ стояла одна изъ пщицъ, посвященныхъ Лунѣ по многоцвѣтности крилъ. Преддверіе освѣщалось слабо: было только по одной лампадѣ съ нефтью на каждомъ изъ окружавшихъ оное столповъ; но спавши у одного изъ нихъ, я могъ различать юныхъ дѣвъ, одна за другою мимо меня проходившихъ.

Длинная, прелестная одежда ихъ бѣлизною подобила снѣгу; каждая подъ полною грудью небрежно носила перевязь, или поясъ темносиній, украшенный, какъ полночное небо, серебряными звѣздочками. Въ черные локоны ихъ были вплетены бѣлыя лилеи Нила (**) — полагали, что сей цвѣпокъ любимъ Луною, какъ Солнцемъ — золотые цвѣты бобовъ (***). Когда дѣвы проходили подъ лампадою, отъ груди ихъ отражалось сіяніе, которое, я замѣтилъ,

(*) Египетская дикая смоковница.

(**) Лотосъ.

(***) Бобы Египетскіе.

было оплѣсскомъ зеркальцѣ, носимаго ими подъ лѣвымъ плечомъ, по обыкновенію женъ Востока.

Никакая музыка не управляла шагами ихъ; но, обходя съ такою прелестію вокругъ пиццы стоявшей наковчегъ, онѣ согласно размѣряли движенія свои — однѣ ударами шарелокъ, другія рѣзкимъ звономъ систра, которыми держали вверхъ, подражая своей Богинѣ Изидѣ; между тѣмъ прочія попрысали при каждомъ шагѣ маленькой серебряной цѣпочкой, коей звуки, сливаясь съ звуками шарелокъ и систра, производили дикое, но не неприятное согласіе. Онѣ всѣ казались прелестными; но одна — свѣтъ не озарялъ лица ея, такъ низко склоняла она чело — одна особенно привлекла, потомъ приковала мое вниманіе. Было что-то въ сихъ полувидныхъ чертахъ — въ самой тѣни, скрывавшей воображаемую красоту ихъ, было какое-то очарованіе, плѣнившее меня болѣе, нежели вся открыто-сіявшая прелестъ ея подругъ. Такъ оковано было воображеніе мое сею таинственною скромностію, что ее одну между всѣми я видѣлъ и представлялъ себѣ — ее одну искалъ я взорами, когда съ тѣмъ-же склоненнымъ челомъ она обходила жертвенникъ пирами, еeirными шагами, какъ-бы ея присутствіе, подобно явленію духа, должно существовало бытъ осязательнымъ, а не видимымъ.

Когда я смотрѣлъ, внезапно раздалось громкое бряцаніе тысячи кимваловъ; ша-

желыи врата храма растворились настежь, какъ волшебствомъ, и цѣпоки свѣща отъ освѣщеннаго прищвора наполнили все преддверіе; въ то-же самое мгновеніе, какъ будто лучи и звуки родились вмѣстѣ, громъ величественной музыки слился съ сіяніемъ.

Тогда-то, при семъ свѣтѣ, который полною озарилъ черны юной дѣвы, когда, изумленная блескомъ, она подняла глаза къ прищвору и мгновенно опять опустила ихъ, тогда увидѣлъ я то, чего даже пламенное мое воображеніе въ живѣйшихъ своихъ мечтаніяхъ о красотѣ никогда не рисовало. Психея сама, вступивъ на прагъ неба, когда первые лучи его пали на ослѣпленные зѣницы ея, не могла показаться прекраснѣе, или зарумянилась скромнѣйшей стыдливостію. Сколь ни часто испытывалъ я силу взглядовъ, никогда они такъ глубоко не проникали въ душу мою. Какое-то новое чувство, новое ощущеніе мгновенно влилось въ меня, какъ оный свѣтъ въ преддверіе, и вдругъ наполнило все существо мое; продлился это видѣніе еще мигъ предъ глазами моими, я совершенно бѣ забылъ, гдѣ и кто я, и повергся бы въ благоговѣніи къ ея ногамъ.

Но едва продлился сей поцѣлокъ музыки, священная цѣпица, дополъ стоявшая неподвижно, какъ изваяніе, распростирала свои крылья и полетѣла во храмъ; Прелестныя, младыя ея поклонницы, устреми-

лись за ней съ подобною же быстрою — и та, которая оставила въ сердцѣ моемъ незабвенное видѣніе, исчезла съ прачими. Когда она быстро проходила мимо толпы, о которой я опирался, обвивавшій его плоть зацепилъ за одежду ея и уронилъ на землю одно изъ ея украшеній : то было маленькое зеркало, блестящее и виднвшее мною на груди ея. Съ прѣпешомъ поднялъ я его и спѣшилъ возвратишь; но она уже скрылась опъ взоровъ моихъ въ толпѣ.

Тщешно порывался я вслѣдъ за нею : пришворы были наполнены, множество ревностныхъ поклонниковъ тѣснилось ко входу, служители храма не впускали болѣе никого, и бѣлыми жезлами своими прѣграждали мнѣ путь всякій разъ, когда я появлялся. Смущенный и раздраженный, я почиталъ врагами всѣхъ, кои удерживали мое стремленіе; приподнимаясь среди толпы, я всматривался въ шумящія пришворы, и ощущалъ бѣеніе сердца, когда видѣлъ изрѣдка опблески звѣзднаго пояса или вязи лопосовой, кои заставляли меня воображать, что я открылъ искомое мною. Но все было тщешно : по всѣмъ направленіямъ двигались ряды священныхъ нимѣъ ; и нигдѣ не видно было той, которой я искалъ.

Опъ множества движущихся лицъ и огней вокругъ меня, опъ клубившихся повсюду облаковъ фиміама, голова моя закружилась. Я пробылъ тамъ еще нѣсколько времени въ состояніи, близкомъ до обморока ;

наконецъ, изнуренный, не могъ долѣе выдерживать, проложилъ дорогу среди толпы, вышелъ на свѣжій воздухъ, поспѣшилъ рядами сѣнковъ къ берегу, и вскочилъ въ лодку.

Есть къ сѣверу отъ Мемфиса уединенное озеро (сливающееся въ сіе время года съ водами разлива), на берегахъ коего стоитъ Некрополисъ, или *градъ мертвыхъ* — мѣсто уныло-величественное, устланное жертвенниками и пирамидами, гдѣ не одна Царская глава, гордая даже по смерти, цѣлые вѣки ожидаетъ воскресенія своей славы. Подъ ними, въ низшемъ ряду погребальныхъ пещеръ, лежатъ смиреннѣйшіе жители, непричастные плѣну гробницъ, являя каждому новому поколѣнію, ихъ поспѣвающему, шъ-же черты и лица, кои имѣли назадъ тому столѣтія. — Тамъ, начиная отъ цвѣтка злапоока (*) до шаинсвеннаго банана (**), собраны всѣ распенія и деревья, посвященные смерти; они изливаютъ прохладу и благовоніе на сіе гробище, и вѣчное молчаніе его нарушается однимъ только глухимъ молищеннымъ шопотомъ жрецовъ, когда новый жилецъ приходитъ селиться въ семъ безмолвномъ градѣ.

Къ сей-то обители смерти, почти незамѣчая того, я направилъ ладью, въ расположеніи духа полуясномъ, полупуманномъ,

(*) *Asphodelus*.

(**) *Musa*.

которое мнѣ свойственно. Образъ юной жрицы былъ неотлучно передо мною. Никогда не отставала души моей шопъ свѣшлый взоръ, коего одно воспоминаніе было мнѣ драгоцѣннѣе улыбки другихъ. Погруженный въ такія мысли, я не пересчитывалъ правилъ весломъ, не зная куда плыву, и очнулся, изумленный, въ шѣни града Мершвыхъ. Я взглянулъ вверхъ и увидѣлъ пирамиду за пирамидой, возносящіяся передо мною, а надъ всѣми одну, на вершинѣ коей, казалось, покоишся луна, какъ на подножіи.

Подплывши къ берегу, который возвышалъ сей градъ памяшникомъ надъ поверхностью наводненія, я поднялъ весло и далъ волю челноку лѣнливо качаться на водѣ, между шѣмъ мысли мои, шакже пущенныя безъ направленія, шполь-же лѣнливо колебались. Сколь разнообразны и непостоянны были мечпы, пробѣгавшія тогда душу мою! и оное свѣшное вѣдѣніе храма ко всему примѣшивалось. Иногда шполь-ла она предо мною, подобная еерному духу, чистая — какъ-бы шолько стихій музыки и свѣша, въ которую она скрылась опъ взоровъ моихъ, была ея обителью. Иногда, оживленная страсшію, перерожденная въ существо земное, она наклонялась ко мнѣ съ нѣжнымъ взоромъ, коего одно мгновеніе казалось для меня дороже всѣхъ міровъ; а шопомъ, когда возвращался всегда нападавшія на меня мрачныя

мечтаній, я видѣлъ ее хладною, изсохшею, чернѣющею, среди мрака оихъ вѣчныхъ гробницъ, которыя были предо мною!

При сей мысли съ содроганіемъ отвернувшись отъ кладбища, я услышалъ плескъ весла, быстро разсѣкавшаго воду, и чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ пролетѣвшую мимо меня къ берегу маленькую лодку, въ коей сидѣли двѣ женщины, подъ покрывалами. Онѣ вышли на берегъ неподалеку отъ меня въ тѣни прибрежнаго памятника, а лодка понеслась обратно съ тою-же быстрою.

Никогда приключеніе не представлялось такъ кснати, какъ въ сію минушу, когда воображеніе мое сплело для сердца увы, угрожая мнѣ плѣномъ, который разрушитъ всего шруднѣе. Влюбиться такимъ образомъ въ созданіе собственной фантазіи есть самая жадкая глупость, ибо самая продолжительная. Одна существенность доставляетъ случаи къ разрушенію подобныхъ чаръ; а кумиръ, который тогда я шворилъ себѣ, долженствовалъ навсегда пребыть идеальнымъ. И пошму все, что казалось способнымъ оплечь меня отъ шаковыхъ мыслей — возвращитъ воображеніе мое на землю, къ существенности, изъ области мечтаній, гдѣ оно шпранствовало — всякое покушеніе къ сему было для меня благовременнымъ пособіемъ, и я ухватился за оное съ жаромъ.

и я двинувшись, куда прикажутъ, двѣ особы и укрѣпивъ лодку своею къ берегу, тихо вышли на землю и слѣдовали вблизи за нѣмъ. Дорога, коею онъ вели меня, запущенная многими извилинами; но при ясномъ свѣтѣ луны я не терялъ ихъ изъ виду, когда онъ быстро проходилъ между памятниковъ. Наконецъ онъ скрылся отъ взоровъ моихъ въ тѣни небольшой пирамиды, коей обнаженная вершина едва превышала чинары, близъ нея росшіе. Я поспѣшилъ, но шамъ вокругъ не было никакого признака жизни; и еслибъ я вѣровалъ въ другой міръ, я могъ бы подумать, что это были духи, посланные издѣваться надо мною — такъ мгновенно исчезли онъ. Я искалъ въ ближней роцѣ, но и шамъ все было безмолвно, какъ смерть. Наконецъ, разсматривая одинъ изъ боковъ пирамиды, къ коему, нѣсколько локтей выше отъ земли, придѣланы были ступени, я нашелъ, на полпути отъ основанія до вершины, мѣсто, казавшееся на видъ гладкимъ, но осязанію представлявшее признакъ пошатнутого входа.

Послѣ многихъ усилій и покушеній, наконецъ болѣе по случаю, нежели по догадкѣ, я подавилъ пружину, которая запирала сіе таинственное отверзтіе. Немедленно дверь распорилась и открыла узкую лѣстницу вглубь, коей первыя двѣ или три ступени можно было различить при лунномъ свѣтѣ, между тѣмъ какъ остальные терялись въ непроницаемой тѣмѣ. Труд-

но было подумать, чтобы жѣ, коихъ я преслѣдовалъ, рѣшились войти въ это мрачное опроверженіе; но иначе объяснить, какъ онѣ исчезли, было еще труднѣе. Какъ бы то ни случилось, любопытство мое, сильно напряженное, невозможно было удерживать; жажду приключеній, однажды возбужденную, не легко было успокоить. И такъ, послѣ веселой молитвы къ той царицѣ, любящей счастье смертныхъ, чье око одно было тогда надо мною, я вошелъ въ дверь и спустился въ пирамиду.

Съ Англійскаго В. М.

2. ГИМНЫ ОРФЕЯ.

Старинное собраніе 86 гимновъ, дошедшее до насъ, вѣстѣ съ нѣкошорыми другими стихотвореніями (1), подъ именемъ *Орфея*, представляешь драгоцѣнный остатокъ древней мистической теологіи и поэтическаго Природовѣдѣнія. Какъ старо или молодо каждое изъ сихъ тѣсноплѣннѣй? Одолжены ли они бытіемъ своимъ дѣйствительно тому Фракійскому *Орфею*, о которомъ древняя Мифологія рассказываетъ столько прекрасныхъ басней (2)? Или не позднѣйшему ли какому нибудь мистическому поэту? Даже полно можно ли считать ихъ произведеніями одного и того-же тѣсноплѣнца? Не есть ли это собраніе тѣсноплѣннѣхъ многихъ поэтовъ? Кто бы сіи послѣдніе могли быть? Кѣмъ собраны онѣ и какая была судьба ихъ? Что составляетъ ихъ собственное достоинство и отличительный характеръ? . . . Удовлетворительное разрѣшеніе сихъ вопросовъ требуетъ слишкомъ обширнаго изслѣдованія, коего результаты могутъ быть однако возведены къ слѣдующимъ весьма вѣроятнымъ положеніямъ:

- 1) Еще въ прекраснѣйшіе дни Греческой древности существовали тѣсноплѣнны *Орфеевы*, которыя конечно имѣли сходство съ нашими и пѣвались обыкновенно при *танствахъ* или мистеріяхъ. *Павзан. IX. 30. Плат. и другіе.*
- 2) Сіи тѣсноплѣнны естественно должны были составлять исключительное достояніе Посвященныхъ и слѣдовательно не прежде могли сдѣлаться гласными и всеобще извѣстными, какъ по уничтоженіи таинства.
- 3) Хотя во все продолженіе существованія *танства*, установленныхъ *Орфеями*, подлинныя тѣсноплѣнны *Орфеи* были передаваемы и сохранены: не смотря на то, весьма вѣроятно, что большая часть ихъ для

насъ погибла; что въ концѣ догмы уберечься, потерпѣли великія измѣненія; что позднѣйшіе Миспагоги подвергали ихъ многимъ преобразованіямъ или даже замѣняли новыми подражаніями; и что слѣдовательно въ томъ, что дошло до насъ, слышенъ только отголосокъ древней таинственной мѣры Оракійскаго пѣнопѣвца.

- 4) Если обратить вниманіе: со стороны мыслей — на логическое образованіе и иногда слишкомъ нагое выраженіе философическихъ понятій; со стороны поэзии — на аллегорическую отдѣлку, на отсылающую новизною пламенность, чувствительность и напряженную возвышенность, на сіе слишкомъ безформное обаяніе безконечнаго, принадлежащее временамъ позднѣйшимъ; со стороны изложенія — на очевидную молоджавость языка и нечистоту просодии: то не лѣзя не признаваться, что настоящее собраніе Орфеевыхъ таинственныхъ пѣнопѣвнѣй заклеено глубоко печатію тѣхъ временъ, въ кои духъ древней Эллады уже составлялся и Поэзія уступила мѣсто Наукѣ.
- 5) Сродство вѣющаго въ нихъ духа съ Неоплатоническою и Стоическою философіею даетъ поводъ подозревать, что сіи послѣднія имѣли на нихъ дѣйствительное вліяніе: хотя конечно не возможно утверждать, чтобы все то, что находится въ нихъ сходнаго съ позднѣйшими мудрованіями, не могло произойти ранѣе.
- 6) Не должно также забывать и того, что извѣстныя черты, кои кажутся намъ признаками новостіи; могутъ быть слѣдами глубокой древности и оригинальности; и что весьма трудно изрекать рѣшительный судъ о вещахъ, для которыхъ мы имѣемъ такъ мало пунктовыхъ сравненій. Намъ еще извѣстно мало: знаемъ мало изреченій, образъ мыслей и выражений, уважавшихся въ древнихъ мистеріяхъ.

Даже — послѣдую крайности часто соприкасаются — даже очень возможно, что, путешествуя въ древнемъ Еллинскомъ мірѣ, не мудрено набрести на явленія, кои въ позднѣйшихъ вѣкахъ послѣ долговременнаго забвенія, снова воспроизведены были и приняты заново. Такъ — обращаясь къ вещамъ самымъ мало важнымъ — древній поэтическій языкъ эпопей имѣетъ то общее сходство съ новѣйшимъ языкомъ придворнаго этикета, что и тошѣ и другой не рѣдко возводишь свойства предметовъ на степень существъ, или имена прилагательныя превращаешь въ существительныя, поставляя лице при нихъ въ родительномъ падежѣ; тамъ: *βίη* 'Нраклеусъ, сила Иракла — есть самъ Иракль; у насъ: *Королевское Величество*, *Княжеская Свѣтлость* — суть сами *Король* и *Князь*.

- 7) Сія пѣсни, сколь ни утомительными могутъ казаться по чрезмѣрному изобилію, съ коимъ расползаются въ нихъ эпипеты — драгоценны не только для Аншикварія, но и для всѣхъ любящихъ прекрасное и высокое въ природѣ и искусствахъ. Это суть цвѣты изъ міра, для насъ погибшаго: и мы можемъ судить по нимъ; сколь прекрасна была весна древности, коей одолжены они бытіемъ своимъ. Тогда Поэзія не была игрушкою бездѣльной фантазіи, но откровеніемъ высокихъ божественныхъ таинствъ! Гимны *Орфеевы* воспѣваютьъ всеоживляющую вѣчную жизнь, дыщую во всѣхъ явленіяхъ видимаго міра. Сія великая громада представляется въ нихъ населенною таинственными живоносными существами: это суть олицетворенныя *силы природы*! . . Имъ, какъ орудіямъ, чрезъ которыя благоизволишь преливаться вѣчная жизнь, воскуряется иміямъ и возслагается хвалебное пѣніе, дабы онѣ ниспосылали молящимся здравіе, пишіе, миръ, ду-

Ч. V. № XVII XVIII XIX и XX. 10

шевные радости, благочестивый смысл и тихое безмятежное опшество изъ міра. Для *Орфея* истинный Богъ былъ *Великій Невѣдомый*; посему онъ и стремился, съ поэтическимъ одушевленіемъ, обнимать Его своею любовію въ видимыхъ представлєніяхъ Его мудрости и благости — въ силахъ природы!

Предлагаемые здѣсь переводы стоили великихъ трудовъ. Надлежало бороться съ упорностію нашего языка, опущеннаго отъ составленія сложныхъ словъ, бывшаго прежде столько свойственнымъ языку Славянскому. Еще бѣльшая трудность предстоѣла — умѣстить сіи многосоставныя слова въ измѣренной рамкѣ экзаметра. Много пособило однако переводчику соображеніе съ Нѣмецкими переводами нѣкоторыхъ изъ сихъ гимновъ, помѣщенными въ давнишнемъ Нѣмецкомъ Журналѣ: *der Lichtbote*, издававшемся во *Франкфуртѣ на Майнѣ*, 1806. Изданія, кои имѣлъ онъ подъ руками, были слѣдующія: 1) Древній Сборникъ Греческихъ стихотвореній, безъ заглавнаго листа и общаго названія. *Venetius ex officina Fragaræ*, 1593. 2) *Orphica, Procli Hymni, Musaei carmen de Hero et Leandro, Callimachi Hymni et Epigrammata. Editio Stereotypa. Lipsiae. Ad ductum Hermanni.*

П р и м ѣ ч а н і я.

- (1) Сии другія стихотворенія суть: *Аргонавтика*, *Лидика* и нѣкоторые отрывки, уцѣлѣвшіе въ другихъ писателяхъ.
- (2) Кто не знаетъ о чудесной силѣ игры Орфесовой, о его нисхожденіи въ адъ за Евридикою, столь прекрасно воспѣномъ *Виргиліемъ*, о его путешествіи съ *Аргонавтами*, о его злополучной и трагической смерти?

ВОСКУРЕНИЕ ПРИРОДѢ.

А р о м а т ы .

О всехудожная мать, благая богиня, Природа,
 Живоначальный (1), верховный, вседѣйственный де-
 монъ, (2) царица,
 Вседержащая, неодолимая, кормица всерящая,
 Всесамодержица, первоверховная, чтимая всеми,
 Первенецъ вѣчности вѣчный, мать славная славныхъ
 издревле (3),
 Ноци соупница дивная (4), свѣшная, полная та-
 инствъ (5),
 Мирно текущая въ присномъ безмолвнѣ тихой спо-
 кою (6),
 Чиноначальница горнихъ свящая (7), конецъ безконеч-
 ный (8),
 Общая всемъ и единая общенія чуждая вѣчно (9),
 Самоощецъ, безъ отца, мощь (10) всюду точащая
 радость,
 Цвѣтъ присноюный, умъ горный, любви всеприспаса-
 щій уделъ,
 Вожь всѣхъ, глава всѣхъ, всемъ пищу и жизнь подаю-
 щая дѣла,
 Самозаконная правда (11), Харитъ всеименная пре-
 лестъ (12),
 Власть предержащая небо и землю и бездны морскія,
 Злымъ нестерпимая горечь, покорнымъ (13) премір-
 ная сладость,
 Всераздающая мудрость, всецарственный домовладыка,
 Тукъ и масть спящей жизни, всеразрушитель со-
 зрѣвшей,

Ты всѣхъ отецъ, всѣхъ и мати, всѣхъ нѣжный води-
 тель и пѣстунъ,
 Всеродотворная благость, всеплодный во время (14)
 духъ жизни,
 Зодчій всехипрый, всеобразующій, демонъ державный,
 Вѣчный вседвижитель (15), многосовѣтннй, всевѣду-
 щій разумъ,
 Вихрями бурными присноclubящая токъ быстротеч-
 ный (16),
 Всеувлекающая и всеобращающая преобразительной дланью (17),
 Дивно-престольная, вѣчныхъ судебъ непреложный свер-
 шитель,
 Мощная, грозная (18), первовладычица скипшродер-
 жавныхъ,
 Всенизлагающій, неумолимый рокъ, дышущій пла-
 мень (19),
 Неистощимая жизни пучина, негиблущій промыслъ;
 Все принадлежишь тебѣ: ибо ты одна все устроишь:
 И, въ благодашннй сей часъ, тебѣ, о богиня! молю я,
 Здравіе, миръ и преспѣванье ниспосылаешь всѣмъ обильно!

П р и м ѣ т а н і я.

- (1) 'Ευραμία. Такъ читаетъ Нѣмецкій переводчикъ Орфеевыхъ гимновъ, Мейеръ, производя сіе слово отъ *ἐυαίρω, ἐύρω, возбуждаю, воодушевляю*. Геснеръ читалъ здѣсь: *ἐρυαμία, дѣлательница*, основываясь на подобномъ эпитетѣ, приписываемомъ Аѳинѣ: *ἐρυανή*.
 (2) Слово: *демонъ*, не смотря на усвоенное ему въ нашемъ языкѣ недоброе знаменованіе, удержано здѣсь

по недостатку другого слова, которымъ бы можно было вполне выразить Греческое слово: *δαίμων*. Происходя отъ кореннаго слова: *δαω*, *знаю*, *отдаю* — слово сіе, составляющее любимый эпитетъ боговъ у Орфея, постоянно указываетъ на *отданіе*, какъ на неотъемлемую черту *личности*, коея покровомъ древняя Мифологія облекала всѣ обоготворенныя ею силы природы.

(3) *Παλαίφατε, κούριανερα*. Всѣ великіе и дивные мужи, украшавшіе древній міръ — эпоху полу-боговъ и героевъ, были неоспоримо любимые первенцы *природы*, кипѣвшей тогда неистоощенною еще полною юной жизни.

(4) *Геката* или обоготворенная *луна* соспавляла для древнихъ символъ *природы*, коея творческія дѣйствія совершаются во глубинѣ сокровеннаго безмолвія; въ нѣдрахъ таинственной ночи.

(5) *Природа* есть святилище горнихъ таинствъ. Ея явленія суть священные іероглифы, въ коихъ око мудраго разгадываетъ таинственные судьбы вѣноспы, облекшейся ризою времени.

(6) Продолженіе олицетворенія таинственной дѣятельности великой богини — *природы*, подъ многозначительнымъ образомъ крошкато и безмолвнаго теченія мирной царицы ночи!

(7) *Κούριανερα Θεών*. Боги, какъ олицетворенныя силы *природы*, образуются по ея непреложнымъ законамъ въ стройный и гармоническій *тикс* или порядокъ, коего прекраснѣйшее произведеніе есть дѣйствительный міръ (*κόσμος*).

(8) Она *оканчиваетъ*, непреципно все и *сама* никогда не кончается.

(9) Кто раздѣляетъ ея неизсѣдимые совѣты? Кто осмѣлится наименовать ея своею сестрою или супругою? Ни одинъ смертный не можетъ подѣлать ея

таинственного покрова. И между тѣмъ она прису-
ща всему и во всемъ является.

- (10) *'Αρετη*. Мощь, исполненная благости — *добродѣ-
тель*, не какъ нравственное совершенство, но какъ
сила.
- (11) Она одна есть законъ для всего и даже для са-
мой себя; ея непреложные уставы изрекаются ею
самою.
- (12) *Venustatum Suada* — у Скалигера. Безчисленно-
разновидными крошечными ласками она манишь все къ
своимъ цѣлямъ.
- (13) Повинующимся ея мудрымъ устамъ.
- (14) Природа есть мудрая и прозорливая мать,
знающая всему свое время: ея плоды всегда зрѣлы
и спѣлы.
- (15) Начало всемірнаго движенія, *primum mobile*.
- (16) Безбрежный океанъ вещей и явленій, непрестан-
но волнуемый и клубимый вихремъ всеизмѣняющей
преимственности! — Какое высокое изображеніе
царства *природы*!
- (17) Дивное волненіе великаго океана существъ при-
роды древній отецъ поэтовъ умѣлъ изобразить див-
но-составленнымъ словомъ: *αλλοτριомορφόβιαιτος*.
На нашемъ языкѣ слово сіе равносильнаго имѣть не
можешь, и посему замѣнено перифразомъ.
- (18) *Βαρυβρεμέτης*. *Грозно-ревущая*, въ своихъ ужа-
сающихъ явленіяхъ — орудіяхъ горней кары.
- (19) Животворящая *теплота*, живоносный *осень* — на-
чало вещественной жизни.

ВОСКУРЕНІЕ ПРОФІРЕѢ.

С т и р а к с ѣ (1).

Призри, богиня всещияя, всепрепрославленный
демонъ,

Дѣшорожденія скорби кропящая, брачныхъ ложь сла-
досць,

Слабыхъ помощница женъ, чадолюбная, полная ласки,
Родошворящая, смершнымъ ошрада въ скорбяхъ, Про-
еирея (2)!

Ключсдержавная, благопоспѣшная, нѣжная мать всѣхъ,
Мирныхъ семействъ покровительница, собесѣдница
пиршествъ,

Поясъ рѣшающая дѣвъ, сокровенная, зримая всюду (3),
Дѣшороящихъ дѣлая скорби и радость родившихъ!

О Илиеія (4), лютыхъ спраданій кропящая горечь!
Ты составляешь одна чревоносящихъ ошраду:

Ибо въ шебѣ онѣ горькихъ забвеніе мукъ обрѣщаютъ!..

Архемида Илиеія (5), доблѣственная Проеирея!

Призри, благая, на насъ! ниспосли благодашно намъ
племѣ

И сохрани, какъ всегда сохраняешь и всюду!

П р и м ѣ ч а н і я.

(1) Орфеевы гимны вообще называются *воскуреніями* (*Θυσιαστά*); поелику пѣніе ихъ обыкновенно сопровождалось благовоннымъ куреніемъ въ честь воспѣваемыхъ ими боговъ. Надъ каждымъ изъ нихъ находишься также и имя вещества, коимъ куришь надлежало. Здѣсь это вещество есть *стиракс* (*styrax*).

(2) *Проеирея*, на древнемъ миеническомъ языкѣ, есть символъ всеродной силы природы, коея наиболѣе собственнѣйшее проявленіе есть рожденіе челоуѣка. Это Римская *Люцина* (*Lucina*).

- (3) *Сокровенная* — въ самой себѣ; *зримая всюду* — въ дѣйствіяхъ.
- (4) Греческое имя *Илиѳа* (*Εἰλειθυία*) происходитъ отъ глагола: *ἐλευθω*, *иду*, *прихожу*, и означаетъ дѣйственное соприсутствіе всеродной силы природы при *вхожденіи* въ жизнь челоѣка.
- (5) Многіе изъ древнихъ признавали *Илиѳю* особенною богинею и почитали ее дочерью Иры. *Пиндар*. Нем. 3. *Омир*. *Ил*. п. 187. Но обыкновеннѣе смѣшиваютъ ее съ *Артемидою*, или олицетвореннымъ образомъ луны, коея таинственное вліяніе на образъ и рожденіе челоѣкоѣ составляло предметъ вѣрованія для древнихъ. *Οἶμαί τήν Ἀρτεμιν Δοχεύαν, καὶ Ἐιλειθυίαν, οὐκ οὐδ' αὖ ἐτέραν ἢ τήν Σελήνην, ὠνομασθαι*. *Плут.* Симп. III. 10. См. *Платон*. *Фесетт.* *Каллимах.* Гимн. *Діан.* У Римлянъ *Люцина* смѣшивалась иногда съ *Юноною*. *Діон. Галикар.* о Древн. Римск. IV. 12. *Цицер.* о Естесств. бог. III. 27.

ВОСКУРЕНІЕ НОЩИ.

Головки (1).

Нощь, боговъ и челоѣкоѣвъ родительницу, воспѣваю :

Нощь всѣхъ начало : ее мы именуемъ Кипридой (2) !
 Призри, благая богиня, сапфирная, звѣзднозлая,
 Дремлющихъ сладко пустынь и безмолвныхъ лѣнъ по-
 друга,
 Мудрая (3), крошкая, всенощно - бдящая, мать сно-
 виднѣй,
 Врачъ благодатный душевныхъ скорбей, утомленныхъ
 ошрада,

Всѣмъ вожделѣнный сонъ льющая, сумракъ златый,
 Быстротечный,
 Поишь полнощы (4), по земли, по небесъ достойніе
 горныхъ,
 Круговращаясь, игриво текущая въ нѣдрахъ воздуш-
 ныхъ;
 То преисподнимъ свѣтъ льющая, то нисходящая снова
 Въ пропасти ада, по вѣчнымъ судьбы непреложной
 закрываешь!
 Днесь, о блаженная, всевожделѣнная, Ночь всеблагая,
 Всеблагодашная, напихъ молящивенныхъ пѣсней вонми
 гласъ,
 Благопоспѣшно снидь и прожени отъ насъ ужасы мрака!

П р и м ѣ ч а н і я.

(1) Разумѣется — изъ благовоннаго дерева: кедровые бруски и т. д.

(2) *Ночь* (*Nyct*) на миѣическомъ языкѣ имѣетъ многіе смыслы. Иногда она означаетъ обыкновенную ночь, противоположность дня; а иногда — исконную перво-ночь, пшму надъ бездною водою, хаотическую матерію; а посему — мать всѣхъ вещей и даже самыхъ боговъ или силъ природы. *Киприда* или *Венера* есть только другое имя одного и того-же понятія: спираждущее начало и основное перво-вещество всѣхъ существъ. Египетское имя ея есть *Аворъ*. Даже и обыкновенная ночь является родо-творною Кипридою: поеліку въ ея священномъ без-молвіи зачинаются и предуготовляются величайшія таинства природы.

(3) По разумнію Геснера, Греческій эпитетъ *εὐφροσύνη*, приписываемый здѣсь ночи, не столько

означаетъ радость, сколько мудрость, или почтѣе, благомудріе — въ силу кореннаго своего словопроизводства. Посему слово сіе естъ не что иное здѣсь, какъ синонимъ слову: *εὐφρονη*, коимъ Греки называли ночь, какъ время, наиболѣе располагающее къ мудрости и глубокомыслію.

(4) Т. е. половина суши, составляющихъ полное цѣлое.

ВОСКУРЕНІЕ УРАНУ.

Л и в а н ъ.

Всеродотворный Уранъ (1), невестшающее звено
міра,
Первороденное искони всѣхъ начало, конецъ всѣхъ,
Космосъ отецъ (2), шаровидно ошвсюду объемяющій
землю,
Свѣшлый блаженныхъ боговъ чертогъ, вихреобразно
кружимый,
Земно-небесный, надъ всѣми поставленный бодрый
блюститель,
Въ лонѣ носящій святыя уставы воевластнаго рока (3),
Неодержимый, всесущный, лазурный, лѣпообразный,
Кроновъ всезрящій сынъ (4), демонъ блаженный,
всепревознесенный!
Призри и жизнь новосвяштому благочестную даруй!

П р и м ѣ ч а н і я.

(1) Уранъ естъ символъ шворящаго начала природы, изъ сочешанія коего съ Реею, какъ шворимымъ на-

чаломъ, образовался весь сонмъ существъ. Это олицетворенный образъ *неба*, какъ блаженной опчизны животворящихъ невидимыхъ силъ, таинственно и вседѣйственно оплодотворяющихъ мать-землю.

(2) На мидическомъ языкѣ *Уранъ* есть мужское, дѣйствующее, осяменяющее — *Рей* женское, спраждающее, осяменяемое начало вселенныя.

(3) Даже самое видимое *небо* составляло для древнихъ таинственный свшпокъ, въ коемъ непреложные ушавы судьбы изображены неизглаждаемыми яркими буквами.

(4) *Уранъ* и *Рей* суть дѣти *Хроноса*, или овременившейся вѣчности.

ВОСКУРЕНИЕ ПРОТОГОНУ.

С м и р н а .

О Протогонъ (1)! двоесущный (2), великій, эфиробѣжный,

Ящеродный (3), крилами златыми носимый! тебя призываю!

Вологдасный (4), и смертныхъ и бессмертныхъ начало,

Свѣтъ препрославленный, всепоклоняемый Ирикапсонъ (5),

Неизреченный, таинственный, звукородитель, цвѣтъ яркій (6),

Мрачную мглу разгоняющій присно - златыми очами, Всюду парящій на быстрыхъ крилахъ по обителамъ міра,

Дѣйствительный свѣтъ дѣл! И по сему я тебя величаю Фанисомъ (7),

Круглоокиимъ Аншавгисомъ (8), царедержавнымъ Приа-
помъ (9)!

Сниди-жь днесь, мудрый, благій, жившворный, къ намъ
радостнопворно

На совершение таинствъ всепразднественныхъ, див-
ныхъ, священныхъ!

П р и м ѣ т а н і я

(1) Сей гимнъ, по сознанию мудрѣйшихъ испытателей древности, принадлежитъ къ наистемяннѣйшымъ; и между тѣмъ предметъ его неоспоримо соснавляетъ *свѣтъ*, *первородный* (*протоуѣносъ*) сынъ хаотической перво-нощи! Тогда *макъ* сѣя исконная перво-машеръ существъ именуется Венерою, *свѣтъ* есть онъй жившворящій Аморъ или Еросъ (*Ἔρως*), окриленный духъ всесдружающей любви, порже-сшвенно носящійся надъ неуспроенной бездиомо бо-рющихся элеменшовъ. Въ Египетской Миѣологiи *Фѣасу* предоспавлена сѣя таиншвенная дѣшельность.

(2) *Перво-свѣтъ*, какъ и вся природа въ своихъ явленіяхъ, *двоесущенъ*, или точнѣе, *двуполъ* (*διφυής*): поколику двойшвенность есть существенный законъ бышiя феноменального: *Quicquid existit est synthesis oppositorum*.

(3) Произникшій изъ великаго первобышнаго *лицца*, означавшаго на іероглифическомъ языкѣ Египтянъ первобышнюю хаотическую машерию.

(4) *Тауровоанъ*. Терманъ читаетъ вмѣсто сего слова, находящагося въ самомъ древнѣйшемъ изданiи Орфея (Venet. 1593): *ταυροκωνъ*, безъ всякой основательной причины онъ прочъ несправедливымъ предлогомъ: *viam monstrante codice Voss*. Тамъ напро-

тивъ стойтъ: *παρροα*, изуродованное слово, указывающее скорее на пропускъ слога *ρο*, чѣмъ на чтеніе Германово. Понятіе звучности ни мало не несовмѣстимо съ понятіемъ *свѣта*: древняя мистическая физика имѣла уже предположеніе о *шождествѣ* начала свѣта и звука.

- (5) Весь стихъ сей въ древнемъ изданіи читается совершенно иначе:

Ὅς τε πολύμνηστον πολύουριον εὐρίκε παῖν.

Но сіе чтеніе, нарушающее самый стихотворный мѣръ, естественно должно уступить чтенію, возстановленному *Мейеромъ* (*Blät. f. höh. Wahr.* T. 1. p. 318):

Ὅως τε πολύμνηστον, πολύουριον, Ἑρικεπαῖον.

Дѣло только соспѣшить въ открытіи настоящаго значенія послѣдняго весьма страннаго слова: *Ἑρικεπαῖον*, или *Ἑρικᾶπαῖον*. *Геснеръ* переводитъ оное: *den gefeyerten Frühlingsgärtner*; но гораздо можетъ быть справедливѣе производить оное съ *de Rossi* (*Etymol. Aegypt.* p. 53) отъ Коптскаго *Erkepai* — *жизнодавецъ, животворитель*. Сн. *Creuzers Symbolik*, Th. III, S. 308. Что-жъ касается до перваго слова, коимъ начинается стихъ; то перемѣна *Ὅς* те на *Ὅως* те опирается на достаточныхъ вѣщныхъ и анупреннихъ криптическихъ основаніяхъ. Напротивъ, Германово чтеніе: *σπέρμα πολύμνηστον*, слишкомъ напущено и дипломатически невѣроятно.

- (6) Отношеніе *свѣта* къ міру растѣній и цвѣтамъ очень понятно.

(7) *Φανης* — являющійся и начало всякаго явленія.

(8) *Ανταυης* — яркій, блестящій.

(9) *Πριαπος* — богъ садовъ, сынъ Вакха и Венеры — начало оплодотворенія.

Г И М Н Ъ Г Е К А Т Ъ (1).

Славлю Гекату (2) драгую, пушей и распушій ца-
рицу (3),

Горнюю, дольную, моредержавную, лѣпозластую,
Мирныхъ подругу гробовъ, сликовательницу душъ
усоншихъ (4)

Ръяную, любопустынную, спрасную къ быстрымъ
еленямъ,

Мракодружную ловчую (5), власную неодолимо,

Волоносимую, ключехранишельницу всего міра,

Дѣволюбивую дѣву, царственную горъ подругу!

О! соприсутствуй молящихся священнодѣйствию,
дѣва!

Пастыря духъ исполняя чистымъ веселіемъ присто!

П р и м ѣ т а н і я .

(1) Въ древнемъ изданіи Орфеевыхъ стихотвореній гимнъ сей соединился неразрывно съ *молитвою*, посвященною Орфеемъ Мусею и составляющею какъ-бы вступленіе въ его гимны. Посему онъ и не имѣетъ заглавія подобнаго прочимъ. Въ Германовомъ изданіи онъ составляетъ первый Гимнъ, подъ заглавіемъ: *"Ἕκτος ἐκ τῶν ὕμνων*.

(2) *Геката* есть олицетворенная луна, сестра и со-
пушница живошворнаго *Иліуса*. Имя ея происхо-
дитъ отъ: *ἐκτός*, *далеко*, и означаетъ дальность
спръль ея.

(3) Пуши и распушія состояли подъ благодатнымъ
покровительствомъ *Гекаты* и украшались ея жер-
твенниками; вѣроятно потому, что въ знойныхъ
странахъ Востока путешествія совершаются обы-

ковенно подъ прохладнымъ покровомъ ночи, при дружесшвенномъ сопущствіи луны.

(4) Между мирнымъ свѣтомъ луны, борющимся крош-ко съ ночными мраками и временнымъ усыпленіемъ безсмертныхъ душъ въ мрачныхъ нѣдрахъ безмолвныхъ могилъ — находится нѣкое таинственное соотно-шеніе, легко постигаемое чувствомъ и воображе-ніемъ. Отсюда — на поэтическомъ языкѣ всѣхъ временъ и народовъ — луна есть подруга гробовъ, царица тѣней, мать призраковъ.

(5) Лунныя ночи наиболѣе благоприятны охотѣ. От-сюда — охотничій костюмъ, коимъ древняя Ми-еологія облакаетъ Гекапу.

ВОСКУРЕНІЕ РЕЪ.

А р о м а т ы .

Рея (1) державная, многообразнаго дщеръ Претогона (2), Священноральнымъ ярмомъ воловъ единая выи (3), Тимпаношумная, кимвалозвучная, бурная (4) дѣва, Мать Олимпійскаго эгидоносца, владыки Зевеса (5), Лѣпообразная, чшмалъ всѣми, супруга блаженная

Крона (6),

Дикихъ ушесовъ и шумныхъ, неистовыхъ воплей по-друга,

Браннозвучающая, яростнобурная (7), міроцарица, Лестію спасающая все (8), всеразрѣшительница и все-начало;

Ты и безсмертныхъ и смертныхъ едина блаженная махерь:

Ибо тобой рождены и земный доль и горній сводъ неба И море; ты вихрями дышешь, царица воздушная бѣга (9)! О! преклони-жь къ намъ, благая богиня, свой взоръ бла-годатный,

Миръ намъ посланъ излей на насъ непреходящія блага,
Грѣхъ же и смерть прожени далеко за предѣлы вѣс-
ленной!

П р и м ѣ т а н і я.

- (1) Рея есть символъ природы вообще, и въ особен-
ности — земли. Сіе послѣднее значеніе имѣетъ она
въ символикѣ древнихъ преимущественно тогда, ког-
да смѣшивается съ Цибелою.
- (2) Протогонъ есть символъ первосвѣта: природа
есть дочь его.
- (3) Сей стихъ въ нашемъ экземплярѣ читается слѣ-
дующимъ образомъ:

Ητ' ἐπὶ ταυροφόρον ἱεροτρόχον αἶμα τιταίνεις;

Но сіе чтеніе не представляетъ совершенно никако-
го смысла; поелику слово: *αἶμα*, означающее: кровь,
ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ не
можешь имѣть никакой связи съ представляемыми
здѣсь понятіями и образами. Мейеръ читалъ вмѣсто
αἶμα — *ἄρμα*, узелъ, союзъ, пещля, и попому пе-
ревелъ стихъ сей такъ:

Die du das heilige Farrengespann mit dem Joche
beherrschest;

я старался удержатъ въ своемъ переводѣ тотъ-же
самый смыслъ. Но между тѣмъ самъ Мейеръ со-
знаётся, что другіе читають здѣсь вмѣсто *αἶμα*
не *ἄρμα*, а *ἄρμα*, колесница, возница; что однако
кажешь несомвѣстнымъ со всеобщепринятымъ въ
древности изображеніемъ Реи, коея колесница влечет-
ся не волами, а львами. Германъ хотѣлъ разумѣть
подъ словомъ: *ἄρμα* — плугъ или рало; но сіе
изъясненіе, впрѣчемъ довольно натянутое, совпа-
даетъ съ принятымъ у Мейера смысломъ: и поему
чтеніе Мейерова, какъ болѣе обыкновенное и спо-

событіе къ легкому и естественному изъясненію, кажется, заслуживаетъ предпочтеніе.

- (4) Празднества въ честь Рея совершались всегда при звукѣ тимпановъ и кимваловъ съ буйными и неистовыми воплями.
- (5) Сего стиха недоспаетъ въ нашемъ экземплярѣ.
- (6) Рея — супруга Крона, по древней Мифологіи: это символъ сочешанія природы съ временемъ, производшаго рожденіе всѣхъ вещей.
- (7) Оргіи Рея совершались преимущественно на дикихъ и пустыхъ утесахъ. Природа, кося она символъ, является вездѣ благотвительною и достолюбезною; но на горахъ и въ пустыняхъ она облекается ужасами премірнаго величія и внушаетъ благоговѣйный страхъ и трепетное изумленіе. Туда-то стекались шумныя толпы празднующихъ: и дикіе, буйные вопли, сопровождаемые звукомъ музыкальных и бранныхъ орудій, оглашали пустынные холмы въ честь грозной всематери — природы.
- (8) Извѣстное баснословное преданіе о спасительномъ обманѣ, посредствомъ коего Рея спасла дѣтей своихъ отъ ярости всепожирающаго Крона.
- (9) *Філодроге*, любительница бѣга, бѣголюбивая: я перевелъ сіе слово выраженіемъ: *царица бѣга*, которое уже введено въ нашъ языкъ и означаетъ точно сіе же самое понятіе. Здѣсь очевидно изображающія атмосферическія явленія природы:

ГИМНЪ КУРЕТАМЪ.

Горніе лики Курешовъ (1), скачущіе въ спирахъ бранныхъ,
Вьющіеся, стопозвучные, шумные гости утесовъ,
Лиробряцающіе, легконожные, чуждые лада (2),

Ч. V. No XVII, XVIII, XIX и XX. 11

Ликовожди свѣтлогласные, оруженосные стражи,
 Спущники машери горолюбивой (3), жрецы буйныхъ
 Оргій:

Благоприятно къ намъ снидьше на гласъ нашихъ ра-
 достныхъ пѣсней
 И благодатнымъ на пастырей окомъ всегда призи-
 райше!

П р и м ѣ т а н і я.

- (1) Кажется, что Куреты древней Мифологіи суть не что иное, какъ олицетворенные вѣтры. Символъ легко изъясняющся всѣ символическіе эпипетсы, здѣсь имъ приписываемые.
- (2) *Парарудмог*, несоблюдающіе рима, мѣры, лада къ своихъ вопляхъ и движеніяхъ.
- (3) Это Рея, обыкновенно сопровождаемая Куретами въ древнихъ Мифахъ. Она именуется *ὄρεγομανίς*, любящая горы до безумія, горонеиспоявая, горобѣснующаяся.

ВОСКУРЕНІЕ ЗВѢЗДАМЪ.

А р о м а т ы.

Звѣздъ (1) небесныхъ свяшый свѣтъ днесъ призывать
 Благовѣйныя пѣсни горнимъ духамъ возсылая!
 Звѣзды небесныя, мрачныя нощи любезныя чада,
 Кругообразно віющія окрестъ горняго шрона,
 Свѣтлодлащныя, огнистыя, всеродотворныя присно,
 Рокочревшыя (2), вседержащаго вѣспницы рока,

Правящія по велѣніямъ вышнимъ спези земнородныхъ,
Седмосвѣтлыя (3) очи, спрегущія міръ изъ странъ
горнихъ,

Земнонебесныя, неушомимыя въ пламенномъ бѣгѣ,
Нощи сквозь мрачный покровъ прозирающія непре-
станно,

Блескъ искромешный ліющія (4), зоркія спутницы
мрака :

Снидыте къ намъ, въ священнодѣйственный часъ изъ
зидающихъ таинствъ,

И начинаемый путь благихъ дѣлъ благодатно свер-
шите!

Примѣчанія.

- (1) Здѣсь призываются Звѣзды, какъ обладательницы низшей натуры, какъ представительницы рока и устроительницы временъ, ради благотѣльнаго ихъ вліянія на міръ, преимущественно оказывающагося въ часы совершенія таинствъ.
- (2) *Μοιρῶδες*, роконосныя, роковыя. Мейеръ перевелъ: *schicksalschwangere* : и я осмыслился, по примѣру его, составивъ подобное Русское слово, которое точь въ точь выражаетъ смыслъ Нѣмецкаго и силу Греческаго слова.
- (3) Это конечно относится собственно къ такъ называемымъ семи планетамъ.
- (4) *Μαρμαρυαῖς στίλβοντες*, собственно: испускающія блески подобно мрамору. У Мейера просто : *Flimmernd mit regem Geschimmer*.

ВОСКУРЕНІЕ ОБЛАКАМЪ.

С и к р и а.

Соннѣ облаковъ (1) плодотворныхъ, воздушныхъ,
 блудящихъ по небу,
 Дожденосящихъ, гонимыхъ по тверди дыханіемъ въш-
 ровъ,
 Громотревающихъ, пламенотепныхъ, ревущихъ, всевлаж-
 ныхъ,
 Въ лентѣ воздушномъ клубящихся грозно съ грохотомъ
 ярымъ,
 Вихрями рѣемыхъ всюду, рокочущихъ въ бурныхъ ра-
 скапахъ:
 Васъ я молю, росоносныя! крошкимъ дыханьемъ зе-
 фировъ
 Плодообильныя ниспосылайте дожди на мать — землю.

П р и м ѣ т а н і е.

(1) Орфеевъ Пантеизмъ, уже искаженный, опознани-
 рованный (облеченный въ пинглическія формы) оста-
 нокъ древняго шаманскаго ученія, обоготво-
 ряешь не только всѣ силы природы, но и всѣ ея
 явленія. Посему и самыя облака суть для него пре-
 вышеземныя силы, коимъ подобаешь воскуреніе. По-
 добныя олицетворенія имѣють цѣну только какъ
 игривыя мечты фантазии и какъ опыты того не-
 подражаемаго искусства, съ каковымъ Греки умѣли
 сообщать прекрасную оболочку искажающимся ос-
 танкамъ древней мудрости.

3. ЗОЛОТЫЕ СТИХИ ПИΘΑΓΟΡΑ.

Впервые — горнимъ безсмертнымъ богамъ , по закон-
 ному чину ,
 Чеснь воздавай ! Свяши клятву ! Вкупѣ и дивныхъ
 просевъ
 И премсподнихъ чти демоновъ жертвой свяшою за-
 конной ;
 Честивуй родившихъ тебя и ближайшихъ твоихъ одно-
 кровныхъ :
 Дружбы жъ ко прочимъ иѣриломъ да будетъ тебѣ
 добродѣтель !
 Рѣчь да красуется скромностью , дѣйствія — общео
 пользой !
 Бойся расшоргнувъ цѣпь дружбы за малый , ничтож-
 ный проступокъ ,
 Сколько возможно ; гдѣ жъ нужда , намъ есть и воз-
 можность !
 Вѣдай сіе и храни ! — Приучайся бышь также вла-
 дыкой —
 Чрева вопервыхъ , и сна , и плотскихъ вожделѣній не-
 чисныхъ ,
 Вкупѣ и гнѣва ! Постыдныхъ дѣлъ берегись и предъ
 другими
 И предъ самимъ собой ! Себя , паче прочихъ , снѣдися !
 Правды и словомъ и дѣломъ подвижникомъ будь не-
 ослабнымъ !
 И возбраняй себѣ безъ разсужденія браться за дѣло !
 Вѣдай , что всѣмъ суждено намъ бышь жертвами
 смерти :

Наши жь богатства — нынѣ копятся, а завтра по-
гибнуть!

Многія бѣдствія смертнымъ ниспосылаются свыше:
Сколько бѣ тебѣ не досталось, сноси терпѣливо и
крошко!

Можешь конечно по силамъ и врачевать ихъ. — Такъ
мысли:

„Не расточительна слишкомъ для добрыхъ судь-
ба на напасти.“

Много и добрыхъ рѣчей и худыхъ доводится слышать
Намъ отъ людей: не смущайся ты ими и не попу-
скай имъ

Разубѣждать тебя! Самую ложь, если слышать
придется,

Кротко сноси! наипаче же то сохраняй, что скажу я:

„Да не возможешь никшо преклонить тебя сло-
вомъ иль дѣломъ“

Ни къ словамъ, ни къ дѣламъ, швоему благу про-
шивнымъ!“

Прежде начатія дѣла, размысли: не глупо ли дѣло!

Признакъ безумія — слово иль дѣло вести не раз-
мысливъ.

То начинай и свершай, въ чемъ каяшься послѣ не
нужно!

Что не извѣстно, за то не берися; но выучись
прежде

Нужнымъ вещамъ! и тогда построится жизнь швоя
сладко! —

Не небрежи и о здравіи слабаго смертнаго шѣла!

Мѣру и въ пищу блюди и въ питье и въ шѣлесныхъ
рабошахъ:

Мѣрю жъ то называю я, что изнуришь насъ не
можешь.

Къ чистому, строгому образу жизни привыкнуть
спарайся!

Остерегайся поступковъ, родящихъ ревнивую за-
висть!

Не безразсчешень въ издержкахъ будь, какъ безраз-
судные люди;

И не скупись же однако! Вънецъ совершенства есмь
мѣра!

Предпринимай лишь безвредное, строго размыслив-
ши прежде!

Не попускай утомленнымъ очамъ предаваться до-
кою,

Прежде чѣмъ шрижды весь день проведенный шобой
не осмотришь:

„Гдѣ я былъ? что я сдѣлалъ? и что несвершен-
нымъ оставилъ!“

Такъ начиная обзоръ свой отъ ранняго утра, окончи
Скорбью о злѣ, совершенномъ шобою, весельемъ —
о благѣ!

Эшо да будешь шрудовъ и заботъ и любви тво-
ей цѣлью!

И шогда на сшезъ добродѣтели ты утвердишься! —
Тотъ мой свидѣтель неложный, кто вѣдрилъ въ
нашъ духъ чепверицу —

Вѣчной природы источникъ! — Ты жъ исходи самъ
на дѣло,

Съ чистой мольбою къ богамъ, да успѣешь! Когда жъ
окрѣпишься,

Уразумѣешь шогда и боговъ безсмертныхъ и смерт-
ныхъ

Свойства: какъ все здѣсь преходишь и чьею все держишься силой!

Проразумѣешь святое единство природы повсюду,
Такъ что не будешь въ ней тайнъ для себя и пыш-
ливости исчезнешь!

Уразумѣешь, что мы себя сами бѣды накликаемъ!

Бѣдныя швари! ко благамъ, разсыпаннымъ щедро во-
кругъ насъ,

Слыны и глухи! . . а прошивъ золь рѣдко споришь
умѣемъ! . .

Горькая доля шагчить земнородимыхъ! . . Какъ вих-
ри кружатся,

Рѣясь туда и сюда, въ суецахъ, неусыпно грызу-
щихъ!

Имъ безошлочно сопуществуешь злобная тайная сила
Соприрожденная! . . Не раздражаешь ее, но убѣгаешь
отъ ней! . .

О всеблагій Зевесъ! иль изсуши для насъ бѣдствій
пучину,

Иль покажи намъ, къ какому хранищелю - духу при-
бѣгнущъ! —

Ты же, о смертный! дерзай! . . нашъ корень въ
божественномъ лонѣ:

Въ вѣно, священныя тайны даны намъ: все вѣдать
мы можемъ!

Если причастенъ ты ихъ, то моихъ не отринешь
совѣтовъ,

Здравіе стяжешь, усталому сердцу дашь сладост-
ный отдыхъ.

Снова напомню: сдержись запрещенныхъ яствъ! съ
чистой душою

И разръшенной ошъ узъ, обсужай и осматривай
вещи!

Вождь швой верховный да будешъ всегда очищенный
разумъ! . .

И — когда свергнувъ шъло, въ чистый аемръ вос-
паришь шы —

Будешъ не смершный, но богъ присно - живой и
бессмершный!

*

Жизнь свою строго блюди, да не пожруть ее страсти!

Н. Н.

Вопросы и ответы, 1917 г.

Вопросы и ответы, 1917 г.

Вопросы и ответы, 1917 г.

Вопросы и ответы, 1917 г.

Вопросы и ответы, 1917 г.

Вопросы и ответы, 1917 г.

IV. С М Ъ С Ъ.

1. Торжественное Посольство Англійской Королевы Анны къ Царю Петру, въ удовлетвореніе за оскорбленія, нанесенныя въ Лондонѣ Россійскому Посольству (*).

Объявленіе аудіенціи, какову имѣлъ у Его Царскаго Величества, нынѣшняго 1710 года, февраля въ 5 день, Ея Королевина Величества Великобританской, Чрезвычайной Посоль, Комисарь и Полномочной господинъ Карлъ Вишеоршъ.

1. Посыланъ по него Посла, съ Его Великаго Государя карешою, Кравчій Василей Ѳедоровичъ Салшыковъ. А съ нимъ вмѣсто Мастера церемоній, Стольникъ Аѳанасей Михайловъ сынъ Дмишреевъ. Да послано-жъ было съ ними къ Послу 20 карешъ, знавшихъ особъ сего Государства, для Секретаря посольства, и дворянъ посольскихъ, ради того, что онъ господинъ Посоль не имѣлъ публичнаго въ Москву въѣзду.

(*) Россійскій Посоль Графъ Матѣевъ въ Лондонѣ былъ посаженъ въ тюрьму по недоразумѣнію и дерзости заимодавца своего. Царь Пётръ требовалъ удовлетворенія, и Англійскій уполномоченный Посоль доставилъ ему торжественно извинительное письмо отъ Королевы Анны, на что Царь изъяснилъ свое удовольствіе. — Подлинникъ сей нынѣ весьма рѣдкой книги, изъ которой есть выписка въ Дѣяніяхъ Петра Великаго, собранныхъ Голиковымъ, хранится въ библіотекѣ Коммисіонера Московск. Универ. А. С. Ширяева. Помѣщаемъ ее вполнѣ.

2. Во время шоя аудіенціи стояло въ замкѣ 2 полка гвардіи, кошорые поднявъ ружье на караулъ, и играя на инструментахъ, и поднявъ знамена, ему Послу надлежащую честь ошдали.

3. Какъ Посоль приѣхалъ къ крыльцу Его Царскаго Величества палашъ, и у самой лѣстницы вышелъ изъ кареты, гдѣ его встрѣшилъ Комнатной господинъ Нарышкинъ.

4. На верху лѣстницы встрѣтилъ въ другой рядъ Околничей Князь Щербатовъ.

5. Въ сѣняхъ передъ палашою аудіенціи встрѣтилъ его Тайной Совѣтникъ, господинъ Мусинъ-Пушкинъ.

Его Царское Величество въ то время изволилъ стояшь непокровенною главою подъ балдахиномъ ушла, гдѣ поссторонъ стояли Его Царскаго Величества креслы. Такожъ и онъ Посоль при вступленіи въ палашу аудіенціи былъ предъ Его Царскимъ Величествомъ непокровенною-жъ главою.

И какъ онъ, Его Царскому Величеству, при обыкновенные поклона ошдалъ, и потомъ вступя на рундукъ говорилъ онъ Посоль Его Царскому Величеству рѣчь послѣдующую, на Англинскомъ языкѣ, кошорая дабы ошъ всѣхъ иноснранныхъ и при шомъ сущихъ иныхъ Пошеншаповъ, Министровъ, выразиумлена была, ошъ его Секретаря Посольства на Нѣмецкомъ, а пошомъ ради Россійскаго народа, ошъ Секретаря Посольскихъ дѣлъ, по русски чшена.

Всепресвятыишій , Вседержавишій Цесарь !

Не безъ особливаго сожалѣнія есть то, что я нынѣ Вашему Цесарскому Величеству о безчестіи, приключившемся господину Послу Вашему въ Великобританіи, напоминаши принужденъ, и еще бы мнѣ гораздо чувствственнѣе было, ежелибы не имѣлъ имянной указъ и полную мочь предъявити, коль прилѣжно Ея Королевино Величество Великобританская, моя милоспивишшая Государыня, прудилася, довольное за то награжденіе, и таковое учинити, каковое бы съ присушествующею оной справедливостию и великодушіемъ согласно было, такожь и о непремѣнномъ приятии, которое она всегда къ Вашему Цесарскому Величеству имѣла, и непремѣнно и непрестанно содержаши намѣрена, явное свидѣтельство подадо, и сколь скоро первая вѣдомость о семъ злодѣйшвенномъ безчестіи къ Двору дошла, то принужденны пресшунники Королевины жестокой гнѣвъ чувствоваша. Ибо оныхъ въ то-жь око-мгновеніе взяли, и предъ Ея Королевино Величествомъ въ судъ разспрашивали, и въ заключеніе ввергли, и по выщей жестокости нашихъ земскихъ уложеній оныя гонимы были, и какъ оныя права не могли досташочны быти, то за безчестныхъ объявлены общимъ согласіемъ всего народа, въ Парламентъ собранномъ, которой съшту чрезъ приговоръ свой прошивность свою о учиненномъ далъ знаши, и къ предбудуще-

жу помѣщанію таковыхъ самовольствѣ по-
 требное предъусмотрѣніе учинилъ. Такожъ
 оныя напесавди, яко люди, всякія мило-
 сти и защищенія недостойныя отъ гене-
 ральнаго прощенія, кощорые Ея Королевино
 Величество вѣсьмъ своимъ подданнымъ, и
 вѣсьма шѣмъ, кощорые наижесшочайше про-
 шивъ. Ея освященной Особы погрѣшили,
 милосштивѣйше соизволила дашь, выключе-
 ны и принушденны инымъ въ спрахъ, Ея
 Королева Величества, въ вышнемъ гнѣ-
 вѣ до сего числа пребывати. И дабы сія
 Королевская справедливосшь и приахшство
 въ свѣтѣ болѣе разгласилось, и знашнѣ
 быши могло, сего ради Ея Королевино Вели-
 чество, меня высокимъ чиномъ своего
 Чрезвычайнаго Посла, Комисара, и Полно-
 мочнаго почшиши, и полную мочь даши
 изволила, свою Королевскую Особу пред-
 ставляши, яко-бы она сама въ прибышди
 была, дабы напередъ Ея достойномѣрное
 высокое неудовольствованіе, и прошивносшь,
 о шомъ безразсудномъ поступкѣ, надъ пуб-
 личнымъ Министромъ учиненное объявиши,
 а особливо надъ шакимъ, котораго Ея Вели-
 чество шоль высоко почишаетъ; шажь не-
 досташокъ и недовольство нашихъ прежнихъ
 замскихъ уложеній въ шакомъ чрезвычай-
 номъ нарушеніи всенародныхъ правъ, ко-
 щорыя бы достойно было по Вашего Цесар-
 скаго Величества желанію, и по крайней
 жестокосши приналежало наказано быши,
 извиняши, и послѣди Ваше Цесарское Вели-
 чество усерднѣйше обнадежитъ, сколь

склонна она есть древнее между обоими Государствами, шоль долго и счастливо бывшее цвѣтущее пришествіе, и доброе согласіе содерживати; якоже сіе Ваше Цесарское Величество проситраніе изъ наслоящаго писанія, которое яко непремѣнно пребывающее напоминаніе Ея Королевины Величества, къ Вашему Цесарскому Величеству имѣющей великой склонности, и высокопочитанія, да будешь усмотрѣши соизволише, и яко же мнѣ никоимъ образомъ сумнѣвавшаяся не достоишь, сице принадлежаще мнѣ прилежнѣйше просити (имянемъ Королевы моей), чѣшобъ Ваше Цесарское Величество, все сіе обыкновенною брашскою склонностію воспріяши. Сей несчастливой случай отъ нѣкоторыхъ бездѣльныхъ людей учиненный Ея Королевины Величества, и народу Британскому не причиташи, но всеконечному забвенію предаши, и оной паки Вашею высокою склонностію почтѣши великодушнѣйше соизволиши. Я же съ моею спраны навѣще себя счастлива почиташи буду, ежели къ сему великому дѣлу, еже обоимъ Государствамъ шоль полезно и состоянію Европы шоль пошребно, нѣкоторымъ образомъ чѣшю вспомоши возмогу.

Во время прежняго моего чину, отъ Вашего Цесарскаго Величества, мнѣ уже многократно воспріяшше высокіе благодѣанія и знаки милости (которые я всегда со всякимъ возможнымъ благодареніемъ на поминаши долженъ), подающе мнѣ упова-

ніе въ моей новонаступленной комисіи, прочее время моего пребыванія, здѣшное же склонное доступленіе получаши, сколь часто я по указу моей милосливѣйшей Королевы при Дворѣ Вашего Цесарскаго Величества, что доносиши имѣши буду въ заключеніе, принужденъ я о позволеніи просиши, здѣ обрѣпающихся Брипанскихъ подданныхъ съ Вашего Цесарскаго Величества высокое защищеніе, ради ихъ свободного купечества вручиши, къ чему ихъ предки, первой пушью, чрезъ Архангельскую пристань, великими прошорми и ущербомъ многихъ людей открыли.

Послѣ того Посолъ подалъ Его Царскому Величеству грамоту Королевины Величества Великобританской, въ которой написано:

Авна, Божією милостию Королева Великобританская, Франціи и Ирландіи, защитительница вѣры, поздравляешь и желаешь всякаго счастливаго благополучія Пресвѣтлѣйшему и Державнѣйшему Князю, Нашему дражайшему брату, Великому Царю, и Великому Князю Петру Алексѣвичу, и прочее все полное шло.

Державнѣйшій, Нашъ дражайшій и любезнѣйшій Государь, брате! Мы уже къ Вашему Цесарскому Величеству писали, и наше чувствіе о несчастливомъ безчестіи, которое Вашему господину Послу предъ его отъѣздомъ отъ Нашего Двора случилось, дали явнѣ. Мы послѣ того получили оное писаніе, которое Ваше Цесарское Величест-

во о томъ къ намъ отправить повѣдали, и
 обнадеживаемъ Ваше Кесарское Величество,
 что Мы со усерднымъ сеспринскимъ сожа-
 лѣніемъ изъ онаго усмотрѣли, коль доса-
 до Вамъ сіе грубое преступленіе было, еже
 противъ Вашея собственныя особы и вели-
 чествія въ достоинствѣ Вашего Посла учи-
 нено, и Мы сіе поль наивяще къ сердцу
 воспріяли, понеже Мы усмотрѣли, что На-
 ши уложенія недовольны были поль совер-
 шенное удовольствіе подати, яковое Мы
 охотно хотѣли какъ ко объявленію Нашего
 вящаго чувствованія и немилости, о учи-
 ненномъ безчестіи, такъ и Вашему Цесар-
 скому Величеству показати, коль желатель-
 ны Мы есмы всякое надлежащее удовольст-
 віе за учиненную поль доброму другу и
 союзнику досаду учинити. Но Мы прину-
 жденны признашь, что въ шюде время Намъ
 особливое удовольствіе возбудило, когда Мы
 увѣдали, что Ваше Цесарское Величество
 желаете упредить всего несогласія, еже
 ради сего дѣла между Нами произойти мо-
 жеть. И коль высоко Вы Наше пріятство
 имѣете, и како Вы щитаете оное содержа-
 ши, и явленіемъ знаковъ пріятства и
 склонности основати. Мы уповаемъ сего
 ради Вашего брагскаго пріятства, что
 объявленіями учиненными отъ Нашего при-
 Дворъ Вашемъ пребывающаго Чрезвычайна-
 го Посланника, отъ времени до времени На-
 шимъ именемъ, уже Вашему Кесарскому Ве-
 личеству о семъ дѣлѣ правое и подлинное
 состояніе увѣдомлено, изъ чего Ваше Ке-
 Ч. V. No XVII, XVIII, XIX и XX. 12

царское Величество усмотрите, что Мы ни мало преступников оправдать не мыслили, и оныхъ отъ суда отвлеци, но необходимые трудности древнихъ и основательныхъ уложений надлежащихъ къ правленію Нашихъ земель, и людей помѣщальствомъ были, которые по своему чаемому не довольны будутъ, приговоръ столь жестокой учинити, яко Ваше Кесарское Величество по видимому сначала ожидали, и имѣемъ Мы надежду, что Ваше Кесарское Величество, какъ ради милости, такъ и справедливости, славный Государь, отъ Насъ, иже явно на себя переняли святымъ защищеніемъ уложений быти, исполнати не будете нашихъ подданныхъ такимъ наказаніемъ наказовати, къ которому Мы по уложеніямъ права не имѣемъ. Однакоже Мы въ то-жъ время не оставили все оное исполнати, еже Мы мнили за вѣще важно быти, дабы обою Вашему Кесарскому Величеству, и всему свѣту о усердности Нашего мнѣнія и попеченіи въ семь дѣлъ доказати, и дабы преступники къ такому наказанію приведены были, елико тогда важнѣе уложенія сихъ нашихъ государствъ позволяли, и дали нашимъ Чиновнымъ, и Министрамъ Нашъ иманный и повторительный указъ, оныхъ вѣщею жестостію гонити. И сей судъ потомъ съ вѣщимъ прилежаніемъ продолженъ, и ничего не оставлено, что токмо къ столь скорѣйшему рѣшенію вспоможи могло. Однакоже Мы обрѣшаемся принужденны Вашему Кесарскому

Величеству объявити, что ради частаго представленія за преступниковъ, и ради продолжительнаго и необходимаго образа въ судахъ и слушаніяхъ судебныхъ, о поль великой важности, и чрезвычайной натурь сего дѣла, въ которомъ въ древнихъ уложеніяхъ сего государства недовольно усмотрѣно, до сего числа еще не было въ силѣ Нашихъ въ правахъ обученныхъ совѣтниковъ, конечный приговоръ и рѣшеніе о семъ получить, и понеже Мы въ сей недостатокъ признаваемъ, и медленіе напередъ видимъ, которые по всему видимому во обыкновенномъ теченіи Нашихъ уложеній произойти могутъ. И въ помяде время мы вѣще желаемъ, прямой примѣчанію достойный знакъ, Нашего собственнаго чувствованія и немилоспн объявити и показати, коль зѣло сей случай Нашей всей землѣ и людямъ прошивенъ еспѣ. Сего ради утвердили Мы актъ Парламентовой, которой торжественнымъ образомъ Великаго Совѣта и собранія Нашего государства Великобританскаго изготовленъ, въ которомъ вѣще подлиннѣйшее объявленіе справедливой прошивности учинено, и уже Наши подданные всѣ о семъ насильствѣ имѣютъ, и всѣ такожъ акты и поступки персональное заарестованіе Вашего Кесарскаго Величества Посла надлежаще уничтожены, и изъ записокъ Нашего Надворнаго Суда почернены, и винные яко злодѣйные преступники вѣщимъ голосомъ всего народа оглашены, и къ наказанію тогда важнаго на-

казанія опредѣлены, и ежели впредь ко-
 торые люди таковой вины припочны будущь,
 или коимъ образомъ, привиліямъ Пословъ,
 или чуждыхъ иныхъ Министровъ ущербъ
 учиняшъ, то оныя наижесточайшимъ на-
 казаніемъ подвержены, будущь, которыми
 свободная и необязанная сила судей, ко-
 торымъ въ семъ новомъ уложеніи границъ
 не предписано наказати за благо ихъ из-
 обръшуть таковымъ образомъ, что все до-
 сажденіе таковой напуры впредь упрежде-
 ны, и безопасность которую Министромъ
 всѣхъ Государей имѣти, симъ торжествен-
 нымъ не давно учиненнымъ учрежденіемъ
 утверждена и сохранена и сіе напаяшъ
 всѣмъ предкомъ пребудетъ, какую великую
 честь Вашему Кесарскому Величеству явля-
 ли и такожде всѣ будущіе Министры, сіе
 чрезвычайное уложеніе къ своему защище-
 нію, особливому почипанію, которое Мы
 и Наше государство Вашему Кесарскому Ве-
 личеству къ чести имѣемъ приписати при-
 нуждены. И понеже Вашему Кесарскому Ве-
 личеству не можеть безвѣстно быти, что
 Мы все возможное прилѣжаніе прилагали
 преступниковъ гонити и наказати, хотя
 не съ такимъ дѣйствомъ яко Мы желали, и
 понеже Мы сіе къ тому привели, что оныя
 которые всѣхъ Нашихъ подданныхъ Велико-
 бришанскихъ представляютъ, акшу изго-
 товили какъ ко упишенію учиненнаго, яко
 ко оспереженію будущихъ своевольствій,
 сего ради просимъ Ваше Кесарское Величе-
 ство, все оное еже Мы съ Нашей стороны

учинили, яко вѣщее еже къ Вашему удовольствію, здѣ учинитися могло, склонно воспріяти; чѣмъ Ваше Кесарское Величество Намъ вѣщій опытъ Вашей братской непремѣнной склонности подадите. и можете обнадежены быть, что Мы съ Нашей страны не оставимъ лучшимъ образомъ, и во всякихъ случаяхъ равномѣрныхъ знаки Нашего постояннаго пріятства и высокопоздравленія показывать. И дабы Мы ничего еже еще въ Нашей силѣ къ надлежащему удовольствію не оставили, сего ради Мы за потребно изобрѣли достойную особу избранныи явственнѣйше, и торжественнѣйше, Вашему Кесарскому Величеству обою, Нашу провинность о учиненномъ злодѣяннѣ объявити, и коль Намъ печально есть, что не въ Нашей силѣ обрѣшается преступниковъ по достоинству наказати. И понеже Нашъ вѣрнолюбезный Карлъ Вилвортъ Гербонсецъ, такъ ради своего искусства во вѣсхъ ему повѣренныхъ дѣлахъ, и ради своихъ добрыхъ поступковъ, уже многіе лѣта при Вашемъ Кесарскомъ Величествѣ Дворѣ, Наше благоволеніе заслужилъ, сего ради Мы ему особливое достоинство и комисію дали, Нашу особу яко Нашъ чрезвычайный Посолъ въ семъ случаѣ представляти, и шаковыя извиненія и изъясненія Нашимъ именемъ учинити, которыя уповаемъ совершенно къ Вашему Кесарскому Величеству удовольствію будущъ. И мы просимъ симъ Ваше Кесарское Величество, пріятно поманути Карла Вилворта, яко Нашего къ сему дѣлу

опредѣленнаго Чрезвычайнаго Посла допустить, и прияти, и оному еже онъ Нашимъ Королевскимъ именемъ доносиши будешь, совершенную вѣру придагаша яко-бы Мы особю присущственно оное чинили.

Мы хотимъ еще сіе, яко знакъ Нашего подражанія къ Вашему господину Послу, которому сія досада учинилася присовокупити, что понеже Намъ его персональное искусство и достоинство, когда онъ при Нашемъ Дворѣ резидовалъ, извѣстно было, того ради Намъ столь болѣзненнѣе, что такая досада обою особѣ, таковой заслуги и опмѣнности, и Послу столь великаго Государя и добраго союзника случилася. При заключеніи желаемъ Мы, дабы Всемогушій Податель всѣхъ счастливостей свое небесное благословеніе на Вашего Кесарскаго Величества особу и Королевства подать изволилъ, и вручаемъ Васъ во Онаго святое защищеніе.

Дано въ Нашемъ Дворѣ Нашего Королевскаго замка Винзора, Августа въ 15 день, 1799 го году, государствованія Нашего 8го году.

Ваша склоннѣйшая сесстра :

Анна Королева.

Его Царское Величество послѣ того изволилъ учинишь самъ ему господину Послу послѣдующей отвѣтъ.

Надлежало было Ея Королевину Величеству Намъ дать удовольствіе, и по желанію Нашему тѣхъ преступниковъ по обычаю всего свѣта намѣсточайше наказать;

однакожь понеже Ея Величество чрезъ васъ Посла своего Чрезвычайнаго извиненіѣ Намъ приносить повелѣла, что того за оскорбленіемъ прежнихъ правъ Государственныхъ учиниши не могла и для того общимъ согласіемъ Парламента новое право о томъ для впредь будущаго учинила — того ради приемлемъ Мы то за знакъ Ея приязни и награжденіе, и повелимъ Министромъ своимъ съ вами въ конференціи то дѣло ко окончанію привести.

Помомъ господинъ Посоль отпушенъ и такимъ-же поведеніемъ какъ и принятъ назадъ провоженъ. И господину Салтыкову отъ Его Царскаго Величества указъ былъ данъ его при дни практовать.

При той публичной аудиенціи были всѣ знашійшіе господа сего Государства какъ и всѣ при Его Царскаго Величества Дворѣ пребывающіе чужестранные Министры къ тому призваны были.

И Февраля въ 9 день былъ онъ Посоль на конференціи съ Его Царскаго Величества Министры въ дому у его Высокограескаго Сіятельства Государственнаго Канцлера Графа Головкина, при которой конференціи то досадительное дѣло ко обоимъ Высокимъ странъ удовольствію окончаніе восприняло, и заходящіе несогласія между Ими всѣ пресѣченны, и древняя дружба и согласіе между обоимъ Величества возобновлена.

Печатано въ Москвѣ 1710 въ Маѣ.

2. *Іоаннъ Ексархъ Болгарскій.*

Въ библіотекѣ Князя М. Н. Голицына хранился Сборникъ, писанный полууставомъ, подходящимъ въ срединѣ книги къ скорописи, на лощеной бумагѣ, въ листъ, безъ означенія числа страницъ. Сборникъ сей содержитъ слѣдующее:

1. Іоанна прозвитера ексарха болгарскаго предословіе книжъ сѣаго іоанна дамаскина, иже и приложи ея. — 2 лис. съ $\frac{1}{4}$.

2. Іоанна дамаскина, сказаніе главамъ, еѣарха. — 1 листъ съ $\frac{1}{4}$, съ малою фигурною виньеткою предъ началомъ.

3. *Свѣаго іоанна дамаскина слово первое о божѣ, іоанна, еѣарха.* — За симъ слѣдуютъ прочія слова (въсѣхъ 54), въ спрѣку, отдѣляясь однимъ киноварнымъ заглавіемъ. Предъ первымъ изображеніе дамаскина красками и большая фигурная виньетка. 101 листъ. (Означенное здѣсь и ниже мурсигонъ, въ подлинникѣ написано стенографически.)

4. *Книга сѣаго іоанна дамаскина философская о осмихъ частехъ слова.* — 7 листовъ съ $\frac{1}{4}$; предъ началомъ большая фигурная виньетка.

5. *Посланіе сѣаго іоанна дамаскина, сѣтому и бѣгопочтенному козмѣ сѣщенному епѣпу малоумскому, іоаннъ инокъ сѣо. а. гла. а.* — Сіе посланіе не отдѣляется отъ

предыдущей книги и состоятъ изъ множества главъ философскаго содержанія; первая глава не имѣетъ особеннаго надписанія, кромѣ вышеозначеннаго, вторая о разумѣ, третья о мысли, четвертая о философіи, пятая о сущемъ, существѣ же и случаи; прочія не занумерованы. Первые изъ сихъ главъ снабжены многими примѣчаніями и поправками, по видимому позднѣйшими. 23 листа съ $\frac{1}{4}$; на седьмомъ недописка и пробѣлъ, слѣдующій за шестымъ листомъ вырѣзанъ.

6. Мѣсяца декабря, въ 4-й день, житіе і жизнь прѣбнаго оца ѱѣго іоанна дамаскина, списано іоанномъ пашріархомъ анхиохицкимъ. — 25 листовъ съ $\frac{1}{2}$; предъ началомъ малая фигурная виньетка.

7. Сія книга принесена быша извнутряння египѣи гаемыя индіискія спраны, въ сѣмъ градѣ іерусалимѣ іоанномъ мнихомъ, мужемъ честнымъ, и добродетельнымъ, сущаго мѣшкы сѣшаго савы. Изображеніе дѣше полезно. Сія книга црѣ іосафа дѣяніе, ему же наказашелъ пусшынникъ, авва варлаамъ. — Предъ симъ изображеніе царя іосафа красками съ золотомъ и большая фигурная виньетка. 113 листовъ.

Сей списокъ 'Богословія' Дамаскина и Грамматики его, особенно же предловія Іоанна Ексарха Болгарскаго, разнишся во многомъ съ древнѣйшимъ спискомъ, описаннымъ и объясненнымъ К. О. Калайдовичемъ (см. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. Из-

сѣдованіе, объясняющее исторію Словенскаго языка и литературы IX. и X. столѣтій. М. 1824 года). Предлагаемъ для сра-
вненія отрывки изъ того и другаго.

Синод. спис.

Голиц. спис.

Прологъ , сътворенъ Иоаномъ прозвущимъ Ексархомъ Българьскомъ , иже естъ и прѣложилъ кни- ги сѣя.	Иоанъна прозвуща ексарха болгарьска- го предословіе книзъ сѣаго іоанъна дама- скина , иже и прело- жи ея.
---	--

Понеже оубо свя- тѣи чловѣкъ Бжїи Къспянтинъ , фило- софъ река , многы проуды приа , спроя писмена Словѣнскихъ книгъ , и отъ Еван- гелія и Апла прѣла- гая изборъ : еликоже достиже , живый въ миръ семь шмьнѣмъ , шодико же прѣложъ , прѣстоупивъ бес конь- цѣ , и свѣтъ приахъ дѣлъ своихъ мѣзду. Съ сими же сы и ос- шавъ его , прѣложи вся оуставныи књи- ги ѿ отъ Елиньска языка , еже естъ Грь- чѣскъ , въ Словѣнскъ.	Понеже оубо сѣтѣи бжїи члвкъ конспян- шинъ философъ главъ многи пруды приахъ. іоуспроя писаніа сло- венскихъ книгъ отъ еаїа . і отъ Апла прелагая и собирая еликоже достиже жи- выи вмиръ семь шем- нѣмъ . шодико и прело- жи и преиде въ беско- нечныи живои при- имъ прудовъ своихъ мѣзду . по отшесшви же его к бгу . оста- вѣшии семь великии бжїи архіепъ мѣфо- діи брѣхъ его . прело- жи оуставныи книги ѿ отъ елиньскаго
---	---

Синод. спис.

Голиц. спис.

Азъ же се слыша мно- языка на словенскі.
 гашды, хощвъ окоу- азъ же се слышавъ мно-
 сипі оучительская съ- гашды восхощъхъ по-
 казання, гопова прѣ- кушаяся. оучител'ска
 ложиши въ Словенскъ сказання гопова пре-
 языкъ; оны бо 2-шъ ложиши въ словенскіи
 прѣложилъ бѣаше оу- языкъ. онъ оубо 2- пре-
 же Мееодии, якоже ложилъ бѣаше чп'ныи
 слышаахъ, оубояхъся мееодіи, и якоже слы-
 помышляя, еда въ не- шах' сия помышляя оу-
 го мѣста хощоу поп- боях'ся. да некако хо-
 рудивъся на оуспѣхъ пѣ и поспрудивъся на-
 чади предложити въ оуспѣхъ чл'комъ. пре-
 свои языкъ съказання ложиши въ свой языкъ.
 оучительская, еда боу- сказання оучител'ская
 дущъ имъ на исказоу: буду имъ навредъ. въ-
 вѣдъ бо своего ума дѣ бо своего оума не-
 поупостъ и грубостъ, разуміе и грубостъ.
 и плѣшноую немощъ и плѣшскую немощъ
 и лѣностъ, се все і лѣностъ сиявся по-
 погонивъ, оспѣхъся мышляя. оудер'жевах'-
 сего. Миноувъшу же ся. минувъшиже нѣко-
 нѣколикоу лѣпъ, чѣстъ- лико лѣпъ. чп'нѣйши
 нѣйши члвкъ Доукъ иннок' дук'сѣ. прилѣжа-
 чрѣноризецъ прилеже ще мнѣ ходивъшу ми
 мнѣ, дохожъшоу мѣ на посѣщеніе его. по-
 на, присѣщеніе его, велеваше ми и моля
 вѣла ми и моля пре- предложити оучител'-
 ложиши оучительская ская сказання. и во-
 съказання, и въспомі- споминая ми рѣчь
 ная ми рече: попови сщєн'ником'. чп'рєстѣ
 чѣщо естѣ ино дѣло, ино дѣло развѣ оуче

Синод. спис.

Голѣц. спис.

развѣ оученья? да ель- ма же еси слоужбоу шоу приѣлъ, шо и се ми ноужда естъ дѣ- лаши. Азъ же средѣ дѣ- вою стоя, грубости рекоу и лѣноши, оу- бояхся паче лѣнення и прещенья Прѣркѣмъ рекѣша Бѣ: дѣша сѣхъ опѣ роукѣ вашихъ въ прошоу, и якоже мѣ опѣриноустѣ, не бы- ти вождю людѣмъ мо- имъ и владыцѣ, тако- же и азъ опѣриноу васъ, якоже не быти вамъ цѣрю; и якоже не послоушаетѣ гласа моего, нѣ въдасѣ пле- щи жестокѣ, и ослоу- шаетѣся, тако боу- дѣтъ егда призы мѣ, азъ же не призрю къ молишвѣ вашей, ни послоушаю. А и ксемоу пришѣчоу приповѣда- самъ Гѣ, ны и лѣни- выя рабы възбуждая, и се же мѣшню шѣо- ря, да не придемъ въ се прѣщенье, (гдѣшъ	ни. да ельмаже еси оуслужение сѣ приѣлъ, нужда ти еѣ и сѣ шворити. азъ же по- среди стоя двою не- разумия и лѣноши. оубояхся паче лѣни- выхъ запрещенія. бѣгу рекѣшу пророкомъ. дѣша сѣ опѣ рукѣ вашихъ изыщу. и якоже мѣ опѣриноустѣ. не быти вождю людѣмъ моимъ и владыцѣ, такоже и азъ опѣрину васъ. якоже не быти вамъ цѣрю. якожѣ не послушатѣ гласа моего. но въда- сте плѣщи мои же- стоцѣ. и ослушатѣся такѣ будѣтъ. егда при- зовѣте мѣ азъ же не призрю мѣшвѣ вашей ни послоушаю. ксемоу же и пришѣчу рече самъ Гѣ. на лѣнивыя рабы воспавляя. и сѣй- же мѣшвѣнѣ сошво- ряя. да не придетъ на насъ сѣ прѣщенье. (яже бо о талантѣхъ пришѣча. сего ради ре-
--	---

Синод. спис.

Голиц. спис.

въ чръстныхъ Евангеліихъ, рекыи : яко члвкъ отходя призва своя рабы, и ш. д. многа мѣда предле-
вса припца о шалан-
пахъ. Вся она пропу-
щена въ Голиц. спис-
къ и замѣнена шѣмъ,
что помѣщено здѣсь
въ скобкахъ). Сего ся
прещенія вельми съ-
дръзаю, си ми боязнъ,
и мозгъчишь, и вѣкъ
соушишь; ни даждь
Бѣ Гѣ семоу прегръ-
шению припи ни на
когоже насъ, имъже
есть слоужба си по-
роучена. и пр.

чена бысть. яко дѣ-
лавшимъ добръ. и оусу-
губившимъ тала'нѣ
много мѣда предле-
житъ. ленивому же ра-
бу скрывъшему той
вземли. а приобрѣст-
нія шѣмъ не сотворъ-
шему. мученіе послѣд-
нее запрещено бысть.)
сего оубо прещенія
вельми оубояхъ. снѣ-
ми спрахъ и мозгъ
оуязвляешъ и болѣз-
нуешъ. и не даже гѣ
сему прещенію ника-
кову насъ припи. имъ-
же есть служба снѣ
поручена. и пр.

Преподобнаго чърно-
ризыця и прозвущера
Іоанна Дамаскинъска
слово о правѣй вѣрѣ,
яко неислѣдимо Боже-
ство:

Святаго іоанна дама-
скина слово пер'вое. о
бѣ, іоанна, еѣар'хъ,

Бога ник'поже ни-
колиже не видѣ; ино-
чадый Сынъ, сый въ
лдрѣхъ Отчїихъ, пѣ
исповѣда о немъ. Не-
изглаголахо; Божьсп-

Бѣа ник'поже не ви-
дѣ николиже. едіноча-
дый снѣ. сый в'нѣд-
рехъ отчїихъ. той ис-
повѣда о немъ. И не-
изглаголахо оубо бѣжествѣ

Синод. спис.

Голиц. спис.

во и невѣдомо. Не
вѣсть бо никътоже
Отца, развѣ Сына,
ни Сына вѣсть кто,
развѣ Отца. И Свя-
тый же Духъ тако
вѣсть Божъ все, яко-
же душа человѣчъска
вѣсть все, еже естъ
въ человѣцѣ. По пръ-
вѣмъ же и блаженѣмъ
есъснѣвъ, не увѣдѣ-
никътоже николиже Бо-
га, развѣ емуже шъ
самъ яви; не ошъ че-
ловѣкъ шъкъмо, нъ и
ошъ шѣхъ самѣхъ Анг-
гелъ. и ш. д.

и недовѣдомо. Нес-
вѣстьбо никътоже отъ-
ца развѣ снѣ, ни снѣ
вѣсть кто развѣ отъ-
ца, и сшынѣ дѣхъ
тако вѣсть бѣже все.
якоже и дѣша члѣча
вѣсть еже въ члѣвцѣ.
Попервомъ же и блѣж-
немъ есшеснѣвъ, не оу-
вѣдѣ никътоже нико-
лиже бѣга. развѣ ему-
же шой самъ яви, не-
ошчлѣкъ шокъмо нон-
ошпѣхъ самѣхъ аггѣлъ.
и ш. д.

Книга святаго Ивана
Дамаскина философс-
каа, о осмихъ часпехъ
слова, преведе же еа
Иванъ презвиперъ, Ек-
сархъ Болгарскій, ошъ
Еллинскаго языка въ
Словенскій.

Книга сѣаго іоанна
дамаскина философская
о осмихъ часпехъ, сло-
ва.

По Божію образу
сзданному человѣку и
слова почтенному са-
номъ, сего часпи,
емиже съспойшся, не

Побѣжію образу со-
зданному члѣку. исло-
ва почтенному саномъ
сего часпи имижъ со-
спойшся. небезоуче-

Синод. спис.

Голиц. спис.

безъ ученiа оставити
попреба. Аще бо и
кромъ сихъ въ души
сѣспойсѣ слово, яко
же учашъ богоноснiи
опцы, но къ вшоро-
му роженiю плоти,
еже уснми и гла-
сомъ изъявляему и про-
чими сего орудми плоти,
тогда и частей
къ сѣспавленiю пре-
буешъ, кромъ бо сихъ
изъясниши о нихъ
слово немощно. Суть
же убо слова частей
осмъ, ѣлика глаголемъ
и пишемъ, внѣ сихъ
ничпоже естъ. Суть
же сіа: имя, рѣчь,
причяснiе, различiе,
мѣстоимене, предлогъ,
нарѣчiе, сѣузъ. И сихъ
осмъ частей нѣкіа
имуть и въ себѣ раз-
дѣленiа, якоже се. Имя
убо дѣлится на прое:
въ мужеско, и женско,
и среднее. Имя же гла-
голется, яко имашъ
подлежащее существо,
о немъже естъ сло-
во. и пр.

нiа оставити попре-
ба. аще бо икромъ сихъ
въ дѣши сѣспойсѣ
слово, якоже оучашъ
бѣоноснiи опцы. но-
ковъторому роженiю
плоти, еже оуснми-
ми и гласомъ изъяв-
ляему. и прочими се-
го орудми плоти, тог-
да и чѣстнiи къ со-
спавленiю пребуешъ
кромъ бо сихъ изъясни-
ши онихъже слово не-
мощно, сутьже оубо
слово чѣстнiи осмъ. ели-
ка глѣмъ и пишемъ,
внѣ сихъ ничпоже
естъ, сутьжъ сіа, имя
рѣчь причяснiе разли-
чiе. мѣстоимене, пред-
логъ нарѣчiе сѣузъ. и
сихъ осмъ чѣстнiи нѣ-
кіа имуть и въ себѣ
раздѣленiа. якоже се,
имя оубо дѣлится на
прое, въ мужьско, и
женьско, и среднее.
имяже глѣтся яко
имашъ подлежащее сѣ-
щество, о немъже
естъ слово. и пр.

Выишемъ изъ посланія 'Дамаскина.

О мысли, глава г.

Понеже в'сякъ без'мысли начинае и вещь, якоже вошмѣ шесшвуеши. ибо без'мысли шрудяйся соборнѣ повсему обнищаетъ. принеси подлежащую мысль слова, первіе даречемъ. яко да бл'гопріятна будуть (поправка: будетъ) глѣмая, мысль оубо намъ естъ философію начати. и всяческіи разум' елика сила сокративъ, внастоющей написати кнѣзъ. шѣмъже источникъ разума данарицается, рекубо (попр. реку) оубо мое якоже рѣхъ ничесоме постыліаже (попр. постыліа еже) б'жесшвенныхъ) (попр. б'жесшвенныхъ) и пр'мудрыхъ мужій (попр. мужей) избран'на, совокупивъ изложу. луч'ше оубо первѣе разумѣши абіе что естъ философіа. (Выноска на полѣ: о философіи внимай разумно данепогрышиши. Впоспѣ и в'жажди и в'воздѣржаніи, и в'чиспощѣ іцѣломудріи. івооупраздненіи, ів'безмолвіи и болязньми, и шруды и мѣшвами и слезами и сострахомъ б'жіимъ началоположимъ. Философіа любомудріе пословен'скому толкуешся языку. Философіа б'жіе дѣло естъ и мысль непрешанная к'бгу.) Философіа любомудріе пословен'ску (попр. пословен'скому) толкуешся языку.

О философіи, глава д.

Философіа естъ разумъ сущихъ поемуже еущая сущ', сирѣчь разумъ сущихъ ешесшва. и пакы. Философіа естъ разумъ б'жесшвен-

ных' и человѣческих' вещей, сирѣчь' видимых' же и невидимых'; Философія паки естъ поученіе смерти. произволишелно иже ієсѣшственной (попр. естесственной) двоя бо жизнь (приписка: естъ), естесствена (попр. естесшвенна), оубо понеиже и живемъ (попр. живемъ) и произволишелна (попр. проиволишелнаже). поне иже (попр. понеже) приспрасниъ настоящее (попр. настоящія) жизни дер'жимся. двое (попр. двоя) и смерть, яже (вычеркн.) естесшвенна еже естъ разлученіе дѣше (попр. дѣши) отъ тѣла. и произволишелна понеиже (попр. понеже) настоящую жизнь презирающе к'будущи (попр. к'будущѣ нудимся. и пр.

Выпишемъ еще одно мѣсто (послѣ 68 й главы: о составе, рек'ше о спихіи), на-поминающее Шесподневъ Іоанна Ексарха Болгарскаго.

Испочникъ поистин'нъ ошѣць іоан'нъ мыслен'ных' вод' струя проливая, і вѣрных' срдца напаяя. аще и в'посланіи спѣи сіе рече. Яковоеже представиши, яж' от' премудрыхъ еллинѣскихъ соблазнь изложу, неаяж' ересе ино яже истин'ны. ібо мы рече размѣнне сотворихомъ поѣилософѣхъ яж' истин'ны представльше, таже яже ересей. нес'противящеся спѣому ошѣступи. Но паче изволи яже истин'ны іспин'ною извѣстнѣ вѣдаши, неже яже ересей; Воистинну бо начинаетъ глаши, виждь же оубо и слыши значало сотвори Бгъ нѣбо и землю. яко сошвореніе нѣбу сказа и земли. іоанниъ же громовныи спѣимъ дѣхомъ оп'рыгну и рече.

Ч. V. Но XVII XVIII XIX и XX. 13

ісконибѣ слово, виждѣ же яко не сотворенъ ни созданъ Бжїи снъ, но искони сооп'цѣмъ быше. мойсейже рече оубо въ, вѣ, днѣ сотвори швер'дѣ. іоаннѣ рече, і слово бѣ оу бга. мойсейже рече, въ, гѣ, днѣ сотвори гѣ море и рѣки, и явися суша і прозябе земля. іоаннѣ рече и бгѣ бѣ и слово. И мойсей рече, въ дѣ, днѣ сотвори гѣ свѣтила. іоаннѣже рече вся шѣмъ быша. мойсей рече въ, еѣ, днѣ сотвори бгѣ рыбы і пшца і всякъ гадѣ. іоаннѣ рече безъ него не бышѣ ничпоже. виждѣ же оубо разнѣство иж' о швари бесѣдоваше. мойсей глѣше рекїи, сотвори бгѣ иж' ли о шворцы самом'. іоаннѣ же рече, Бгу оубо и лѣпо естѣ бѣши прѣсно а созданїю бываши. то бо небыв'шее прѣже, пошом' сѣздано бышѣ. а еже искони быше слово, шойні созданъ ни сотворенъ. но и в'послѣднїи дни ясно, но роженъ из' мїри двѣцы. не привидѣнїемъ плоши но и поистиннѣ яко члѣкъ. но силу бжештва, в'нушрь имѣя да пошему знаши естѣ, яко бгѣ и члѣкъ бышѣ. и пр.

Форма буквѣ въ Голицынскомѣ спискѣ, часто зашѣйливая и измѣняющаяся, не показываешѣ глубокой древности; особенно же, начиная съ Философїи Дамаскина, гдѣ сбиваешѣ на позднѣйшїй почеркъ. Не входя въ подробное разсмотрѣнїе списка сего, замѣшимъ нѣкопорыя опличїя онаго.

Въ Синодальномѣ спискѣ часто встрѣчающя ъ и ѣ въ срединѣ словѣ и на концѣ предлоговѣ, или замѣняя гласныя о, е,

или означая произношеніе предшесствующей согласной, или указывая на происхождение слова. Въ Толицынскомъ спискѣ встрѣчается и [то и другое, но рѣже (ексарѣха, болгарскаго, мѣзду, елѣиньскаго, плошскую, естѣственнѣю). Чаше попадаетсѣ *ерикъ* (мы замѣнили его запятою вверху въ срединѣ словъ; запятая вверху-же на концѣ значить, что согласная поставлена вверху), замѣняющій особенно букву *ѣ*, какъ знакъ твердаго произношенія (іоанна, прозвѣшера, убояхся, рекшу, опчихъ).

Буквы *е* умягченной (*іе*) нигдѣ нѣтъ; *я* двоякаго начертанія; *ы* обыкновенное изъ *ѣ* и *і*; въ гласныхъ *и*, *ю*, *я* поперечная черта косая; иногда употребляется *я* за *а* и наоборотъ (чѣстїи осмѣ, постѣянїа-же); вмѣсто *и* почти вездѣ *і*, однако случается и напрошивъ (дамаскинъ, едіночадѣи); попадаетсѣ и буква *й*.

Послѣ *г*, *к*, *х* не встрѣпишь *ы* или *ѣ*, но иногда *ерикъ* (никѣше, шокѣмо).

Случаются соединенія двухъ буквъ въ одну. Изъ знаковъ препинанія употребляются точка и запятая безъ различія, а индѣ точка съ запятою — вмѣсто заключительной точки. Ударенія часто указываютъ на коренное произношеніе (плѣшскій, запрещѣно, сущѣство, подлежащее — опѣ плѣшъ, прѣщу, сущѣ, лежу), иногда повидимому произвольны (живѣи, спѣи вмѣсто живой, свѣи); за то встрѣчаются слова и безъ ударенія (погонѣша, немощно).

Соединенія словъ воедино иногда весьма правильны (на́вредъ, на́шрое); но вообще правописание непостоянно (мужьско и мужское, женьско и женъское, ексарьхъ и еѣархъ, подлежащее и подлежащее). и пр.

3. Грамата Царя Алексѣя Михайловича.

Н. Сов. С. А. Масловъ имѣешь довольно значительное собраніе грамахъ или писемъ Царя Алексѣя Михайловича. Особенно драгоценны изъ нихъ собственноручныя граматы сего Государя. Въ предлагаемой здѣсь есть приписка Царскою рукою (опмѣчена курсивомъ).

„Отъ Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи сполнику нашему Аеанагею Ивановичю Матюшкину. Какъ ся наша грамоша придетъ, и шебъ взять волопой полатъ на окнѣ прои обносцы (*), да запичаташь и прислашь ко мнѣ пошъ часъ; да чернильницу мою съ прупками. А чернилъ возми у Григорья у Львова, да и перья ему вели очинишь. Да сказываю шебъ, что ушокъ безчислена много по лужамъ, а ѣздишь по полямъ шопко, а изымашь нѣчемъ, и яспребы не поспѣли. А шебъ отъ меня: будь здоровъ; да и сынъ у тебя вскорѣ будешь, а спану звать Никулою.“

„Писано на нашемъ спану въ селѣ Покровскомъ, лѣша зрѣдъ, Апрѣля въ г.“

‡

(*) Обносцы или обна́сцы — пушля для молодыхъ ловчихъ птицъ. Объ — нога или обь — носить?

„Да свѣди и Василью Сергѣеву, да отъ меня спроси о здоровья; да отпиши ко мнѣ обо всемъ.“

4. Глаголическая рукопись.

Въ числѣ рукописей, принадлежащихъ Сп. Сов. А. П. Курбатову, находится вѣхій пергаменный листъ, исписанный глаголическими буквами, доставшійся нынѣшнему владѣльцу онаго отъ его дѣда Сп. Сов. П. В. Курбатова, служившаго при Петрѣ Великомъ въ Посольскомъ Приказѣ. Листъ сей принадлежалъ по видимому къ моливослову, ибо содержитъ краткія молитвы. Сличая характеры буквъ онаго съ глаголическою азбукою, приложенною къ Грамматику Добровскаго, мы замѣтили между ними нѣкоторое различіе. Для любопытныхъ предлагаемъ чтеніе двухъ первыхъ стиховъ 69го Псалма, между прочимъ тамъ находящихся. (Литеры, опмѣченныя курсивомъ, въ подлинникѣ написаны киноварью).

Бѣ вспомоу мою вѣни. Гѣ

вспомоу мнѣ поспѣшите.

да поспѣдете іноспра

ментое вразі моі. иску

щеі дѣше мое. *вх.* Давъ

рашете въспетъ іносп

тѣдете. хотящеі мнѣ

зла.

Къ сожалѣнію въ числѣ многихъ книгъ и рукописей Г. Курбашова, въ 1812 году утратилась „книга, содержащая азбуки многихъ, особливо восточныхъ языковъ, собранныя Андреемъ Миллеромъ Гриффенгагскимъ, мужемъ ученымъ, скончавшимся въ Шшешинѣ 1694 года. Книга сія издана по смерти его Севасціаномъ Готфридомъ Штархіемъ, въ Берлинѣ, 1703 года.“ Сіе послѣднее извѣстіе заимствовали мы изъ предисловія къ азбукамъ Глаголической и Кирилловской, готовленнымъ было къ изданію покойнымъ Симеономъ, Архіепископомъ Ярославскимъ.

5. Письмо Черногорскаго Митрополита Даніила.

Прилагаемое письмо Черногорскаго Митрополита принадлежитъ также Г. Курбашову. Оно писано на одной сторонѣ малаго листа простой сѣрой бумаги и при строки приписаны на сторонѣ поперекъ. Характеръ письма странный: буква *а* напр. походитъ на цифру 9, *д* на 4, *б* лежитъ бокомъ, *в* имѣетъ фигуру квадрата, *ц* (опмѣченная курсивомъ) какъ будто *ѣ* безъ нижней горизонтальной черты, буквы *ѣ* и *ѥ* не различаются; удареній нигдѣ нѣтъ. На оборотѣ сего листа, внизу, приложена копошью печать, изображающая Свяшаго, вокругъ коего можно еще разобрать сшенографическія слова: Митрополитъ. скендра и приморіа.

Високо сияшел'нейши гѣнь и господарь пешарь кур'башов.

Мы ниже подписани еще важивихъ обретаемьсе: шакое васе бѣлаго ба воля: гѣнь бѣ насъ милуе: и дароваешъ живощъ намъ: ради своего милосердіа: и поради ушврѣжденіа: исабраніа овога поплненіепога народа: бисмосе споменули ичесто писаши: залюбва и милость цѣр'скога величашва: ивашее любви небисма заборавили: коюште намъ наносили когда есмо били привисочаишему двору цѣр'скому: али паки разумелиште какое била ова нова скоро рашъ и воина: спурчином исцесаром исвенешияномъ: ишое намъ многу смелнь учинило: инами инашему народу: иниесмо могли прежде писаши: амногусмо муку ишпрошакъ и на пушъ имали: доклесмо донемачкіе земли дошли: иумало прекополячке земліе све неизгубисмо: иживошасе нелишисмо: писалисмо високо сияшел'нейшему гѣну моему графу головкиню: све право ииспино бѣ намъ ешъ сведешель: иде шамо ошѣць леоншии архимандритъ шребински: онцеви изъушъ сказашъ шосе дееш насихъ спранахъ нашихъ: молю васъ гѣе мои предраги: будишему ходашаи дабисе пожаловало ему оно шое паваль арьколео узео: ашакоцерь и прочее монашпирско: и скоро дасе намъ пише шасе шамо деешъ: 1721 ген. 1. даниль митрополии скандаріе и приморья: ва вашъ бѣгомалець вачрьней гори: — : — : —

6. Дополненіе къ статѣ : О мѣстѣ рожденія Петра Великаго, помѣщенной въ 1 мѣ и 2 мѣ NN. Зрителя.

„Рожденіе Царя и Самодержца, попомъ перваго Всероссійскаго Императора Петра I го Алексѣевича, Великаго, близъ Москвы въ загородномъ селѣ Измайловѣ, Мая 30 числа, въ чешвершокъ, предъ ушромъ, за два часа съ половиною до свѣта. Восприемниками отъ свяшой купели были: большой братель Его Царь Феодоръ Алексѣевичъ и шешка Царевна Ирина Михайловна. Крещенъ въ Москвѣ въ Чудовъ монастырь, Іюня 29 го числа, въ день тезоимеништва своего, Всероссійскимъ Патріархомъ Іоакимомъ.“

Изъ книги: Ядро хронологическое Исторій всемірной отъ начала свѣта до кончины Екашерины II. Изд. Дѣй. Ст. Сов. Кн. Алексѣя Голицына. Москва, 1805 года, въ вольной тип. Гарія и компаніи. Часъ IV. (Сообщено Его Высокопреподобіемъ Архимандритомъ Аполлосомъ.)

7. Цыфирное письмо.

Было время, проявился нѣкто великій знапокъ въ наукѣ числъ. Онъ объявилъ, что будешь ошвѣчать на всѣ вопросы, предлагаемые ему цыфрами, нецѣная азбуки, по которой сіи вопросы написаны. Искушникъ въ самомъ дѣлѣ ошвѣчалъ, только ошвѣщы его походили на оракульскіе: много таинственности и ума и ничего прямо

и определенно. Въ чемъ же состояло великое искусство его? Онъ дешифровалъ задаваемые ему вопросы.

Всѣмъ извѣстно, что пишутъ цифрами, но не всякъ умѣетъ разобрать написанное цифрами; однакожъ Археологу это бываетъ нужно. Искусство дешифровать основано на догадкахъ, къ которымъ, для Русскаго языка, ведутъ слѣдующія замѣчанія.

1. Словъ изъ одной, двухъ, даже трехъ буквъ, немного; они суть: и, а, о, у, я; ѣ, до, за и ш. д.

2. Частыя повторы одной и той же цифры, особливо въ одномъ и томъ же словѣ, означаютъ почти всегда гласныя буквы.

3. Удвоеніе цифръ въ срединѣ слова означаетъ почти всегда буквы мм; удвоеніе цифръ на концѣ означаетъ ее, іи, юю, яя.

4. Начинающіяся слова чаще съ буквъ п, о, в, с, н, н, з, рѣдко съ і, ѣ, э, ю, ф, ц, щ, никогда съ буквъ ъ, ы, ъ.

5. Вообще чаще другихъ встрѣчающіяся буквы: о, а, е, н, м, с, в, ъ, рѣдко: щ, ц, ф, х, и ш. д.

Правило одно: найдя по догадкѣ хотя одну букву, тотчасъ вставишь оную во всѣхъ словахъ, гдѣ находится изображающая ее цифра, и по сей, догадкою-же, опыскивать другія, въ связи съ нею находящіяся. Само собою разумѣется, что навыкъ необходимъ въ этомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ можно дешифрировать написанное вообще всякими знаками, ком, однакожь, лучше напередъ изобразить цифрами. Такимъ образомъ разобрана надпись на Звенигородскомъ колоколѣ. — Въ Макарьевскомъ монастырѣ на Волгѣ, въ 1812 году, хранились двѣ рукописныя книги, писанныя Славянскими буквами на неизвѣстномъ языкѣ. Желательно-бы было имѣть списокъ книгъ сихъ; бытъ можетъ, это также криптографія.

8. Метрическія мѣры.

Изобрѣненія болѣе полезныя для рода человеческого, часто бываютъ и болѣе просныя. Что простѣе напр. *счетовъ* нашихъ? и однакожь вся Европа введеніемъ оныхъ согласилась въ великой ихъ пользѣ. Но простота и полезность изобрѣненія не всегда служатъ порукою скорого распространенія оного: книгопечатаніе даже перенѣло гоненія. — Въ концѣ прошедшаго столѣтія Французскіе математики оказали незабвенную услугу наукамъ — изобрѣненіемъ мѣръ метрическихъ. Всякой, сколько-нибудь образованный человѣкъ, ни мало не сомнѣвается въ величайшей пользѣ десятиернаго способа измѣреній. Отъ чего жъ способъ сей не введенъ во всеобщее употребленіе? Отъ чего Правительству не утвердили оный своимъ согласіемъ? Бытъ можетъ, мы ошибемся, если скажемъ, что причиною сему наша привычка къ словамъ—

привычка, освященная вѣками, противъ которой благоразумно медлящія верховныя власти еще не рѣшаются дѣйствовать. Замѣщательства почти неизбежны въ началѣ нововведеній, и сихъ-то замѣщательствъ уклоняются Правительства. Но если мысль сія справедлива, мы думаемъ, есть средство произвести благотѣльную перемену въ способахъ измѣреній, безъ большаго затрудненія. Пусть Правительства выдадутъ образцы новыхъ Французскихъ мѣръ; пусть Греко-Латинскія названія оныхъ останутся при Ученыхъ; въ общежитіи всякъ, на своемъ языкѣ, будетъ называть ихъ по своему. Смѣливые пошчасъ поймутъ, чѣмъ новыя мѣры болѣе или менѣе старыхъ, но не будутъ устращены спрашиваемыми для ихъ слуха названіями. Разумѣется, что въ семь случаевъ должны быть изданы сравнительныя таблицы старыхъ мѣръ и новыхъ.

И такъ, положимъ, что *метръ* (равный 1 ар. + 6 вер.) названъ аршиномъ: тогда декаметръ можно назвать саженью, гектометръ — *десяткомъ* сажень, километръ (437 с. 1 а. 8 в.) — вершою, дециметръ — вершкомъ. Центиметръ и миллиметръ — мѣры, нужныя немногимъ, удержишь свое ученое названіе.

Пусть теперь *аръ* будетъ аромъ, ибо мы не имѣемъ подобной малой мѣры для поверхности; декааръ (220 кв. саж. и $\frac{9}{10}$) различно будетъ названъ десятиною, гектоаръ — *сотиною*, а дециаръ и прочія назва-

нiя, по неупотребленiю мѣръ сихъ въ общешнiи, оспанушя въ своей силѣ.

Назовемъ *литръ* ведромъ (равенъ около $\frac{1}{2}$ ведра), декалитръ будетъ *боченокъ*, гектолитръ *бочна* (44 ведра), децилитръ • бушылка, центилитръ *чашка*, миллилитръ *ложна*.

Граммъ оспанешя граммомъ (равенъ о, 23443 зол., ш. е. менѣе $\frac{1}{4}$), декаграммъ будетъ золотникъ, гектограммъ — лопъ, килограммъ — фунтъ, 10 килограммовъ составяшъ пудъ (24 ф. и $\frac{1}{10}$). Дециграммъ и прочiя низшiя мѣры оспанушя съ учеными своими названiями.

Подобно и въ монетахъ: десятая доля лигашуры въ каждой. Раздѣленiе рубля и гривны на десять частей мы уже имѣемъ.

Сказанное относится къ Россiи. Но что, если бы всѣ Правительства Европы нарядили *ученый конгрессъ* и согласились ввести подобнымъ образомъ одинакiя мѣрическiя мѣры и монеты въ своихъ владѣнiяхъ? Какъ кому, а намъ мысль эта кажется заслуживающею вниманiя.

9. О сочиненiяхъ Шатрова.

Николай Михайловичъ Шатровъ (*), почтенный ветеранъ нашей Словесности,

(*) Колл. Совѣтникъ, Членъ Моск. Общества Любителей Россiйской Словесности и Кавалеръ.

намѣренъ издать собраніе своихъ стихотвореній. Любители изящнаго давно ожидали сего подарка.

Стихотворенія Шатрова всѣ нравственнаго содержанія. Чистота языка, благозвучіе сложенія, сила чувства, зрѣлость мыслей — даютъ ему не послѣднее почетное мѣсто между немногимъ числомъ классическихъ нашихъ поэтовъ. Его дидактическія стихотворенія отличаются какою-то оригинальною простосердечностію. Характеръ ихъ сходствуетъ нѣкоторымъ образомъ съ характеромъ сочиненій И. М. Долгорукова; но въ нихъ нѣтъ той сапирической соли, какою написана поэзія Князя — шутливостъ Шатрова приправлена любезнымъ добродушіемъ. Въ отдѣлкѣ же послѣдній превосходитъ перваго: не видавъ неопытности въ слогѣ, нѣтъ плебеизмовъ, которые весьма замѣтны у Князя Долгорукова.

Важнѣйшія его стихотворенія суть подражанія Псалмамъ. Со времени Симеона Полоцкаго до сихъ поръ — многіе наши стихотворцы прелагали въ стихи богодухновенныя пѣсни Царственнаго Пророка. Изъ нихъ Симеонъ остался въ памяти пошому только, что Псалмы его пробудили геній Ломоносова, подобно какъ ударъ жезла въ алмазъ извлекаетъ искру. Сумароковъ, Ломоносовъ, Державинъ буквально слѣдовали тексту. Ошдавленностъ вѣка, неизвѣстностъ языка, нравовъ, обычаевъ,

мѣстности и современности — поставляли сильную преграду для прелазашелей. Отъ того ихъ Псалмы опзываются рабскимъ подражаніемъ превосходному подлиннику. Шапровъ избралъ пущь надежнѣйшій: онъ не переводитъ буквально *непереводимые* Псалмы, а *подражаетъ* имъ. Мысль Царя Давида онъ раскрываетъ, распрощраняетъ, примѣняетъ къ нашимъ обстоятельствомъ, къ нашему вѣку, и Подражанія его содержатъ наспавленія для всѣхъ случаевъ общезипія. А. Ѳ. Мерзляковъ, Крипикъ — учились, какихъ у насъ весьма немного, опдаетъ имъ должную справедливостъ. Мы не говоримъ о преложеніяхъ И. И. Дмипріева и А. Крылова: они написали только *по-одному* Псалму; но кспати замѣтимъ обиліе мыслей Шапрова: у него 49 й Псаломъ содержитъ 280 стиховъ, у Дмипріева 40, въ подлинникъ 23.

Слѣдующіе опрывки досташочно напоминаютъ Чипателямъ нашимъ о прекрасномъ талантѣ Г. Шапрова.

И з ъ 28 П с а л м а.

Внемлите Князи Завулона,
 Племень Халдейскихъ Мудрецы,
 И вы, Владыки Вавилона,
 И вы, Дагоновы Жрецы!
 Услышите чадъ Сіонскихъ пѣнье!
 Воздайте славу, поклоненье
 Творцу вселенной одному!

Возвысьте разумъ къ просвѣщенію,
И, вѣры чистой внявъ ученію,
Воспойте съ нами въ честь Ему!

*

Богъ славы возгремѣлъ, и шучи,
Какъ парусъ шонкій, вдругъ свились;
Пустынные лѣса, дремучи,
Безъ грозной бури содряслись;
Дубы столѣтніе нагнулись,
Скалы кремнишья шатнулись,
Распреснулись хребты холмовъ,
Горамъ подобно волны встали,
Безстрашные вострепешали
Отъ Божьихъ всемогущихъ словъ.

*

И кто изъ смертныхъ не смутился
Отъ гласа Бога своего?
Куда нашъ слухъ ни обратишься,
Вездѣ гремишь глаголь Его:
И въ словъ — міръ земной судящемъ,
И въ вопль милости просящемъ,
И въ звонъ грознаго меча,
И вътра быстрого въ стремлени,
И соловья въ приятномъ пѣньи,
И въ шумъ горнаго ключа.

И з ъ 32 П с а л м а.

Сстройте гусли, славы чада!
Гряньте въ праздничный шимпань!
Пойте Богу! — Онъ ошрада,
Спражь и Царь Сіонскихъ странъ.
Пойте Богу! — Онъ всесиленъ;

Правосуденъ , милосердъ ;
 Съ Нимъ Израиль въ браняхъ швердъ
 И богашствомъ изобилень.
 Пойте Богу ! — Имъ крѣпка
 Царства нашего держава ,
 И побѣды дивной слава
 Знаменища и громка.

*

Словомъ Божимъ ушвердилась
 Звѣздныхъ сводовъ высота ;
 Духомъ устъ Его свершилась
 Сила , жизнь и красота.
 Онъ изрекъ : „да будешь время ,
 Тьма ночная , дневный свѣтъ ;
 Да прозябнешь , возрастетъ
 Кедръ и былинки сѣмя ;
 Да прольются шоки рѣкъ ,
 Пшеницы въ воздухъ воскрмляшся ,
 Звѣри въ дебряхъ поселяшся
 И явившся человекъ !“

*

Рекъ — и вдругъ хаосъ ужасный
 Видъ предестинный воспринялъ :
 Солнца краснаго лучъ ясный
 Надъ землею возсіялъ ,
 Милліоны звѣздъ зажглись ,
 Засвѣтилася луна ,
 Темныхъ пропастей со дна
 Къ небу горы вознеслись ,
 Океанъ въ брега вошелъ ,
 Пальмы осыпали сушу ,

Все приняло образъ, душу :
Миръ родился и зацвѣлъ.

Да шрепещеть и смирился
Предъ Творцемъ своимъ вся тварь!

Да повсюду воцарится
Богъ единый — міра Царь!

Онъ одинъ въ могущей длани
Держишь жребій царствъ земныхъ;

Онъ одинъ караетъ вѣкъ
И судьбами править брани.

Не забудьте Божій страхъ,
Свѣта срочнаго Владыки!

Вы для смертнаго велики,
Но предъ Богомъ — ничто — же прахъ.

Псаломъ 19.

Воскликнемъ Богу въ день печали!

Услышитъ — и Царя спасетъ.

Хотя бь мечи вездѣ звучали,

Хотя бы весь пространный свѣтъ

Противу насъ вооружился,

Въ границы наши устремился

Какъ моря шумнаго приливъ —

Онъ не коснется врагъ Сіона!

Тамъ врагъ не поколеблетъ прона,

Гдѣ Властелинъ благочестивъ.

Гдѣ въ разумахъ свѣтильникъ вѣры

Сомнѣніемъ не пошущенъ,

Тамъ всѣ благоуспѣшны мѣры

И средствъ вредитъ злодѣй лишень;

Ч. V. No XVII, XVIII, XIX и XX. 14

Тамъ презрѣтъ вѣсти льстецъ ничтожный ;
 Тамъ Сильный — другъ Царю неложный ,
 Присягъ вѣренъ гражданинъ ,
 Судья не спрашенъ для народа ,
 Надеженъ въ брани воевода ,
 И каждый воинъ — исполнь.

Въ часъ грозный , вооружае мольбою ,
 Усилие вѣрой Царску даиъ ,
 Изыдешъ ты безъ страха къ бою
 И счастливо окончишь брань ,
 Безсмертную заслужишь славу.
 Самъ Богъ возыкъ твою державу
 Всѣхъ паче царствъ превознесетъ :
 Онъ жертвъ твоихъ не забудетъ ,
 Хранишь ли твой всегдашній будешь
 И отъ льстецовъ твой тронъ спасешь.

Тогда победы звукъ гремящій
 Гражданъ твоихъ возвеселитъ ,
 И врагъ , плѣненьемъ намъ грозящій ,
 Какъ въпръ гонимый убѣжитъ ;
 Смирятся духи своевольны ;
 Лъстецы , измѣнники крामольны
 Исчезнушъ всѣ , падушъ во адъ ;
 Тогда увѣрятся языки ,
 Что свѣща цѣлаго Владыки
 Бесильны противъ Божьихъ чадъ.

Пускай враги числомъ гордятся ,
 Мечи и громъ въ рукахъ несутъ —
 Одни на колесницахъ мчашся ,

Другіе на коняхъ текутъ ;
 А мы, вооружась мольбою,
 Подъ сильною Твоею рукою
 Измдемъ пѣшіе на нихъ,
 И предъ стѣной Ерусалима,
 Какъ нову рашь Сennaхерима
 Сразимъ и уничтожимъ ихъ.

* * *

О Ты, владѣющій Судьбами!
 Услышь мольбу своихъ людей!
 Мы всѣ, единими устами,
 Взываемъ къ благости Твоей;
 Спаси Царя отъ бѣды случайныхъ,
 Избави отъ навістовъ тайныхъ,
 Предоохрани отъ лъвныхъ золь;
 Продаи, продаи Сіона славу,
 Любовью укрѣпи Державу,
 А върой огради Престолъ!

Изъ Посланія къ Сосѣду.

Не шужи, Сосѣдъ любезный,
 Что фортуна къ намъ строга;
 Грозный случай, вѣкъ желѣзный
 Хошь кому сшибушь рога.
 Зло подъ солнцемъ неизбѣжно,
 Утѣшенье съ горемъ смежно;
 Счастіе, какъ вешній лёдъ,
 По кошорому чрезъ воду
 И въ хорошую погоду
 Рѣдкій безъ хлопотъ пройдесть.

Самъ ты человѣкъ учёный ;
 Много слышалъ и видалъ ;
 Самъ ты знаешь міръ крещённый ;
 Кто пушъ славы прошекалъ ,
 Безъ худаго приключенья ?
 Кто избѣгнулъ огорченья ,
 Иль мудрецъ , или герой ?
 Ахъ ! Сократы и Катоны ,
 Цезари и Сципіоны
 Были случая игрой .

Какъ-же счастьемъ пушъ заслужишь ?
 Какъ пушъ славу заслужишь ?
 Самъ ты долженъ въ томъ признайся —
 Мудрено на свѣтѣ жить !
 Трудно въ время такое
 Намъ , Сосѣдъ , руно златое ,
 Честнымъ образомъ достать ,
 Спрасши хуже , чѣмъ дракономъ :
 Мы съ тобою не Язоны ;
 Чшо-жъ напрасно хлопотать ?

Самъ ты видишь — нѣтъ надежды
 Стѣну лбомъ проколошишь ,
 Чувство сильнаго невѣжды
 На добро оборошишь .
 Спрасши цѣлый міръ дурачать ;
 Ничего при нихъ не значать
 Знаменитые Умы .
 Наша жизнь — опасно море ;
 Если вѣтъхъ удѣлъ есть горе ,
 Такъ потерпимъ - же и мы .

*

Будь утѣренъ — достаётся
 Вѣтъ сесприцамъ по серьгамъ;
 Зло по свѣту шакъ и льётся.
 Покоримся временамъ!
 Не одни мы промахъ дали,
 На худыхъ людей попали:
 Сами боги, въ злые дни,
 Жершвой случая бывають;
 Государства исчезаютъ,
 Какъ воздушные огни!

Право попуешу шрудитъ
 Умъ Судьбу пересудитъ:
 Можно ль каръ умудришь
 Исполни побѣдишь?
 Человѣкъ - слѣпецъ мечтаетъ,
 А Судьба опредѣляетъ.
 Такъ и бытъ! И лъзя ли намъ
 Взять въ опеку Провидѣнье,
 И другое направленье
 Дать развратнымъ временамъ?

Остановимся - жъ на этомъ,
 Отдадимъ поклонъ мечтѣ,
 И, простясь съ коварнымъ свѣтомъ,
 Возвратимся въ прошлое;
 Познакомимся съ природой,
 Съ добродѣтелью, свободой —
 Погостимъ, хоть день у нихъ.
 Ахъ! пора за умъ прикнаться,
 Жить и жизнью наслаждаться
 Посреди друзей своихъ.

Не желай утѣхъ излишнихъ,
 Милліоновъ и лѣщеновъ,
 Не желай чершоговъ дышникъ,
 Громкихъ почестей, вѣнцовъ:
 Тамъ, на бархатныхъ диванахъ,
 Съ милліонами въ карманахъ,
 Пришупя и вкусъ и зорь,
 Дремлешь въ нѣгѣ пресыщенъ,
 Какъ ночное привидѣнье
 На верху пустынныхъ горъ!

Вѣрь, Сосѣдъ! блаженства розы
 Въ свѣтѣ шумномъ не цвѣтутъ;
 Я слыхалъ, что горьки слѣзы
 Черезъ золото текутъ...
 Что такое наше счастье?
 Говорятъ — одно пристрастіе
 Только къ выгодамъ своимъ.
 Если такъ — по сей примѣтъ,
 И у бѣднаго въ подклѣтѣ
 Можно повстрѣчаться съ нимъ.

Не мрудишь лѣзть высоко,
 Милый, унылый мой Сосѣдъ!
 Не ищи утѣхъ далеко
 Самому себѣ на вредъ.
 Счастье не за горами,
 Не за темными лѣсами,
 И не въ тѣхъ большихъ домахъ,
 Гдѣ къ хозяину безъ спроса

Показать не можно ноща;
Милый другъ! оно — въ сердцахъ!

Изъ Посланія къ Свѣтѣ.

Какъ бѣла сія бумага,
Такъ душою будь бѣла;
Отличай добро отъ зла,
Безъ шого нѣтъ въ жизни блага.

Не надѣйся, что прекрасна,
Если зла въ тебѣ душа:
Будешь все нехороша,
Въ дружбѣ и любви несчастна.

Наши взоры привлекаешь
Праксиселевъ испуканъ,
Но надолго ли обманъ?
Умъ взглянулъ — и забываешь.

Не надѣйся, что богата,
Если къ золоту жадна;
Будешь вѣкъ грустишь одна
И зѣвашь на кучи злата.

Сребролюбцу не достанутъ
Мирныхъ дней и царскій шронъ;
Креза пристыдитъ Солонъ,
Если счастье османишь.

Не надѣйся, что дворянствомъ
Можешь хвастать за сто лѣтъ;
Сердцу въ шилахъ нужды нѣтъ,
Разумъ презираешь чванствомъ.

Місяць світишь, но не грѣшь;
 Такъ дворянство безъ ума.
 Знанность гордая сама
 Спримъ въ эпомъ не посмѣшь.

Не надѣйся, что ученємъ
 Разумъ швой обогащенъ:
 Если онъ собой прельщенъ,
 Поздравляю съ заблужденємъ.

Просвѣщеніе безъ свѣта,
 Остроша безъ доброты,
 Красота безъ простоты —
 Есть подложная монета.

Гдѣ есть страсти, тамъ страданье;
 Легче шигра усмирить,
 Чѣмъ разсудку покорить
 Своенравное желанье.

На пуши, гдѣ всѣхъ тревожишь,
 Буря пагубныхъ страстей,
 Тамъ утонишь и ручей.
 Все, мой другъ, случисься, можешь.

Но довольно. Еслибъ мы вздумали выписывать все хорошее, намъ должно бы списать почти всѣ Псалмы и философскія Посланія. Конечно есть и у Шашрова свои недоспашки (кто-жъ ихъ не имѣешь?); но они исчезаютъ въ красотахъ.

V. ПРИВАВЛЕНІЕ (*).

1. Нѣчто о низовьяхъ Дуная.

Дунай, у Древнихъ Исперъ, Истръ, извѣстный Иродоту и описанный симъ Опцемъ Исторіи, принимая въ себя воды Серета и Прута, по естѣ почти всѣхъ рѣкъ, орошающихъ обѣ Валахию, Молдавію и Бессарабію — въ окрестностяхъ Браилова становится великимъ. Славная рѣка сія, определенная рокомъ, отъ временъ самой отдаленной древности до лѣтъ наспоющихъ, вбираетъ въ свои воды кровь человеческую, льющуюся въ войнахъ отъ пышной Вѣны до унылыхъ для пловца Гирль Сулина, образуетъ большія острова, изъ коихъ Чапалъ и Лепи суть достопримѣчательнѣйшіе. Разные бродячіе воинственные народы любили берега Дуная; здѣсь обыкновенно они останавливались на отдыхъ, или жили.

Но берега сей рѣки Римлянамъ были почти неизвѣстны, или они мало обращали на нихъ вниманія до временъ Траяна. Сей Государь, преисполненный добродѣтели и дѣятельности, какъ говоритъ Плиній, получилъ воспитаніе воина и обладалъ талантами военачальника. Въ его правленіе завоеванія зашли миролюбивую систему Августа, и легіоны Рима,

(*) Въ слѣдующіи слѣдующіе прилагаются особо, по причинѣ поздняго доспавленія.

спустя долгое время, наконецъ увидѣли среди себя Императора, достойнаго повѣствовать ими. Траянъ прежде всего ознаменовалъ себя прошивъ Даковъ, народа воинственнаго, который обижалъ за Дунаемъ и который въ царствованіе Домиціана ненаказанно оскорблялъ величіе Рима. Къ силѣ и отважности варваровъ Даки присоединяли сіе презрѣніе къ жизни, которое вдыхала имъ увѣренность въ безсмертіи, или переселеніи душъ. Безсмертными называютъ они себя пошому, говорятъ Отецъ Исторіи (*), что думаютъ, будто они не умираютъ, но, отходя отсюда, идущъ къ богу *Залмоксу* (**), коего нѣкоторые изъ нихъ почитаютъ за одно съ *Гебелейцисомъ*. Черезъ каждыя пять лѣтъ, они посылаютъ къ Залмоксу по жеребью изъ среды себя посла, наказывая ему каждый, чего желаетъ отъ своего бога. Вошь какъ посольство сіе отправляется. Одни изъ нихъ стоятъ со стрѣлами въ рукахъ; другіе, взявъ посылаемаго къ Залмоксу за руки и за ноги, раскачавши его, бросаютъ по воздуху на копья. Если пронзенный умретъ, то они почитаютъ сіе знакомъ благоводенія къ нимъ сего бога; если же

(*) Иродотъ перев. Н. И. Маршанова, книга IV, глава 94. *Прим. Сог.*

(**) Залмоксъ, на Фракійскомъ языкѣ значитъ *медвѣжью кожу*. Порфирій въ жизни Пифагора (CXIV, стр. 16) говоритъ, что ему имя сіе дали для того, что покрыли его шкурою сего жаднаго при самомъ его рожденіи. *Ibid.* *Прим. Сог.*

не умреть, винявъ въ немъ самого посланнаго, называя его злымъ челоукомъ. Обвинивъ сего, посылають другаго, и доколѣ онъ еще живъ, дають ему порученія. Сіи народы имѣють обычай, когда бываетъ громъ или молнія, стрѣлять изъ лука вверхъ къ небу, угрожая богу, попому что они другаго бога, кромѣ своего, не признають.

На сихъ-то страшныхъ народовъ предпринявъ напастъ Императоръ. Они имѣли Царемъ Децебала, не недосшойваго соперника Траяну. Децебаль не ощущаялся въ счастіи своемъ и своихъ подданныхъ, доколѣ не испощилъ, по признанію самихъ враговъ его, всѣхъ средствъ и пособій своего мужества и полишки. Сія достопамятная война продолжалась безпрерывно пять лѣтъ: Траянъ, копорый по произволу могъ располагать всѣми силами Государства, оспался побѣдишемъ и совершенно покорилъ варваровъ. Тогда Дакія, вопреки правилъ Августа, снова вошла въ составъ Имперіи и получила естественныя границы: Днѣспръ, Тейсъ, Нижній - Дунай и Поншъ Евксинскій. Прекрасное описаніе сей провинціи можно читать съ удовольствіемъ и великою пользою для каждаго Россіянина въ настоящее время въ сочиненіи знаменитаго д'Анвилля, къ сожалѣнію еще никмъ не переведенномъ на языкъ отечественный (*). Еще валь Траяновъ суще-

(*) *Memoire de M. d'Anville, sur la Province de Dacie, dans le recueil de l'Academie des Inscriptions. Tom. XXVIII, pag. 444 — 468. Прим. Сок.*

сплываетъ за Дунаемъ; на немъ развѣвается знамя победы Славянъ Сѣверныхъ; и окопы Траяна, остающіеся въ рукахъ нашихъ залогомъ будущихъ великихъ успѣховъ — окопы, чрезъ коихъ безспрашно переступилъ на дальнѣйшій подвигъ Царь Россіи, видѣли черпы великаго Римскаго Императора въ образѣ Николая, устремляющагося на Восшокъ, загроможденный кочевьемъ Варваровъ.

Послѣ Траяна другой великій Мужъ явился на сѣмъ поприщѣ — сынъ Сирміумскаго пахаря, одинъ изъ знаменитѣйшихъ Римскихъ Императоровъ, побѣдитель прекрасной мудрой героини Пальмиры, Аврелианъ, который удалил войска изъ Дакии, благоразумно оставивъ сію обширную провинцію Готтамъ и Вандаламъ. Онъ предвидѣлъ всю пользу, какую получаютъ Римляне, сжавъ, шакъ сказать, чрезмѣрно пространные предѣлы Государства — и независимая Дакиа не однажды служила ему самымъ надежнымъ оплотомъ противу дикарей Сѣвера. Между тѣмъ оба берега Дуная нечувствительно пребывали въ обоюдномъ между собою сношеніи: языкъ и торговые обороты требовали того и покровительствовали сію взаимность. Сюда приводитъ насъ Несторъ Словень: „По многихъ же временяхъ (т. е. описъ раздѣленія 72 языковъ) сѣмъ сущъ Словѣни по Дунаевѣ.“ Къ сожалѣнію, неопредѣлительна сія хронологія. *Волохи* (*) по-

(*) О сомнѣніяхъ, что за народъ были эти Волохи, см. прекрасный разборъ Шлецера въ его Несторѣ. Частъ I, Глава IV, стр. 140—143. *Прим. Сог.*

итѣснили здѣсь Славянь, которые и перекочевали къ Вислѣ.

При Императорѣ Деціи (по Р. Х. 250 годъ) Готы проложили для себя путь къ Дунаю. Свирѣпые Гунны изгнали большую часть ихъ, и Вадонитъ имѣлъ неблагоразуміе принять въ нѣдра Имперіи народъ, бѣгущій изъ - за Дуная. Явились Угры или Маджары, за ними Булгары, Хазары, и съ 900 года по Р. Х. Печенѣги, народъ хищный, овладѣвшій частию береговъ Дуная.

Въ сіи годины переселенія и обшудной смѣны народовъ, при Дунаѣ кочующихъ, не открываемъ ни слѣдовъ жизни благоустроенной, ни законовъ общежитія. Нарушеніе спокойствія живущихъ, грабежъ, презрѣніе ко всему, что священно для гражданскаго человека, къ искусствамъ, рукодѣлію, письменамъ — ознаменовываютъ вѣки жизни Ордъ, бродившихъ здѣсь, въ низовьяхъ Дуная, съ мѣста на мѣсто.

Но можешь быть и сіи вѣки были богаты своими мирными добродѣтелями; можешь быть, здѣсь нѣкогда существовали гражданскія общества — по крайней мѣрѣ все это для насъ утрачено. Писатели, лишены основательныхъ матеріаловъ Исторіи, передѣлали все по своему воображенію (ибо неестественно, кому бы то ни было, удержавъ въ памяти всѣ занимательныя или поучительныя происшествія нѣсколькихъ вѣковъ) — и такимъ образомъ колыбель семействъ многихъ милліоновъ людей осмѣшена окруженною, говоря языкомъ

Поэзія, столько-же густымъ мракомъ, какъ и ночь гроба!

Впрочемъ, какъ естественны сіи переселенія въ климатахъ благословенныхъ! Дѣши природы имѣли основательную привычку покидать угрюмыя дебри Сѣвера; и, не имѣя нигдѣ своей опчизны, при одномъ воспоминаніи о коей сильно бьется сердце гражданскаго человѣка, они домогались однихъ только избыточныхъ пастбищъ и изобилія водъ: сіе было однимъ изъ необходимѣйшихъ условій для ихъ счастія! Такимъ образомъ все время варварскаго нашествія, равнины низовьевъ Дуная оставались одними только безгласными памятниками непостоянства судебъ человѣческихъ. Въ XIII вѣкѣ явилось на Дунаѣ поселеніе Нупцевъ-Республиканцевъ, кошорые, основавъ (въ исходѣ того-же вѣка) Кафу, не удовольствовались посѣщать однѣ уединенныя равнины того берега Чернаго моря, гдѣ величественный Днѣпръ плашитъ ему дань своими обильными водами; но вошли въ Дунай, увидѣли привлекательный край Булгаріи, замѣтили богатства его и основались въ нѣкошорыхъ пунктахъ. Замокъ въ Журжѣ и понынѣ именуется *Донъ-Жуаномъ*; сверхъ того многія укрѣпленія, болѣе на правомъ высокомъ берегу Дуная, были построены вооруженными купцами для выгодъ торговли, и слѣдственно перѣхавшими труда съ своими капиталами и просвѣщеніемъ. Богатство дало имъ уваженіе жителей всего края; но оружіе служило вѣрнѣй-

твѣо зацѣпкою противу недоброжелателей — Варваревъ. Впрочемъ Исторія поселенцевъ на Дунаѣ чрезвычайно скудна; можешь быть по той причинѣ, что Генуезцы здѣсь занимались болѣе торговлею, нежели бытописаніями.

Нашествіе изъ нѣдръ Азійскихъ на Европу Турковъ, сихъ бичей просвѣщенія, расположившихся кочевать въ опустѣлыя Паушарха и Пашона, гдѣ процвѣтали науки, искусства и художества — снова покрыло сію землю густымъ мракомъ невѣжества.

Скоро Магометь II покорилъ для себя новую столицу. Учасъ столицы содѣялась участію Имперіи и дала средство пылкому завоевателю обратитъ всѣ силы Опшоманскія на Италію и противъ Албаніи. Онъ предположилъ покорить Нандію и Родось; готовился поработить Ташаръ и истребить морскія ополченія Италиянцевъ, для него на Черномъ морѣ весьма опасныя. Магометь зналъ искусство возбуждать умы своего воинственнаго народа; его Опшоманы пылали одною войною, коей пріятельная сила находилась въ покоренной столицѣ, послѣдняго по царствованію, перваго по доблестямъ, Палеолога; и какъ Дунай, рѣка великая; съ сей стороны доспѣшно ограждала предѣлы новой Азійской въ Европѣ Имперіи, то Турки ополчили опсуда внутрь земли, наблюдая по берегамъ оной только нѣкоторыя мѣста, важныя для нихъ въ военномъ отношеніи. Но какъ разрушителямъ обойтись безъ разрушеній?

Ударъ стѣнобойныхъ орудій, молотовъ снѣзался съ ревомъ рѣки шумной: зданія Италіянцевъ и вельможъ Греческихъ падали подъ сокрушающими орудіями Азійскихъ разбойниковъ, которые всюду гордились употребленіемъ чего бы то ни было. Съ паденіемъ Константинополя Греки утратили свое истинное счастье: ибо можно ли наслаждаться счастьемъ на развалинахъ своего отечества?

Новые Европейскіе Султаны, взлелѣанные рабы счастья, предавались только однимъ военнымъ занятіямъ. Они чуждались гражданскихъ мирныхъ добродѣтелей — и на всѣ вещи своего досужія взирали со стороны военной; они передали свой деспотизмъ Пашамъ провинцій — и слабый злой смертный хладнокровно, безъ суда повелѣвалъ казнить собраній своихъ, чловѣковъ! Спрашась многочисленности праздной, буйной, гошовой каждый часъ возмущиться и каждую минушу искавшей на что предлога, нѣкоторые изъ умныхъ Султановъ вели войны наступательныя противу Венгровъ и Поляковъ. Одному изъ нихъ счастье показало башни Вѣны; но Собіевскій спѣшно шелъ выручитьъ градъ Христіанскій. Турки вшоргались и въ область Кіевскую, осаждали Чигиринъ; но сіи походы только пѣшили честполубіе Падішаховъ, ибо настоящій перевѣсъ былъ на сторонѣ Австрійскаго и Московскаго Государей.

Въ сіи войны Турки однокже ознакомились съ пограничными владѣніями своихъ сосѣдей, и, открывая въ нихъ своихъ естественныхъ враговъ, готовыхъ соединиться противу нихъ съ враждебными Христіанскими племенами, имъ подвластными, укрѣпили противу Россіи берега двухъ большихъ рѣкъ: Днѣстра и Дуная. Тогда явились на Днѣстрѣ крѣпости: Хошинъ, Бендеры и Аккерманъ, укрѣпленіе Паланка, замокъ Сороки и еще нѣкошорыя. Браиловъ, Измаиль и Килія начали составлять вторую линію ихъ оборонительной системы на Дунавъ. Всѣ сіи крѣпости слишкомъ извѣстны, впадая въ руки наши во всѣ войны, которыя опъ царствованія Петра Великаго до нынѣшнихъ временъ Россія вела противу Турковъ; но, не отвлекаясь опъ начертанія гражданскаго образованія въ низовьяхъ Дуная, я нѣсколько подробнѣе изложу объ Измаилѣ.

Славная крѣпость сія прикрывается собою собственно такъ называемую Бессарабію опъ всякихъ непріятельскихъ покушеній, которыхъ можно ожидать изъ-за того берега Дуная, опъ Тулчи, по острову Чапалау, гдѣ, между камышемъ и садами, есть твердая, покрывшая дорога: ибо мѣстное положеніе Измаила одно шолько по нашей Дунайской границѣ опъ мѣстечка Ренни до Калейскихъ Гирлъ Дуная (*).

(*) Ихъ три устья или Гирла: Калейское, Егорьевское и Сулинское, обыкновенно называемое Сулинскимъ Дунаемъ. *Прим. Сог.*

способно для высадки. Измаилъ, служившій пристанью, и прикрывавшій нашу флотилію, которая при началѣ военныхъ операцій, быстрымъ движеніемъ занимаетъ Егорьевскій Дунай, разстояніемъ отъ крѣпости верстахъ въ двадцати, чрезъ что непріятельскія суда, которыя найдутся вверху Дуная, всѣ будутъ заперты. Для Турковъ сія крѣпость представляла выгоды не менѣе значительныя, но, въ политическомъ отношеніи, противуположныя. Измаилъ для нихъ былъ пунктъ весьма нужный, потому что здѣсь были ихъ арсеналы и военное депо — и потому болѣе важный, что онъ удерживалъ въ повиновеніи Тапаръ, жившихъ на Буджакъ и, въ случаяхъ нужды, принуждалъ ихъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Европейцы любили замѣчать недоспашокъ сей крѣпости въ ея обширности (она имѣетъ въ окружности болѣе пяти верстъ и 14 бастіоновъ); но сіе едва ли основательно въ отношеніи Турковъ, ибо у нихъ, во всѣхъ крѣпостяхъ, всѣ жилища защищаютъ городскіе валы обще съ присылаемыми войсками. Измаилъ строенъ Европейскимъ Инженеромъ Кауфферомъ, и нѣкоторыя линіи того самаго Измаила, который штурмовалъ Суворовъ, теперь видны внутри крѣпости. Впрочемъ и Кауфферъ не избѣжалъ ошибокъ въ своемъ планѣ, напр. многія части укрѣпленнаго города совсѣмъ не фланжированы, другія дурно, и профиль мѣстами слабъ.

Слѣдуя отъ Аккермана къ границамъ Россіи, по Дунаю, вступаешь въ южный

пустынный міръ! Вмѣсто извѣстнаго Днѣс-
стра, вмѣсто богатыхъ селеній, вино-
градныхъ садовъ, облекающихъ Днѣстров-
скій Лиманъ, предстоишь единообразная
степь; нѣтъ ни кусточка зелени, нѣтъ
нигдѣ ни прутника, нѣтъ воды, нѣтъ жилья,
ежели исключишь землянки на почтовыхъ
станціяхъ; словомъ, нѣтъ ничего кромѣ
неба и земли. За Булгарской колоніею Тя-
шаръ - Бунаромъ, нѣсколько далѣе, въ раз-
ныхъ направленіяхъ и разной величины
сидѣтся большія озера: Кагуль, Ялпухъ,
Кашлабугъ, Сасикъ, Сафьянъ, большею ча-
стію ознаменованныя событіями въ воен-
ной Исторіи нашего Отечества. Отъ сихъ
прекрасныхъ водъ начинають далеко мѣль-
наша высокія горы Тульчинскія и на ров-
ной плоскости шепчуться земляные опло-
шны Измаила. Сколько воспоминаній слав-
ныхъ и горестныхъ!... Сколько на семь
полей пролило крови братьевъ нашихъ!...
Здѣсь внутри крѣпости, между изогнуты-
ми узкими улицами, въ сей смиренной
обители Вары, въ храмъ ея, сыны Россіи!
опочиваешь прахъ Вейсмана! Еще нѣтъ
памятника Вождю знаменитому — но дай
же свободу чувствамъ вашимъ; да не воз-
мушащая способности души вашей! Успре-
мите внимательные взоры ваши на сіи
величественныя горы Исакти и Тульчи,
на равнины Карасу (*): онѣ суть лучшіе,
неизгладимые монументы Вейсмана!

(*) Журналъ кампаніи Графа Румянцева - Задунай-
скаго. *Прим. Сов.*

Довольно о войнѣ. Пои́демъ наслади́тъ-
ся новымъ городомъ, подобно магическому
явленію вышедшимъ изъ нѣдръ земли на
этомъ пустырѣ. Не прошло еще двухъ
десятилетій, какъ сіе мѣсто было полемъ
битвъ упорныхъ, кровопролитнѣйшихъ. Те-
перь здѣсь нѣсколько церквей, правильныя
улицы, площади, лавки и богатѣе складоч-
ныя купеческія магазины; на каждомъ шагѣ
видны слѣды довольства, чистоты.

Здѣсь, на предѣлахъ Вессарабіи, из-
стари намъ непріязненной и приобретен-
ной отъ Порты только въ 1812 году, вы
слышите свой національный языкъ. Вамъ
говорятъ, что сіи соотечественники наши
очень недавно были злыми нашими не-
пріятелями; что они сражались неутомимо
и мужественно противу полковъ Русскихъ
на противулежащемъ островѣ Чатаалъ, дѣй-
ствовали противъ Русской флотиліи, подъ
Измаиломъ находившейся — и вы узнаете
въ жителѣхъ Измаильскаго предмѣстія на-
шихъ Некрасовцевъ.

Сергій Алексѣевичъ Тучковъ, въ про-
шедшую войну съ Турками, когда наша
армія, дѣйствуя за Дунаемъ, покорила Из-
маиль, основалъ это поселеніе. Геній сего
друга человѣчества и просвѣщенія могъ по-
дѣйствовать надъ умами одичалыхъ Некра-
совцевъ. Генералъ, владѣющій даромъ сло-
ва (*), часто бесѣдовалъ съ ними, указалъ

(*) Прекрасный переводъ трагедій Расиновыхъ, одѣ
Горация, Военный Словарь и другія сочиненія —

имъ мѣсто будущей селишьбы ихъ, и они приняли предложеніе и спали спроишься на приапноиъ возвышеніи близъ крѣпости. Сей подвигъ Тучкова шѣмъ болѣе дошюиъ удивленія, что бури долищическія ещюль-же шрудныя бывающъ къ ушишенію, какъ и бури въ природѣ! Изобиліе Дунайскихъ лесовъ, я. е. здѣшнихъ благодѣтельныхъ камышей, скоро дало пришельцамъ новыя дома; богатѣйшіе рыбныя промыслы и сбытъ произведеній по судоходной рѣкѣ преимущественно споспѣшествовали къ увеличенію новаго города, который и въ началѣ своемъ уже не спрашилъ ничего подъ защиюю прознаго Измаила и своихъ воинственныиъ гражданъ. Такимъ образомъ послѣ опшѣсненія Европейцевъ изъ спранъ Придунайскихъ, Тучковъ настѣялъ здѣсь первая сѣмена гражданспвенности! Какой предметъ для Историка! Здѣшніе жипели не дѣши Девкаліона, происшедшіе изъ камней, и не войны Кадма, вышедшіе изъ зубовъ драконовыхъ (*) — они коренныя Россіане, нѣкогда озлобленные проши-ву своей опчизны, слишкомъ ожесточенные прошиву оной, можешъ бытъ чрезъ мѣру злопамятныя, но шеперь вышедшіе изъ сна невѣжеспва и снова призванные подъ сынъ Опечеспва геніемъ одного великаго чело-вѣка! Вошъ одна черща прекрасная изъ Исторіи челошѣсптва опъ самой колыбели

поспанающъ С. А. Тучкова въ числѣ нашихъ зна-менишѣишкъ Писателей. *Прим. Сог.*

(*) *Metamor. d' Ovide. Liv. III. Прим. Сог.*

его! Кажется, здѣсь оправдывается изреченіе Гезіода, что слова имѣютъ болѣе силы, нежели руки.

Однакожъ не всѣ Некрасовцы изъ-за Дуная переселились къ Измаилу, въ предѣлы Россіи; часть ихъ, удерживаемая привычкою къ мѣсту, оспалась при озеряхъ Бабадагскихъ. Наши братья еще склоняли шрепещущія колѣна, еще повергались въ униженіи предъ надменными Пашами. Прибытіе Государя Императора на берега Дуная было ознаменовано вольноспшми и великодушными наградами, дарованными имъ побѣдоноснымъ Императоромъ. Бабадагскимъ Некрасовцамъ дана двадцатилѣтняя льгота: они пожелали остаться мирными поселенцами.

А. М.

2. В а р н а.

И такъ! послѣ трехъ сотъ восьмидесяти четырехъ лѣтъ, когда войска Венгріи и Польши были разбиты Турками на поляхъ Варны, Царь Славянъ Сѣверныхъ ошмшилъ пораженіе неуспрашимаго Владислава. Его пѣнь утѣшена! Пышно безславіи Христіанъ въ книгѣ бышописаній — всегда священной своими истинами для попомковъ — смышо кровію враговъ вѣры Іисусъ-Христовой, и Виновникъ побѣды славной, здѣсь на упорныхъ оплошахъ древняго Одис-

суса (*) является намъ подобно Цезарю Германнику, опыскивающему мѣсто, гдѣ погибли легіоны Квинтилиа Вара, и воздающему послѣдній умилишельный долгъ падшимъ подъ ударами свирѣпаго Арминія (**)! Безъ союзниковъ, кромѣ своего мужества, въ довѣріи къ Государю Великому, Россіянѣ получили ключъ Византіи, и границы Балкановъ, оплотъ ненадежный для Азійскихъ варваровъ, ошнынѣ послужашъ матеріалами для сооружежія пышнаго памятника славы Россіи!

Варна пала — и въ грозномъ пожарѣ своемъ освѣтила свободу потомковъ Семи-спокла, Леонида и Тимолеона; съ высокихъ башенъ Варненскихъ перешагнувъ спопоу пвердою на Луну, склонившуюся долу, Ангель Креста и вольности уже воспарилъ на проясняющемъ горизонтѣ Славы!

Осшавимъ падшую Варну; раскроемъ лѣшописи народовъ, и изъ нихъ извлечемъ событія, здѣсь въ 1444 году случившіяся, великія по своей занимательности. Чшобы знашь происшествія временъ давно-прошешихъ, надобно, шакъ сказать, совершить путешешствіе въ царство Мершныхъ: въ одной толькѣ бесѣдѣ съ мершвецами мудрыми, наблюдашель открываешь достовѣрность или мнимосшь повѣсти. Вшораз эпо-

(*) Варна, въ древности Одиссусъ, населенная Милетскими выходцами и названная симъ именемъ въ честь Улисса. *Прим. Сог.*

(**) Tacite Tom. 1, pag. 127. *Прим. Сог.*

ха, счастливѣйшая первой, эпоха докоренія сей знаменитой крѣпости, да обрѣшеть писателя-очевидца; дѣла славныя сухопутныхъ и морскихъ ополченій Царя Русскаго, совершенныя предъ очами Представителей первосвященныхъ Державъ Европейскихъ, заслуживають кисти искуснаго художника, шѣмъ паче, что воспоминанія и самое оживленіе въ листахъ Исторіи знаменитыхъ подвиговъ раждають новыя, или подобныя!

Флорентинскій соборъ, послѣ бывшаго въ Ферраро, снова убѣдилъ о невозможности соединенія Церквей Западной съ Восточною. Не смотря на внѣшность согласія и кляшвенныя удостовѣренія Чиновъ обоихъ вѣроисповѣданій, соединеніе ихъ воедино скоро исчезло, какъ сонъ. Греческій Императоръ съ власными духовными и гражданскими, по двухлѣпнемъ пребываніи въ Италіи, отправился на Венеціанскихъ галерахъ въ свое опечество; но, пристава къ берегу, онъ былъ встрѣченъ крикомъ всеобщаго негодованія. Во все время, какъ столица оставалась безъ Государя, безъ священныхъ, безъ начальниковъ, нѣкоторые беспокойные, смущливые монахи, руководимые фанатизмомъ, исподволь спарались произвестъ безначаліе, управляя совѣстію людей преклонныхъ годами или слѣпо набожныхъ, а также женщинъ и дѣтей; они знали искусство вездѣ, при всякомъ случаѣ, внушать имъ ненависть къ *Латинамъ*. Между шѣмъ, какъ пламя гибельна-

го раскола пересступило за предѣлы Греческой Имперіи — Папріархи Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій съ твердо-стію ошвергли постановленія Феррарскаго и Флорентинскаго соборовъ, даже угрожали ошлучишь Императора ошъ Церкви Вос-сночной. Палеологъ, хопя и въспревоженный сшоль рѣшишельными мѣрами блюсшиселей пасшвы своего Царства, все еще думаль прошивуборсшвовашъ господсшвующему въро-исповѣданію; но посшоянное ошверженіе народомъ догмашовъ Католическихъ ош-крыло ему всю великосшь его ошибки — при-няшъ ученіе Паписшовъ. Сшрасши кипѣли въ Визаншіи — думали о расколѣ, горячи-лись, спорили — и ошавляли мѣрское дѣло, чшобы развизывашъ шакія духовныя истины, ясное поняшіе коихъ въ шо время не было удѣломъ челошъка.

Евгеній весьма помнилъ объ исполненіи обшповъ, данныхъ имъ Грекамъ. Сей Перво-сшященникъ Рима пишаль нѣжную привязан-ность къ Греческой Имперіи, между шѣмъ душа сшарца колебалась при помышленіи, чшю Турки могушъ ворвашъ въ Ишалію и ошустошисшь ее. Но духъ крестовыхъ походовъ уже не сущесшвоваль болѣе и Фран-ки, вмѣсто эншузіазма, явили щеперь ка-кую-шо неизъяснимую, ничѣмъ неизвиня-емую холодносшь. Слабый Фридерикъ, какъ Имперашоръ, не имѣль къ себѣ ни-какого почшенія ошъ народа Нѣмецкаго, уже взволнованнаго Іоанномъ Гусомъ; про-должисшельныя войны ишощили силы Фран-

ціи и Англіи; Италія занималась дѣлами церковными и торговыми; Португалія мореплаваніемъ и открытіями въ Африкѣ; только Венгрія и Польша изъявили благородную готовность ополчиться противу Турковъ. Онѣ желали остановить успѣхи ихъ, становившіеся страшными для Христіанства.

Но слишкомъ чрезмѣрный порывъ ихъ къ сему состязанію содѣлывалъ оба сіи народа въ частности неспособными ни къ согласію, ни къ повиновенію. Земли ихъ изнищали и Король не имѣлъ столько власти и средствъ, чтобы содержать усвоенную армію. Иррегулярной Венгерской и Польской конницѣ не доставало того вооруженія и шѣхъ чувствованій, которыми въ иныхъ случаяхъ давали Французской кавалеріи ничѣмъ несокрушаемое мужество. Одинъ Владиславъ, юный, честлюбивый, мужественный, соединявшій на своей главѣ корону Польскую и Венгерскую, и Іоаннъ Гунніадъ, коего имя уже славилось между Христіянами, было грозно для Турковъ — одни сіи мужи ручались за успѣхъ будущаго предпріятія. Греческій Императоръ, съ твердостью, чуждою для предковъ его, принялъ на себя защиту Босфора, и далъ слово выступить изъ Константинополя, предводительствуя собственными и наемными войсками.

Война священная! былъ единственный кликъ на сеймахъ Польши и Венгріи; и Владиславъ, переправясь за Дунай, по-

велъ армію своихъ подданныхъ-союзниковъ въ Софію, столицу Булгаріи. На семъ походѣ онъ одержалъ двѣ блестящія победы, которыя, по справедливости, были отнесены къ мужеству и дѣйствіямъ Гунніада. Въ первомъ дѣлѣ онъ командовалъ авангардомъ изъ десяти тысячъ человекъ, съ которыми ударилъ въ распахъ на лагерь Турецкій; въ другомъ Гунніадъ поразилъ и плѣнилъ одного изъ прославившихся Пашей Турецкихъ, не взирая на двойную невыгоду и мѣстнаго положенія и числа войскъ. Приближающаяся зима и препяшствія естественныя и искусственныя горъ Гемусъ остановили сего героя, котораго шестидневный переходъ могъ бы привести отъ подошвы ихъ до непришельскихъ башенъ Адрианопольскихъ, или въ столицу приязненную Греческой Имперіи. Армія побѣдишелей, ни къ чему не превращенная, спокойно отступала, и вслѣдствіе полковъ въ Буду въ одно время имѣло видъ и воинскаго пріума и духовнаго шествія. Король, сопровождаемый воинами, пѣшешествовалъ между двухъ рядовъ духовенства; на всѣхъ правыхъ онъ вѣсилъ заслуги и далъ награды обоимъ народамъ, и набожное смиреніе Христіанина здѣсь умалило тщеславіе побѣды. Тридцать тысячъ Опшоманъ пало въ сихъ сраженіяхъ, какъ свидѣтельствуютъ письма Венгерцевъ къ Императору Фридрику III. Но самымъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ успѣховъ Владислава было прибытіе посланниковъ Турецкихъ, уполномоченныхъ ис-

просить миръ, выкупить пленныхъ, очистить Сербію и границы Венгріи. По сему пракшапу, заключенному на сеймъ Сегедина, Король, Деспотъ, удалившійся изъ Сербіи, и Гунніадъ, получили всѣ выгоды, какихъ могли желать въ отношеніи общественномъ и частномъ. Въ Сегединѣ условились о перемиріи на десять лѣтъ; ученики Иисуса Христа и послѣдователи Магомета произнесли клятву, первые на Св. Евангеліи, послѣдніе на Коранѣ; обѣ стороны равномерно призывали имя Бога, доборника истинны и мстителя вѣроломства.

Онѣ Римскаго Двора присутствовалъ на народномъ сеймѣ Кардиналъ Цезарини. Какъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при заключеніи упомянутаго пракшапа и виновникомъ новой войны противу опрашнаго Амураша, то мы представимъ нѣкоторый очеркъ характера сего знаменитаго своего времени мужа.

Юліанъ Цезарини происходилъ изъ знанѣйшей Римской фамиліи. Гибкій умъ его обнималъ всѣ отрасли науки Юридической и Теологической Грековъ и Латиновъ, а сила его генія давала ему вѣрный и полный успѣхъ въ Академіяхъ, при Дворѣ и въ лагеряхъ. Какъ достойнѣйшій изъ Кардиналовъ, онъ былъ посланъ въ Германію убѣдить Императора принять оружіе противу мятежниковъ и ерешиковъ Богемскихъ. Хотя духъ преслѣдованія не достоинъ Христіанина и ремесло войны не приличествуетъ сану духовному; но обычай дѣла изъ-

таякая первое; и Юліанъ облагородилъ друзей своею неустрашимостію, оспівался однимъ непоколебимымъ среди постыднаго пораженія Намцовъ. Въ качествѣ Легата Папскаго, Цезарини открылъ соборъ въ Базелѣ, и какъ председательствующій на немъ, явилъ себя ревностнѣйшимъ леборникомъ свободы духовенства, и своею ревностію и умнѣемъ дѣлалъ оппозицію въ продолженіе сего дѣлѣ. Предпринимая ярыя спрогнъ прошиву власти и особы Папы Евгемія, по какому-то тайному побужденію, а можетъ быть по совѣсти, Кардиналъ оставилъ на реднюю сторону, удалился изъ Базеля въ Феррару, и на тамошнемъ соборѣ, во время првній Грековъ и Латинъ, обоѣ стороны удивлялись его глубокому познанію въ науку Боролаовской. Ошселъ онъ былъ назначенъ въ Венгрію, и былъ присушствующимъ на послѣднемъ сеймѣ.

Кардиналъ видѣлъ, что онъ одинъ не въ силахъ воспрошиваться воли народа и Государа, и потому во время разсужденій о помызъ мира наблюдалъ глубокое молчаніе. Еще сеймъ не былъ распушенъ, какъ къ нему прибылъ нарочный съ извѣстіями весьма важными, что Султанъ Нараманскій, врагъ Амурашовъ, произвелъ сильную диверсію въ Анаполію, и Императоръ Греческій напалъ на Оракію; что влошы Венеціанской, Генуэзской, и Бургонской заняли Геллеспоннъ, и что союзники, знавшіе о побѣдѣ Владислава, но неизвѣстные о мирѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія его

архи. „Такихъ-то образомъ — вскричалъ Кардиналъ Королю, возвеличась при сихъ счастливыхъ вѣспяхъ — такимъ-то образомъ вы обманываете надежды союзниковъ: и! покидаете ваше собщиственное счастье! Вы дали клятву намъ, вашему Богу и Христіанамъ, браниямъ вашимъ; и первый обѣтъ присяги вашей оправденъ присягою неблагоразумною и святошаиспивежною, промѣшенною врагамъ Исусъ-Христовымъ. Въ семъ мѣрѣ Папа Его Намѣстникъ; вы не власнымъ закономъ ни обѣщашъ, ни дѣйствовашъ безъ благословенія Святаго Ошца. Его именемъ я освящаю оружіе ваше и слагаю съ васъ клятвенное преступленіе. Слѣдуйте за мною спеземо спасенія и славы, и если осмѣетесь въ васъ безпокойство совѣсти, на меня сложите преступленіе и наказаніе!“

Народныя собранія никогда не бывають посполны, и война скоро была рѣшена въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ клялись Туркамъ о мирѣ. Правила вѣка, общеспивенный воспоргъ при одномъ помыслѣніи освободить отъ нападенія невѣрныхъ Св. Церковь, служили Владиславу плавнымъ оправданіемъ въ семъ случаѣ; но спрашашъ, долженствующій разрывишь его совѣсть, уменьшилъ силы сего Государя. Поляки, чувствовавшіе усталость послѣ опшдаленнаго похода, спѣшили воспользоваться позволеніемъ обратишь въ общество; ихъ воеводы соскучились о своихъ помѣстьяхъ и сверхъ того, кажутся,

нѣ не нравилось оставаться долѣе въ провинченіи у иностранныхъ начальниковъ. Нѣмецкіе и Французскіе охотники удалились съ ропотомъ негодованія, едва услышавъ о мирѣ; междоусобіе раздѣляло Венгерцовъ — и такимъ образомъ число остающагося войска не превышало двадцати тысячъ. Одинъ Валахскій Господарь, присоединившійся съ своими васаллами къ арміи Королевской, осмѣлился замѣтить, что Султанъ, выѣзжая на охоту, часто бываетъ соопущенъ не меньшимъ числомъ войска, какъ Королевская армія, и что двѣ лошади удивительной быстроты, присланныя ему въ даръ Владиславу, могутъ означать, что онъ предсказываетъ о будущемъ. Но Деспотъ Сербіи, получившій свое царство и своихъ дѣтей, льстился приобрьщеніемъ новыхъ владѣній. Неопытность Владислава, энтузіазмъ Легація, самомечтаніе храбрѣйшаго Гунніада, убѣдили Короля, что всѣ предпріятія должны рушиться предъ несокрушаемымъ могуществомъ его меча и Креста. Переправясь черезъ Дунай, двумя путями достигаютъ Константинополя и береговъ Геллесπονта. Одна дорога, прямая, идетъ чрезъ горы Гемусъ, но она чрезвычайно гориста и затруднительна; другая, дальнѣйшая, но гораздо удобнѣйшая ближней, проложена по берегамъ Чернаго моря — послѣдняя была предпочтена первой. Армія Капюлицеская проходила Булгарію, предавая огню все встрѣчающееся, немилосердо истребляя

церкви и тамошніи Христіанскіи селенія, и заняла свою послѣднюю позицію близъ Чернаго моря у Варны — мѣста, содѣлавшагося извѣстнымъ пораженіемъ и смертію Владислава и славными побѣдами Николая Того чрезъ 884 года послѣ того несчастнаго событія.

На сихъ роковыхъ поляхъ, вмѣсто того чтобъ узрѣть многочисленный флотъ, долженствующій содѣйствовать арміи сухопутной — союзники узнали, что Амуранъ, вышедши изъ своего уединенія, коему посрашилъ было дни свои въ Магнезіи, прибылъ со всеми силами своей Азіи на помощь завоеваніямъ своимъ въ Европѣ. Здѣсь объясняютъ нѣкоторые писатели, что Императоръ Греческій, услаженный или совращенный, отдалъ ему переправу чрезъ Босфоръ и что Генуэзскій Адмиралъ, Наполикъ и племянникъ Папы, былъ купленъ, и не могли смыть съ себя пятна позорнаго преслупленія, не сдѣлавъ уже охраняемъ Геллеспонтъ.

Амуранъ, предводительствуя шестидесятью тысячами людей, приближался усиленными переходами, и когда Гунниадъ и Цезарини изблизи могли осмодрѣть устроеніе и число Турковъ, сіи пылкіе воины подали голосъ о рѣширадѣ; но уже всякое отступленіе содѣвалось неудобоисполнимымъ. Только одинъ Король съ твердостію объявилъ, что наступилъ часъ побѣдить или насъ, и чуть было его великодушная рѣшимость не была увѣнчана по-

бѣдою. . . . Оба Государя сражались въ срединѣ, другъ противу друга; Паши Румельскіе и Анапольскіе начальствовали на лѣвомъ и правомъ крылѣ противу дивизій Гунніада и Деспота Сербскаго, и въ первомъ ударѣ оба крыла Турецкой Арміи были прорваны. Но сія поверхность содѣлалась несчастіемъ. Побѣдишели, въ пылу преслѣдованія, слишкомъ занеслись впередъ за убѣгающимъ непріятелемъ, и пошому не было возможности подкрѣпить ихъ. Когда Амурашъ увидѣлъ, что его конница бѣжитъ, онъ опчаялся въ счастіи своемъ и своей Державы; но одинъ старый янычаръ остановилъ за поводъ его лошадь, и Султанъ великодушно просилъ, даже наградилъ рядоваго воина, который дерзнулъ примѣшивъ робость своего повелителя и воспрепятствовалъ его побѣгу. Владиславъ съ корпусомъ, меньшимъ числомъ и уже разстроившимся, мужественно ударилъ на непріятеля и проникъ до непроницаемой фаланги янычаръ, гдѣ, если вѣрится лѣтописямъ Турецкимъ, Амурашъ пронзилъ своимъ копьемъ его лошадь. Владиславъ палъ подъ ударами непріятельской пѣхоты, и одинъ рядовой Турокъ, опрубивъ ему голову, вскричалъ громогласно; „Венгерцы! вотъ голова вашего Короля!“ — Смерть Владислава была знакомъ ихъ пораженія, и Гунніадъ, примчавшійся изъ своего необдуманнаго преслѣдованія, увидѣлъ всю чрезвычайность своей ошибки, причинившей общую гибель. Тщешно онъ усиливался вы-

Ч. V. No XVII, XVIII, XIX и XX. 16

ручилишь шло Короля; подавленный громадою и безпорядкомъ побѣдителей и побѣжденныхъ, Гунниадъ употребилъ послѣднія усилія своей неустрашимости и искусства, чтобы спасти ошатакъ своей Валахской конницы. Десять тысячъ Христіанъ погибло въ губительную Варненскую битву; уронъ Турковъ былъ значителѣнѣе, но въ соразмѣрности ихъ числа менѣе чувствительнѣе. Амурашъ сознался, что другая подобная побѣда сокрушитъ побѣдителя. Онъ повелѣлъ воздвигнуть колонну на помѣсть, гдѣ палъ Владиславъ; въ наше время она уже не существуетъ, но сіи подробности, думаю, не посторонни для Владислава — онъ суть шила его истиннаго благородства!

Главный виновникъ сей брани, Юліанъ Цезарини, погибъ въ общемъ пораженіи подъ Варною. О смерти его рассказываютъ различно; но вообще согласны въ томъ, что золото, коимъ былъ опягченъ Кардиналъ Легашъ, затрудняло его бѣгство, и прельстило нѣкоторыхъ изъ бѣжавшихъ злодѣевъ лишить его жизни.

Спустя чешыре года послѣ несчастнаго сраженія подъ Варною, Гунниадъ вторично проникъ въ сердце Булгаріи, и даже до шрешьяго дни удерживалъ всѣ усилія Оштоманской арміи, *вчетверо его сильнѣйшей*, на равнинахъ Россови. Герой, здѣсь ~~всѣмъ~~ покинутый, бѣжалъ одинъ чрезъ лѣса

Валахскіе, и на пути былъ задержанъ двумя разбойниками; но между тѣмъ, какъ они завели споръ, кому доставался золотой цѣпи, висѣвшей у него на шеѣ, онъ выхватилъ свой мечъ и пронзилъ одного разбойника, другой обратился въ бѣгство. Избѣгая послѣ того новыхъ опасностей, угрожавшихъ его свободѣ и самой жизни, Гунніадъ утѣшилъ опечаленный народъ своимъ явленіемъ. Защита Бѣлграда противу всѣхъ силъ Опшоманскихъ, предводительствуемыхъ Магомешомъ II, была славнѣйшимъ и послѣднимъ изъ подвиговъ его жизни. Турки, по сорокадневной осадѣ достигнувшіе даже до самаго города, были принуждены къ отступленію. Народы, преисполненные радости, прославляли Гунніада и Бѣлградъ, какъ оплотъ Христіанства; но за симъ великимъ избавленіемъ, спустя около мѣсяца (4 Сент. 1456 г.), послѣдовала кончина того, кто произвелъ оное. Гунніадъ раздѣлялъ славу защиты Бѣлграда съ Каписстраномъ, монахомъ Францисканскаго ордена, и наилучшею эпифаніею героя можно считать то соболѣзнованіе, которое явилъ могущественный Магомешъ, услыша о смерти Гунніадовой, ощущая въ надеждѣ опмститься только одному изъ всѣхъ своихъ противниковъ, *никогда* имъ непобѣжденному. При первомъ упраздненіи прона, признашешные Венгерцы избрали и короновали своимъ Королемъ его сына Матіаса Корвина, тогда еще бывшаго осьмнадцатилѣтнимъ юношею. Царствованіе его было продолжи-

тельно и благополучно. Маціасъ покрови-
тельстввалъ науки, и память знамени-
таго Гунніада одолжена своимъ блескомъ
краснорѣчію Орашоровъ и Ишориковъ Ла-
тинскихъ, которыхъ великодушный сынъ
его пригласилъ къ себѣ изъ Ишаліи.

А. М.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Въ походѣ 1817 года К. Ѳ. Калайдовичъ возна-
мѣнился издавать журналъ, посвященный отече-
ственной Исторіи, Археологіи и Словоискусству; не-
пиккая болѣзнь, постигшая его въ началѣ предпри-
ятія, остановила труды его. Друзья К. Ѳ., не желая,
чтобы доброе намѣреніе его осталось тщетнымъ,
рѣшились соединенными силами сооправлять журналъ;
предоставляя ему всю выгоду отъ оного. Вошь именъ
оныхъ особъ, которымъ предъ лицомъ Публики прино-
симъ мы искреннѣйшую благодарность отъ имени бра-
тѣ нашего: С. Т. Аксаковъ, М. А. Дмитриевъ, И.
В. Киреевскій, М. А. Максимовичъ, В. И. Оболенскій,
Д. П. Ознобизинъ, М. П. Погодинъ, С. Е. Рачъ, А.
Ф. Томашевскій, С. П. Шевыревъ и А. С. Ширьевъ;
принявшій на себя изданіе (*).

Таимъ образомъ журналъ воспріялъ начало и
продолжался. Все, что было изготовлено К. Ѳ. К.,
о чемъ мы знали навѣрное, все то напечатано въ
первыхъ нумерахъ; прочія книжки Гда Издатели со-
ставляли изъ собственныхъ матеріаловъ. Хорошо ли
исполнили они добровольно приняшую на себя обязан-
ность, мы не смѣемъ судить, будучи сами въ числѣ
нихъ. Труды литературные подлежатъ сужденію Пуб-
лики, которая, уважая обстоятельства, по крайней
мѣрѣ не скучала замедленіемъ журнала, и мы обязаны
ей благодарностію за сіе снисхожденіе (**).

(*) С. Н. Глинка, подавшій первую мысль — издавать жур-
наль общими силами, В. Н. Каравинъ и Н. А. Полевой
также изъявляли готовность свою участвовать въ со-
ставленіи Зрѣлища; но всѣ нумера оного были уже ра-
зобраны. Приносимъ и имъ благодарность нашу.

(**) Одинъ только Г. Свинкинъ ошозвался весьма невыгодно
и даже неприлично о великодушномъ, можешь бышь

Остановка первыхъ номеровъ Зрищеля прекратила подписку, которая сначала шла успешно. Собрания, вѣдущая, за исключеніемъ предварительныхъ издержекъ, шло, мало, что не улаживая за печатаніе, бумагу, и прочее, едва ли будетъ какой остатокъ въ пользу К. О. К. Но есть еще нѣсколько десятковъ не проданныхъ экземпляровъ журнала; а потому, обращаясь къ великодушію Публики, мы съедемъ надѣяться, что покупкою оныхъ благошворительные люди доставятъ ему пособіе, необходимое въ цѣленіи его положеніи, когда еще слабость шѣстныхъ силъ не позволяетъ ему ничѣмъ заниматься.

Между тѣмъ мы собрали нѣсколько статей для *Альманаха*, который предполагаемъ издать на будущій годъ въ пользу брата нашего, если число занимаемыхъ пьесъ будетъ достаточно. Почему усерднѣе просимъ всѣхъ Литтераторовъ нашихъ одобрить и поддержать намъ въ семъ предпріятіи. Положеніе К. О. К.,

единственнымъ подвѣтъ Московскихъ Литтераторовъ. Въ Февральской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ 1829 года, на стр. 325, сказавши, что В. М. Одеровъ, по несостоянію журнала, имъ предначтеннаго, принялъ иѣры возвратити ополна деньги подписчикамъ, онъ продолжаетъ: „къ сомнѣнію не такъ поступили пришели Г. Калайдовича, взявшіеся, по болѣзни его, продолжать предпріятіи имъ Зрищель въ Москвѣ. Напечатать *двадцать четыре* книжки сего журнала Богъ знаетъ чѣмъ, конѣшить даже слово въ слово съ нами, рачетчаними въ другихъ журналахъ, какъ напримѣръ: Поѣзду В. К. Елены въ В. К. Лидовскому Александру, конѣщенію въ XXVII части Отечественныхъ Записокъ, и пр. и пр., они услужили Г. Калайдовичу какъ Мишка своему пришею, въ Баснѣ Г. Крылова.“

Всякой воленъ думать, какъ ему угодно; замѣтимъ однакожъ, что почтенный П. П. *ошибся въ счетѣ*; при появленіи Февральской его книжки было опечатано только *шестнадцать* номеровъ Русскаго Зрищеля.

жившаго всегда учеными трудами своими, таково, что
 одни пособія людей благошворительныхъ могутъ под-
 держашь его и семейство его. Просимъ всѣхъ, желаю-
 щихъ украсить альманахъ нашъ счастьями своими,
 объявлять намъ адреса свои: мы поставимъ при-
 нѣйшимъ для себя долгомъ сообщить всѣмъ безденеж-
 но по одному экземпляру онаго. Адресъ нашъ: Колл.
 Ассесору Ив. Ѳедор. Калайдовичу, въ книжную лавку
 Комисіонера Императорскаго Московскаго Уни-
 верситета А. С. Ширяева.

Благодаримъ усерднѣйше всѣхъ особъ, помогав-
 шихъ намъ въ составленіи нашихъ номеровъ Зрителя.

Петръ Калайдовичъ.

Иванъ Калайдовичъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Сія изображенія, снятыя съ отличною точно-
 стію Г. Адъюнктомъ Галлеромъ и литографированныя
 въ литографіи Моск. Унив., находятся на картѣ
 древней Лифляндіи слѣдующаго заглавія: Livland nach
 der Eintheilung Heinrich des Letten und zu den Zeiten
 der Bischöffe u. Ordensmeister bis 1562. Сочин. Трубе,
 рисов. Краузе, гравир. Рамбергомъ; годъ не озна-
 ченъ. — Карта сія принадлежитъ К. Ѳ. Калайдовичу.

ОГЛАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ОТДѢЛЪ ВНЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ

Общая записка о Русской Правдѣ. (изъ <i>Дворца</i> . <i>Н. Яр-ва.</i>)	3
О шипуль и герба Россійскаго Царя. (изъ <i>ру-</i> <i>тем. Барберини. Г. Н. Галлера.</i>)	29
Политическое состояніе Италіи до двѣнадца- таго вѣка. (<i>С. Е. Ранка.</i>)	32
Отрывокъ изъ Одеаріева путешествія по Рос- сін. (<i>В. С.</i>)	139
О состояніи историческихъ наукъ въ Польшѣ. (<i>Н. Пельма.</i>)	157
Главное различіе между вышшими Славянскими и Сербскими языками. (<i>К. Цетковска.</i>)	168
Изъясн. о городѣ Бѣжецкѣ. (<i>В.</i>)	180

ОТДѢЛЪ ВНЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ

Смѣхъ и шутки.

Два отрывка изъ Виргиліевой <i>Энеиды</i> . (<i>Э. М. М.</i>)	60
Тыма. Подражаніе Байрону.	64
Росинка и Рѣка. (<i>С. Е. Ранка.</i>)	68
Къ А. Н. М. (<i>Тютчева.</i>)	70
Подражаніе Псалму 46 му.	184
Донъ Карлосъ. (<i>Н. Колетовскаго.</i>)	185
Гробница Бонапарте.	196
Ральфъ. (<i>С.</i>)	205
Элегія. (<i>М. Лисицкой.</i>)	206

П р о з а.

Николай Мещеряков (Москва) 1812 года	172
Тенирь — повесть. (Оболенинская).	90
О романах (В. Мещеряков).	208
Отрывки из душевных записок. (З. Р.)	224
Две главы из Певниды (Романа Вальтера Скотта. — С. А.)	241

ТЕОРИЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

Объ эпической поэзии (окаж.).	103
---------------------------------------	-----

К Р И Т И К А.

О характеръ Русскихъ летописей. (И. В.)	114
Защита на некоторыя Армянскія книги. (А. А.)	120

С М Ъ С Ъ.

Анекдоты.	127
Прибытіе въ Египетъ ученыхъ Французовъ и Флорентинцевъ. Открытіе неизвѣстнаго языка. Слѣды обезьянъ. Периодическіе яв- стки Австраліи. Взглядъ на Турцію.	134

Анекдотъ о Байронѣ. Мата - Мата Че - Лаушъ. Футтихъ Али Ханъ.	263
--	-----

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

И С Т О Р І Я,

	Стр.
Сказаніе о побойцѣ В. К. Димитрія Іоанновича Донскаго. (И. М. Снегирева).	3

К Р И Т И К А,

Замѣчанія на Словари Академіи Россійской, (И. Ѳ. Калайдовскаго)	69
--	----

С Л О В Е С Н О С Т Ь.

1. Эпикуреецъ — романъ Томаса Мура. (В. И. Миль- цева).	105
2. Гимны Орфея (Н. И. Надеждина).	143
3. Зодощые стихи Пинэгора. (Н. И. Надеждина).	165

С М Ъ С Ъ.

1. Торжественное Посольство Англійской Корол- левы Анны къ Царю Петру, въ удовлетво- реніе за оскорбленія, нанесенныя въ Лондо- нѣ Россійскому Посольству.	171
2. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій,	184
3. Грамаша Царя Алексѣя Михайловича,	196
4. Глаголицеская рукопись.	197
5. Письмо Черногорскаго Митрополита Данила.	198
6. О мѣстѣ рожденія Петра Великаго.	200
7. Цифирное письмо.	—
8. Метрическія мѣры.	202
9. О сочиненіяхъ Шашрова.	204

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

1. Нѣчто о низовьяхъ Дуная. (А. И. Мартоса).	217
2. Варна (А. И. Мартоса).	230
Отъ издателей.	245
Изъясненіе картички.	247

ПОГРѢШНОСТИ.

На стран. 82, стр. 14, пропущено: *Сетмось*:
фонарь; а *лишестикъ*: *свѣтъ* — въ Анф. переби-
нено: изъ воску, сала или смолы, и пр.

На стран. 98, стр. 31, 32, надъ буквами *io*
должна бысть *облегченная* (*circumflexe*).

На стран. 99, стр. 17, въ перешкомъ словѣ, уда-
реніе должно бысть надъ буковомъ *i*; а въ стр. 9, надъ
буквою *и*, въ словѣ *мира*.

Прочія опечатки Чинашели благоволяше испра-
вить сами.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, СЛОВЕСНОСТИ

и

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество; желаемъ ему благоденствіа еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила Мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души теловѣтеской!

КАРАМЗИНЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1830.

Печатать позволяется
съ тѣмъ, чтобы по отпечаташи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра сей книги.
Москва, 26 Января 1830.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ XXI и XXII.

I.

ОБЪ УЧАСТІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕР-
СИТЕТА ВЪ ПРОСВѢЩЕНІИ РОССІИ.

*Рѣчь, говоренная Адъюнктомъ Михаиломъ
Максимовичемъ въ Университетскомъ
Собраніи 1830 г. 12 Января.*

Ежегодно въ сей день собирались мы, достопочтенные Наставники и Начальники и любезные Соповарищи! праздновашъ день основанія нашего Университета, и приносили моленіе ко Всевышнему, да осѣнишь и укрѣпишь насъ благодатию своею на грядущій годъ.

Для сего собрались мы и въ настоящій день новаго года. Подѣлимся же тѣми чувствами, коими исполнены сердца наши въ сей незабвенный день.

Въ сей день начинается послѣдняя четверть вѣка сего свящилища наукъ, коего 75-лѣтняя жизнь, теперь свершившаяся, была шolikoю пользою для Отечества. Нынѣ Музы Московскія празднуютъ побѣды воинства нашего и возносятъ благословенія свои ЦАРЮ, Который, вѣнчаясь побѣднымъ лавромъ, даритъ насъ оливами благодатнаго мира.

Избранный вами почтитъ достойнымъ словомъ такой день, чѣмъ всего приличнѣе могу занять вниманіе ваше, какъ не воспоминаніемъ шѣхъ заслугъ, какія оказалъ Ошечеству нашъ Университетъ, и того учасія, какое имѣлъ онъ въ просвѣщеніи Россіи? — Знаю, что не по силамъ и не по свѣдѣніямъ моимъ изобразить вполнѣ картину сію, и что полная Исторія Университета готовится однимъ изъ Членовъ сего сословія; но избираю предметъ сей, будучи увѣренъ, что, по важности онаго, и слабый очеркъ мой удостоится вниманія вашего.

*

Просвѣщеніе Русское (какъ и вообще Науки по ихъ возрожденіи) сначала принадлежало Духовенству. Духовныя Академіи *Кіевская* и въ Москвѣ *Законопашская* были первыми школами, гдѣ воспитывалось младенчество нашего просвѣщенія. Опъ того почти всѣ первые писатели наши были духовные ошцы.

Великій Пётръ вывелъ сего младенца на свѣтъ гражданскій. Вдвинувъ Россію въ полишическій составъ Европы, и соединивъ навсегда судьбу ихъ, онъ хотѣлъ и долженъ былъ дать просвѣщенію Русскому иное воспитаніе и другихъ учителей. Для всеобщаго преобразования Россіи, ему надобно было иныхъ шолько одѣтъ поевропейски, а на новое поколѣніе всѣхъ званій распространить образованность, хотя

первоначальную. И онъ учредилъ: особыя училища для дѣтей духовнаго званія, гарнизонныя школы для дѣтей солдатскихъ и народныя училища по разнымъ городамъ для прочихъ званій, кромѣ Дворянства, для коего въ особенности Пётръ назначилъ училища военныя, которыя, будучи и въ послѣдствіи совершенствуемы и распространяемы, доставляли Отечеству отличныхъ воиновъ.

Понятно, что Пётръ имѣлъ здѣсь просвѣщеніе не столько цѣлю, сколько средствомъ къ тому, дабы утвердить силу Россіи. Но дѣйствовавъ такимъ образомъ для своего времени, онъ мыслилъ о будущей судьбѣ — своей, такъ спрасно имъ любимой, Россіи, и заготовлялъ пособія къ ея просвѣщенію для наукъ и художествъ. По совѣту знаменитаго Философа Лейбница, онъ предположилъ учредить Академію Наукъ съ двойкою цѣлю: для изданія полезныхъ книгъ и образованія наставниковъ, и для приведенія въ извѣстность Россіи въ разныхъ отношеніяхъ. Но сію мысль суждено было привести въ дѣйствіе Екашеринъ Ій.

Академія, состоявшая наиболѣе изъ ученыхъ иностранцевъ, могла содѣйствовать одной цѣли и была дѣйствительно полезна для наукъ: она въ состояніи была образоватъ нѣсколько ученыхъ людей; но не могла дѣйствовать непосредственно на распространеніе просвѣщенія въ Россіи. При-

званные чужеземцы болѣе любили науки свои, чѣмъ Россію; болѣе легко было для нихъ обогатить свою науку свѣдѣніями о великой и неизвѣстной еще странѣ, чѣмъ распространять науку въ сей невоздѣланной и для нихъ чуждой землѣ; при томъ они не знали языка нашего и нашихъ потребностей.

Въ Академіи только заготовлялись науки; въ прочихъ заведеніяхъ только подготавливались люди для принятія наукъ; но не было мѣста, гдѣ бы сіи двѣ сѣки соединились въ единую жизнь, и откуда бы жизнь сія разлилась по всей Россіи, какъ живая кровь изъ сердца разноситъ жизнь по всему тѣлу. И гдѣ же могло совершиться сіе, какъ не въ Москвѣ, въ семъ средоточіи Россіи, въ семъ древнемъ, національномъ и первопрестольномъ градѣ? Въ новой столицѣ не могло это быть, и по отдаленности ея на краю Остечества, и по множеству постороннихъ въ ней тогда видовъ.

Въ царствованіе блистательной Дщери Петра, въ Москвѣ, какъ въ полной груди, забилося сердце Россіи, и 1755 годъ есть незабвенный годъ основанія нашего Университета, имѣвшего непосредственное вліяніе на просвѣщеніе Россіи, на просвѣщеніе, въ которомъ заключается сущность народной жизни.

И кому же, какъ не Рускимъ, было замыслишь и исполнить сіе великое дѣло? Ломоносовъ и Шуваловъ были люди, коимъ

Россія столь много обязана за водвореніе наукъ и художествъ, за свое просвѣщеніе.

Шуваловъ, какъ просвѣщенный Вельможа и Царедворецъ, былъ ходапашемъ у Елисаветы за Университетъ, основателемъ его и *первымъ Кураторомъ*. — Ломоносовъ внушилъ ему эту мысль, составилъ планъ для учрежденія Университета, и былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ. И если Словесность наша и Поэзія обязаны ему и правилами и образцами первоначальными; если онъ былъ однимъ изъ первыхъ Физиковъ своего времени; если въ немъ первомъ изъ Русскихъ видимъ мы такую глубину, разнообразіе и обширность знанія, и дивимся уму его: то съ другой стороны должно почтись въ немъ та сила воли, съ которою онъ вышелъ изъ рыбацкой хижины своей и дѣйствовалъ на поприщѣ просвѣщенія — силу воли, которая вмѣстѣ съ умомъ составляетъ въ немъ истиннаго гения. Петръ сдѣлалъ все для устройсва и славы Россіи, что только могъ сдѣлать тогда гениальный человекъ съ державною властію; Ломоносовъ сдѣлалъ все для просвѣщенія Россіи, что только можно было сдѣлать гению-гражданину.

Шуваловъ и Ломоносовъ, основавъ Университетъ Московскій, учредили при немъ двѣ Гимназіи: *дворянскую и разночинскую*, для приготовительнаго обученія юношества; они завели типографію при Университетѣ, для большаго распространенія знаній и чтенія изданіемъ книгъ и Вѣдо-

мостей; они умѣли оплечить и избрать людей, способныхъ къ исполненію великаго дѣла, какъ то можемъ судить по примѣру Поповскаго и Барсова.

Въ незабвенное царствованіе Екатерины Великой, когда не одно покровительство, но и участіе наукамъ оказываемо было свыше, когда такъ умножено было число училищъ (1767), Университетъ имѣлъ въ Мелиссино и Херасковѣ двухъ Курашоровъ, достойныхъ сподвижниковъ Шувалова. Сии мужи доставляли всѣ возможные способы къ распространенію дѣйствій Университета, который съ сею цѣлю основалъ (1779) для Русскаго Дворянства *Благородный Пансіонъ*; учредилъ (1782) *Филантропическую Семинарію*; завелъ (1759) Гимназію въ Казани, которая служила основаніемъ нынѣшнему тамъ Университету. Такимъ образомъ въ печеніе цѣлаго полѣтка Университетъ, непрерывно получая отъ Правительсва и Начальсва всевозможное содѣйствіе, будучи обогащаемъ приношеніями Демидовыхъ, Твердышевыхъ и другихъ согражданъ, приходилъ въ цвѣтущее состояніе.

Но въ чемъ состояло его главное вліяніе на просвѣщеніе Россіи?

Мѣру просвѣщенія какой-либо страны составляешь не число ученыхъ головъ, въ кабинетахъ и фоліантахъ коихъ науки совершенствуются и живутъ, какъ опшельники въ своихъ кельяхъ. Тогда науки со-

ставляють просвѣщеніе, когда онѣ распро-
страняются, движущся, растутъ въ умѣ
всего народа и его совершенствуютъ. Пу-
стишь науку въ оборотъ между умами, рас-
пространишь ее, значишь разлишь просвѣ-
щеніе въ народѣ: и это дѣло Университе-
та. Иное дѣло прибавишь свѣдѣній къ на-
укѣ, возвысишь ее въ ней самой, безъ оп-
ношенія къ числу понимающихъ умовъ: это
дѣло ученаго, Академика.

Если Академія въ семь опношеніи сдѣ-
лала много для наукъ и особенно Естествен-
ныхъ, и можешь гордиться именами: Бай-
ера, Бернулли, Эпинуса, Краэша, Эйле-
ровъ, Ловица, Миллера, Шлецера, Рихма-
на, Палласа, Гильденшtedта, Фалька,
Шуберша... именами Крашенинникова, Го-
ловина, Румовскаго, Лепехина, Иноход-
цева..... наконецъ именемъ *Ломоносова*,
и на семь поприщъ дѣйствовавшего; то
Московскій Университетъ можешь присво-
ишь себѣ ту честь, что *онѣ наиболѣе*
и первоначально содѣйствовалъ водворенію
наукъ въ нашемъ Отеествѣ.

Чтобы науки сроднишь съ умомъ наро-
да, необходимо передавать ихъ на родномъ
его языкѣ, необходимо, спяжавъ сокрови-
ща наукъ тамъ, гдѣ онѣ находятся во всей
полнотѣ своей, переплавишь ихъ въ гор-
нилъ ума и оплишь въ такія формы, кои
соотвѣтствовали бы потребностямъ и духу
народа, соразмѣрны были бы его способно-
стямъ. Кто же, какъ не Рускій, могъ впол-
нѣ выразумѣть характеръ и потребность

Русскаго ума и удовлетворить онымъ? Нѣ чести Московскаго Университета должно отнести то, что *въ немъ впервые Россія услышала на родномъ языкѣ своемъ почти всѣ науки* и приняла ихъ вмѣстѣ съ живымъ словомъ, которому всегда сочувствуемъ болѣе, чѣмъ мертвымъ письменамъ иноземнымъ. Большая часть лучшихъ Профессоровъ въ Университетѣ были природные Русскіе, кои, получивъ здѣсь же первое образованіе, были посылаемы къ славнѣйшимъ тогда ученымъ въ Европѣ, и занявъ у нихъ науки переселяли въ наше Отечество.

Ихъ заслуги и долгъ благодарности нашей пребудутъ, чтобы мы почтили имена ихъ воспоминаніемъ.

При самомъ началѣ Университета является ученикъ Ломоносова, учитель Фонъ Визина, *Поповскій*, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, соединяющій въ себѣ съ яснымъ и отважнымъ умомъ чувство Поезій и даръ слова, какимъ только онъ и Ломоносовъ отличались между современниками. Онъ былъ первымъ Профессоромъ Краснорѣчія и Философіи въ М. У., первый заговорилъ порусски и здраво о Философіи, которая у насъ дошолъ соспояла въ Лашинскихъ схоластическихъ диспутахъ. Читая вступительную рѣчь его о важности сей науки, невольно назовешь Поповскаго яркою звѣздою, зажигающею сѣверное сіяніе умовъ Русскихъ и быспро въ ней сгорающею.

Рядомъ съ нимъ — наслѣдовавшій послѣ него катедру Краснорѣчія *Барсовъ*, также

ученикъ Ломоносова. Если онъ и не имѣлъ дарованій шоварища своего, то отличался многосторонностію знаній и дѣятельностію своего учителя. Равно свѣдущій въ наукахъ Физикоматематическихъ и Словесныхъ, онъ, по повелѣнію Екашеріны, занимался вмѣстѣ съ Чеботаревымъ сводомъ Русскихъ Лѣтописей и составленіемъ различныхъ проэктовъ. Также занимался онъ разысканіями относительно языка нашего и издалъ *Опыты трудовъ вольнаго Россійскаго собранія*, которое составлено было, пожеланіями Мелиссино, изъ Членовъ Университета, и много способствовало къ образованію языка Русскаго.

Десницкій и Третьяковъ были посылаемы въ Университетъ Глазговскій, который славился тогда науками Юридическими. Имя Десницкаго особенно заслуживаетъ памяти по тому, что онъ первый началъ преподавать Русское Законоискусство, и такимъ образомъ первый, съ Профессоромъ Дилшемъ, приготавливалъ для гражданской службы людей съ систематическимъ знаніемъ своего дѣла.

Чеботаревъ способствовалъ къ распространенію Исторіи и Географіи, особенно Русской, и былъ въ послѣдствіи основателемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Аничковъ былъ Профессоромъ Логикѣ и Метафизикѣ и распространялъ начала Математики. Послѣ него читали Философію *Синьковский и Брянецъ*, который первый

излагалъ порусски ученіе Каншово; а Математику въ послѣдствіи преподавалъ *Панкевичъ*.

Афонинъ, ученикъ великаго *Линнея*, преподавалъ Естественную Исторію; отъ негожъ впервые порусски слышали лекціи Сельскаго Хозяйства.

Медицина была распространяема славными врачами *Зыбелинымъ* и *Веніаминовымъ*, а попомъ *Политковскимъ* и *Рихтеромъ*, врачами, коихъ имена и нынѣ съ благодарностію произносятся не только въ кабинетахъ, но и въ народѣ.

Наконецъ, съ признашельностію вспомнимъ любимыхъ всею Москвою Профессоровъ *Страхова* и *Сохацкаго*: первый началъ читать порусски Физику, а другой науку объ *Изящномъ*, которое отъ него получило и свое имя. Краснорѣчіе мужей сихъ было такъ привлекательно, что даже знашныя обоего пола посѣщали ихъ лекціи.

Съ воспоминаніемъ о сихъ достойныхъ соотечественникахъ нашихъ, должно почтить память *Дилтея*, *Фроммана*, *Рейхеля*, *Шадена*, *Баузе*, *Маттея*, *Буле*, *Мельмана*, *Гейма* — знаменитыхъ иностранцевъ, бывшихъ Профессорами въ нашемъ Университетѣ.

Син-то мужи наиболѣе отличались въ словіи Московскаго Университета въ шеченіе полуцѣка, который мы шеперь обозрѣваемъ.

Будучи единственнѣйшимъ тогда высшимъ училищемъ въ Россіи и находясь въ шакомъ

городъ, гдѣ сосредоточивались дѣятельность и духъ народный, Университетъ имѣлъ множество слушателей, которые принимали отъ него просвѣщеніе и мало по малу распространяли по всей Россіи, и Россія изъ сего розсадника получала образованныхъ гражданъ.

Но сколько изуспнмъ преподаваніемъ наукъ Университетъ содѣйствовалъ просвѣщенію Россіи, сполько и издавіемъ многихъ полезныхъ книгъ. *Весьма многія руководства для начальнаго ученія, какъ-то Азбуки разныхъ языковъ, Грамматики, Лексиконы, курсы разныхъ наукъ, долго бывшіе въ употребленіи, были изданы впервые отъ Университета, который завелъ и первую въ Москвѣ лавку гражданскихъ книгъ.*

Для успѣшнѣйшаго образованія вкуса и для того, чтобы сблизить шѣснѣе Университетъ съ обществомъ, основатели онаго завели театръ, куда приглашаема была публика. Сей театръ былъ первый и единственный въ Москвѣ, пока не пріѣзжалъ еще въ сію столицу славный *Волковъ*.

Дружеское общество, состоявшееся при Университетѣ подъ предсѣдательствомъ Новикова и Лопухина, весьма много принесло пользы. И если незабвенному *Новикову* обязана Россія эшимъ быстрымъ распространеніемъ книгъ, если онъ такъ скоро захошилъ почти всю Россію къ чтенію, то въ эшомъ онъ могъ успѣшь

только при средствахъ Университета, получивъ въ свое распоряженіе обширную его типографію, съ помощію людей, занимавшихся науками при Университетѣ.

Успѣшное содѣйствіе Университета въ поселеніи наукъ и любви къ онымъ между нашими соотечественниками зависѣло отъ того именно, что онъ согласовался съ потребностями и духомъ своего народа и своего времени, и передавалъ ихъ на родномъ языкѣ. Этимъ онъ *приготовилъ и Россію и языкъ Русскій для дальнѣйшаго усовершенія и распространенія наукъ*; симъ самымъ онъ *весьма сильно содѣйствовалъ и образованію Русской Словесности*, чему способствовало конечно и то, что въ Москвѣ языкъ Русскій и чище и правильнѣе.

Университетъ, дѣйствуя такимъ образомъ въ кругѣ своемъ, образовалъ многихъ людей, оплотившихся и внѣ онаго на поприщѣ ума, и приготовилъ людей, коимъ Россія въ послѣдствіи обязана спала своею Словесностію, Исторіею и мышленіемъ. Въ числу воспитавшихся въ Университетѣ писателей принадлежалъ: Фонъ Визинъ, Богдановичъ, Косцовъ, Долгорукій, Муравьевъ, Плавильщиковъ, Рубанъ, Бобровъ, Бантышъ Каменскій, Преосвященный Михаилъ, Подшиваловъ, Карамзинъ. . . . умалчиваю о тѣхъ, кои и нынѣ еще дѣйствуютъ. Нужно ли называть имена тѣхъ людей, кои, вышедъ изъ М. У., дѣйствовали на поприщѣ Государственномъ — имена

Потемкина, Булгакова, Маркова, Лопухина и других? Нужно ли говорить, что Университетъ въ сіе время приготовилъ отличныхъ людей для преподаванія наукъ, не только въ немъ самомъ на послѣдующее 25-лѣтіе, но и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ другихъ Университетахъ Русскихъ, открытыхъ въ послѣдствіи? О заслугахъ Московскаго Университета Отечеству свидѣтельствуется всеобщее къ нему уваженіе народа, которое изъ устъ БЛАГОСЛОВЕННАГО излилось въ такихъ выраженіяхъ: „Обращая особенное вниманіе НАШЕ на „Московскій Университетъ, который чрезъ „цѣлые полвѣка имѣлъ столь великое уча- „стіе въ образованіи людей, способныхъ для „Государственной службы, въ распростра- „неніи знаній и наипаче въ усовершен- „ствованіи отечественнаго языка, рассу- „дили МЫ заблаго изъявить чрезъ сіе „торжественную признательность НАШУ „сему первому въ Россіи высшему Училищу, „даровавъ оному новыя права и преимуще- „ства, болѣе сообразныя съ просвѣщеніемъ „текущаго времени.“

Сими достопамятными словами начинается утвердительная Грамота, дарованная Университету ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ въ началѣ Его царствованія. 1805 годъ, въ который Университетъ получилъ новый Уставъ, и праздновалъ полу-вѣковой юбилей свой, составляетъ незаб-

венную эпоху какъ для Университета, такъ и вообще для просвѣщенія въ Россіи. Наиболѣе въ семь году, по увеличившемуся числу учащихся, въ Россіи открыто вновь множество училищъ, по требованію времени, преобразованы прежнія. Учрежденнымъ вновь (1802) Министерствомъ Просвѣщенія, всѣ училища распределены на 6 округовъ, заведены новые Университеты. Навсегда останутся въ памяти нашей тѣ попеченія, какія оказалъ Университету нашему *первый Попечитель* онаго *Муравьевъ*, здѣсь воспитывавшійся и бывшій наставникомъ Благословеннаго Александра.

Сколько Университетъ въ сіе время былъ обогащенъ отъ Правительства учеными пособіями, столько же тогда разлившійся духъ благопшворительности побуждалъ и гражданъ къ пожертвованіямъ въ пользу наукъ. Кто съ благодарностію не произноситъ именъ *Демидовыхъ*, сихъ примѣровъ для нашихъ гражданъ? Кому не извѣстны приношенія *Дашковой*, *Урусова* и другихъ?

Усовершенію наукъ и Словесности соотвѣтствовало заведеніе *Ученыхъ Обществъ*: 1) Исторіи и Древностей Россійскихъ, 2) Испытателей природы, 3) Физико-Медицинскаго, 4) Любителей Россійской Словесности.

Для бѣльшаго распространенія знаній и чтенія, Университетъ спалъ издавать, кромѣ бывшихъ уже *Московскихъ Вѣдомостей*, *Ученыя Вѣдомости* и многіе журналы.

Если справедливо, что *Musae tacent inter arma*, то краткое молчаніе Университета въ 1812 году было для него какъ бы ошдыхомъ, и пожаръ Московскій, казалось, только возжегъ новый пламень усердія, съ какимъ Университетъ возобновилъ дѣйствія свои на прежнемъ пепелищѣ. Это показываетъ уже одно непрерывно возрастающее число слушателей, по которому Университетъ нашъ равняется съ другими Университетами Европейскими.

Не говорю о новыхъ учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ въ Университетѣ нашемъ; не говорю объ участи людей, трудами и знаніями коихъ въ нашемъ Университетѣ зиждилось просвѣщеніе въ теченіе сего 25-лѣтія. Истина словъ моихъ для иныхъ показалась бы пристрастіемъ той благодарности, какую питаю я къ сословію, меня воспитавшему и къ которому принадлежашъ я поставляю себя за особенную честь.

Дабы увидѣть обширность вліянія Университетскаго сословія, должно вспомнить, сколько юношества получаетъ отъ него образованіе; ибо не только воспитанники собственно сего заведенія, но и тѣ, кои воспитываются въ другихъ, ему подвѣдомыхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, въ домахъ своихъ, получаютъ образованіе отъ Университета, или отъ самихъ членовъ, или отъ людей, ими образованныхъ. И сколько людей встрѣчаете въ обществѣ, на службѣ, кои воспользовавшись уроками мудрости отъ сего сословія, и пріобрѣтши

окончательное образованіе , которое только въ обществѣ и пріобрѣтается , ошлнчающіяся въ немъ своею основательностію ?

Вообще можно сказать , что если въ прежніе полѣвка Университетъ Московскій содѣйствовалъ такъ много къ водворенію просвѣщенія въ Россіи , то въ послѣдніе 25 лѣтъ онъ много способствовалъ къ распространенію и развитію оного.

Но что предстоитъ сему сословію въ наступившую послѣднюю четверть вѣка?

Положимъ , что Университетъ успѣлъ бы изъ всѣхъ умственныхъ богатствъ иностранной учености избрать лучшія сокровища и передашь ихъ Россіи : все ли эшимъ онъ сдѣлалъ бы для просвѣщенія Русскаго? — Просвѣщеніе наше и тогда еще не будетъ имѣть характера самобытности , характера , какимъ бы ошлчалось оно отъ просвѣщенія Германскаго , Французскаго , Англійскаго.

Не сего ли требуетъ крайняя степень совершенства нашего просвѣщенія и нынѣшнее его состояніе? Не сей ли смыслъ имѣешь благое желаніе нашего ЦАРЯ , чтобы ошлечивенное юношество получало воспитаніе Русское , чтобы въ Русскихъ Университетахъ были Профессоры изъ природныхъ Русскихъ ?

И уже избранные юноши изъ Университетовъ посланы въ чужіе края для пригшошенія себя въ это званіе. Уже

изданъ новый *уставъ училищъ*, который вмѣстѣ съ улучшеніемъ образованія юношества, такъ много улучшитъ и обезпечитъ состояніе учительское, болѣе привлечетъ людей къ сему званію, и слѣдственно дастъ средства къ еще болѣе большимъ успѣхамъ. Все показываетъ, что и Московскій Университетъ ждущъ новые подвиги на поприщѣ наукъ и просвѣщенія, новые способы для новыхъ усилій.

Желать надобно только, чтобы всѣ сословія нашего гражданства обратились къ воспитанію Русскому съ тою же любовью, какою они всегда пламенѣли къ Отечеству, чтобы еще съ болѣе большимъ участіемъ и уваженіемъ они склонились къ учености Русской; но убѣдишь ихъ въ этомъ, снискать у нихъ сіе — есть дѣло Университета.

Вотъ какіе подвиги предстоятъ намъ на грядущее время!

И кто же будетъ равнодушенъ къ тому, чтобы успѣхи прошедшіе, надежды настоящія — не оправдались въ будущемъ?

II.

ДВѢ МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Гей зъ устнѣ Днѣпра да до вершины
 Сѣмсотъ рѣчокъ и чотырѣ;
 Да усь воны да у Днѣпрѣ впали,
 У Днѣпрѣ правный несказанный.
 Да повѣйте вѣпры низовы
 Ой на парусы безодный! —
 Ой сидишь козакъ да на деменѣ (1),
 И вѣнъ деменомъ повершае,
 И на Чорне море поглядае:
 Ой плыве судно, однимъ одно;
 Тамъ Турчинъ сидишь изъ Туркенѣю,
 А Туркени сидишь, вона не гуляе,
 И шовковенькій рушникъ вышивае.
 Ой кому сей рушникъ буде?
 Ой чи Турчину, чи Тапарину,
 Ой чи козаковѣ молодому?
 Ой се буде да Кошовому
 Да Кошовому молодому.

(*) Демень — Корма

Збѣралися комисары
 Пóдъ царськи палашы ,
 Пишуть листы на Вкраину
 Пóдъ аршины браши.

Написали на Вкраинѣ
 Вдовиного сына :
 Ой пожъ козакъ уродливый ,
 Доходить аршина. —

Ой зачужь спара ненька ,
 Ой зачуеть мами :
 О дежъ тебе мой сыноньку ,
 Я маю сховаши. —

На щожъ мене , матусенько ,
 Ты маешъ ховашъ :
 Буду побѣ изъ сполити
 Червонны слапи ! —

На щожъ минѣ , мой сыноньку ,
 Червонны швои ?
 Що нѣкому поховаши
 Головоньки минѣ ! —

Поховаюшь , моя нене ,
 Тебе добры люде ,
 Ой якъ мене молодого
 До тебе не буде. —

Вдовинъ сынокъ вдовиченко
 Коня наповаеть ;
 Ёго ненька спаресенька
 Въ окно поглядае.

Вдовинъ сынокъ вдовиченко
 Коника сѣдае ;
 Ёго ненька спаресенька
 Сильненько рыдае.

Вдовинъ сынокъ вдовиченко
 На коня сѣдае ;
 Ёго ненька спаресенька
 Крыжемъ упадае.

Вдовинъ сынокъ вдовиченко
 Зъ двора выѣзжае ;
 Ёго ненька спаресенька
 За спремень хапае. —

Ой въ городѣ въ Очаковѣ
 Вдарили изъ лука :
 Да вже-жъ тобѣ , вдовинъ сыну,
 Зъ машкомъ розлука !

У городѣ въ Очаковѣ
 Вдарили зъ гарматы : (1).
 Уже-жъ тобѣ , вдовинъ сыну,
 Машки не выдаши !

(1) Изъ пушек.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛЕВАНЫ

Ж. П. РИХТЕРА.

Посвящено Е. А. Б.

§ 103.

Честь, Прямота, Твердая Воля, Правдивость, Неуслашимость противъ грозящихъ бѣдъ, Мужественная Терпѣливость въ перенесеніи настоящихъ, Ошкровенность, Уваженіе къ самому себѣ, Презрѣніе къ мнѣнію, Справедливость, Насшойчивость — всѣ сіи, и подобныя имъ слова, выражаютъ одну только сторону духовной натуры чловѣка: нравственную силу и возвышенность. Другая заключаетъ въ себѣ все, что относится къ жизни другихъ; царство любви, милости, крошости, благодѣтельности; — ее можно назвать нравственной *красотою*.

Первая болѣе сосредоточивается въ самой себѣ, другая обращается ко вѣннему, къ чужому я; одна представляешь полую отражающій, другая прищгивающій; у первой кумиръ идея, у второй жизнь; но въ обѣихъ равная возвышенность надъ собою, надъ собственнымъ я, на которое ссылаются всѣ страсти, всѣ прегрѣшенія противъ сихъ звѣздъ-близнецовъ сердца, ибо честь уничтожаетъ себялюбіе, также какъ и любовь. Любовь, въ чужомъ я,

ищешь не того, что въ себѣ убѣгаетъ: она видишь въ немъ и объемлешь одно только изображеніе божества. Бога находимъ мы два раза: одинъ разъ въ себѣ, другой внѣ себя — въ себѣ какъ око, внѣ себя какъ свѣтъ. Вездѣ между тѣмъ одинъ и тотъ же чистый, эфирный огонь, положительно ли онъ исходитъ, или отрицательно входитъ, все равно; одинъ предполагаетъ непременно другаго, и слѣд. прешьяго; связующаго и соединяющаго обоихъ. — Въ царствѣ духовномъ нѣтъ собственно ни внѣшняго, ни внутренняго. Любовь необходимо утверждена на истинной нравственной силѣ, какъ сладкій плодъ на здоровой вѣтви; одна лишь слабость, подобно Везувію, шрепещешь для опустошенія.

§. 104.

Здѣсь мы будемъ разсматривать только разницу явленій, а не пожество ихъ основанія. Они показываютъ намъ мужчину, созданнаго болѣе для нравственной силы, или чести, женщину для нравственной красоты, или любви. Изъ предыдущаго положенія можно было оба нравственные полюса съ перемѣняющимся перевѣсомъ раздѣлить на оба пола, слѣдовательно любовь опадаетъ женскому, силу мужескому полу. Но къ чему выводы слѣдствій тамъ, гдѣ говоритъ само дѣло? Сіе духовное раздѣленіе повторяется въ меньшемъ видѣ въ каждомъ ошдѣльномъ существѣ: но объ

этомъ послѣ. Теперь рассмотримъ какими средствами воспитаніе можешь, развишіемъ нравственной силы, образовашь юношу для его назначенія.

§. 105.

Иной вѣкъ нуждается въ мужахъ - созидателяхъ, другой въ мужахъ - утвердителяхъ; въ наше время нужны и тѣ и другіе. Однако воспитатели, кажется, ничего столько не боясь, какъ возмужалости нашихъ юношей, которыхъ они спараются сколько возможно обезсилишь. Дѣтскія комнаты и школы суть только преддверія храма, Римлянами посвященнаго блѣдному страху (Pavor et Pallor). Воспитатели, наказаніями, поступками, хомятъ привить страхъ, а мужество проповѣдываютъ одними словами, какъ будто его слишкомъ уже много на свѣтѣ. Не предприимчивость увѣнчивается похвалою, а уступчивость. Въ боевомъ порядкѣ Нестора (*) робкіе поставлены были въ середину; такъ и въ нашемъ гражданственномъ порядкѣ: въ самыхъ вышнихъ и въ самыхъ нижнихъ сословіяхъ болѣе живетъ дѣтельного мужества, нежели сколько могутъ внушить всѣ школьные учителя. Они вселяютъ ученикамъ своимъ желаніе быть Ирокезцами, почитающими зайца божествомъ, и сами спараются ихъ возвысить до сего прусливаго божества. Древніе, вперяя силу, за-

(*) Гомеръ Ил. IV. 297.

бывали челоуѣколюбіе, имъ же дѣлаемъ прошивное. Изнѣживающіе наславники могутъ извинишь себя тѣмъ, что не умѣютъ отличать границъ, черезъ которыя перескучать не должно. Смѣлость дѣшей, не имѣя надлежащаго перекъсу одуманности, легко перейши можешь въ дерзкое своевольство и сразишь учителя и счастье. Не забудемъ однако, что лѣша не силы умножаютъ, а только свѣтъ, и что пиллигриму жизни легче нанять и дашъ пушководителя, нежели обрубя ноги и крылья придръжашъ ихъ опашъ, какъ къ поноуленной спашуъ. — Начнемъ, какъ воины, съ просьбой хрѣбросши, дойдемъ попомъ до мужества, до чести.

§. 106.

Тѣло есть панцырь души. Закалимъ его въ спаль, разожжемъ, оспудимъ. Пускъ каждый ошець, по возможности, ошгородишь подлѣ своего дома маленькое гимнастическое респалище (Shnerfenthal). Даже улица, на которой ребенокъ по волѣ бѣгаетъ, бѣсится, падаетъ, карабкается, шумишь, ему не бесполезна. Уличныя раны здоровѣе ранъ школьныхъ, легче заживающъ и лучше выучивающъ ошшерпавашся. Рѣзвый Англинскій юноша спановищся спепенный Членъ Парламента; изъ первыхъ Римлянъ-разбойниковъ рождаются добродѣтельный, собою цѣлому жершвующій, Сенаторъ. — Римляне пускали кровь ош-

важному чрезъ мѣру. Школьная розга пускаетъ также кровь, а охлаждающая мѣтлода запоровъ, замковъ и пр. дѣлаетъ безцѣлной и оспальную. Никогда не должно ослаблять какую бы то ни было силу, — это не худо нѣсколько разъ повтѣрить, — а только укрѣпить противоположныя ей мускулы. Мальчика 12 лѣтъ, необузданнаго и дерзкаго, не трудно научить осторожной одуманности: сподобь пройди съ нимъ анатомическую или хирургическую книгу; но это цѣлительное средство, какъ сулему, можно употреблять въ рѣдкихъ только случаяхъ, и то въ самыхъ малыхъ приемахъ. Ослабленіе тѣлесныхъ силъ производитъ ослабленіе душевныхъ; а все духовное оставляетъ вѣчныя, неизгладимыя слѣды, — и раненая, изломанная рука заживаетъ скорѣе, нежели раненое, ищерзанное сердце. Впрочемъ, въ комнахахъ больныхъ дѣтей, у насъ поршнятъ и больныхъ и здоровыхъ: здоровыхъ сурувостью, больныхъ нѣженіемъ и слабостью; между тѣмъ какъ занятіе умственное было бы больному лучшее цѣлебное средство: каршники, сказки, игры на подушкахъ, и всякое подобное возбужденіе духовныхъ силъ скорѣе всякаго лѣчѣнія способствуютъ выздоровленію. — Здоровье есть первая степенъ къ мужеству, тѣлесное упражненіе въ спраданіяхъ — вторая. — Въ наши новѣйшія времена не только это средство откинули, но часто мучатъ ребенка, не для того, чтобы онъ это мученіе умѣлъ

переносить, а именно для того, чтобы не вынесъ и опдѣлался отъ него признаніемъ вины. Ужасно! — Какъ повѣрить, чтобы наука воспитанія, принявъ на себя видъ пытокъ, зашла такъ далеко, что силу душевнаго укрѣпленія подчинила плъесному, и твердость сочла удвоеннымъ пресступленіемъ? — Тутъ точно такая же ошибка въ расчетѣ, какъ у Локка, когда онъ совѣтуетъ склонность къ каршотной игрѣ испребишь приневоленнымъ въ ней упражненіемъ: скука, произведенная послушаніемъ, гораздо опаснѣе самой лѣчимой болѣзни. — Не тяжелей ли грѣхъ противъ воспитанія, украшенный привычкою обычай, плъесно наказывашъ дѣшей въ присутствіи другихъ для такъ называемаго примѣра? — Или ребенокъ раздѣляетъ какъ *холодный* свидѣтель чувствва *разгоряченнаго* воспиташеля, не сострадаетъ слушая жалобный вопль товарища, не гнушается отвращительнымъ зрѣлищемъ злоупотребленія силы противъ слабости — и тогда, не знаю, что осталось уже терять его сердцу? — или, сочувствуешь вполнѣ наказанному, и слѣд. находишь наказаніе несоразмѣрно превышающимъ вину; — и тогда принесло ли оно ему какую пользу? — или наконецъ, чувствуя вмѣстѣ и жалость, и ужасъ отъ боли, изъ страха удвоиваешь повиновеніе и умаляешь душу. — Однимъ словомъ, при дѣтяхъ не употребляйше строгихъ наказаній; довольствуйшесь шой выгодой, или вредомъ, ка-

кую доспавишь вамъ можете невидимая ихъ угроза.

Лучше бы выдумать разные упражненія для мужественнаго перенесенія тѣлеснаго спраданія, школы въ споическомъ духѣ; — мальчики сами играютъ иногда такимъ образомъ. Въ Мексикѣ дѣти связываютъ иногда руку съ рукой и кладутъ между ими горящіе угли, для испытанія кто долѣе выдержитъ боль. Въ дѣтствѣ Моншаня дворянство считало снѣдомъ учиться фехтовать; ибо тогда побѣда завистѣла бы не опъ одной храбрости. Древніе Дапчане не позволяли себѣ даже мигать, получая раны въ лицо. — Что прежде могли цѣлые народы совершать, что слѣдовательно было даромъ не одной природы, а образованія, то, кажется, легко повторишь въ опдѣльныхъ лицахъ.

Не показывайте никогда сожалѣнія къ боли, лучше шушите ея. Если маленькое дитя прибѣжало къ вамъ, жалуюсь на какую нибудь рану, то пусть немного подождетъ вашего вниманія, скажите ему хладнокровно: „погоди, *докончу строчку!* или: *довяжу спицу.*“ — Прикажите ему принести вамъ что нибудь; дѣятельность искуснѣ другого вынимаетъ занозу спраданія: воинъ въ жару сраженія не чувствуетъ полученныхъ ранъ. — Далѣе: щадельнѣ берегите ухо ребенка, нежели взоръ его. Ухо есть органъ страха: чушкія жи-

вошныя прусливѣ другихъ. Какъ музыка съ своими сладкими шонами, какъ тихій нѣжный голосъ, такъ и крикъ и звукъ владѣютъ непосредственно нашимъ сердцемъ. Неопредѣленный шонъ, невнятный для боязни, хуже темноты. Всякое безобразное чудовище опредѣляется, какъ скоро можно ошановишь его на мѣстѣ; но бездна звука чѣмъ долѣ длился, тѣмъ менѣе проясняется, тѣмъ ужаснѣе становится. Одна маленькая дѣвочка, замѣтивши прубочиста по необыкновенной его запачканности, испугалась тогда только, когда услышала непонятный ей шумъ его чищенья. — Всякому новому звуку спѣшите дать ласковое, знакомое названіе, на пр. въпру. Въ наше время всему человѣчеству нужны правила, укрѣпляющія противъ страха. Въ каждомъ ребенкѣ, рядомъ съ романтической надеждой безконечныхъ небесъ, живетъ романтическій страхъ безконечнаго оркуса. Вы растворяете имъ ужасную бездну сего оркуса, называя какимъ нибудь неопредѣленнымъ именемъ всесильный предметъ ихъ романтическаго страха. Сочинитель этой книги самъ погрѣшилъ въ томъ передъ своими дѣтьми: желая опнять у нихъ ошвращеніе къ нѣкоторымъ людямъ, онъ сказалъ имъ: бойшесь только злаго. Эшими словами опвлекъ онъ страхъ, разсѣянный по видимымъ, измѣняющимся предметамъ, и сосредоточилъ его въ зажигательную точку одного невидимаго существа, которое и носили они съ собою

всюду и видѣли вездѣ. — Ни въ какомъ волненіи души, (даже и въ любви) фантазія не властвуетъ такъ сильно, не созидае такъ самовольно, какъ въ страхѣ. Дѣши хотя и слѣпо вѣрятъ родителемъ, хотя пребываютъ отъ нихъ крѣпкаго слова, вооружающаго противъ всѣхъ привидѣній; но съ однимъ словомъ въ сердцахъ, побужденны бывающъ фантазіей. — Иногда, осмотрѣвши тщательнѣе предметъ страха, шляпу на пр. съ просыпной на палкѣ, сгромадивши его самъ, дѣши бѣгутъ попомъ съ ужасомъ отъ него прочь. — Они не столько боялись того, что разъ испугало ихъ, какъ того, что родители испуганнымъ голосомъ называютъ, или показываютъ, на пр: *мышь*. — И для того спарайтесь избѣгать всякой внезапности въ рѣчахъ; никогда вечеромъ не говорите: смотри! или что еще спрашивае: слушай! — избѣгайте также внезапнаго появленія. Тутъ чувству не укрощаютъ, а разжигаютъ воспламененную фантазію, и существенность исчезаетъ въ быспрошѣ воображенія. Боязнь грозы происходитъ по большей части отъ быспрошъ, съ которыми молнія напряженному взору разсѣкаетъ черное небо. Еслибъ молнія долго на небѣ оспаивалась, мы боялись бы ея меньше.

Также не давайте читателю дѣлать никакихъ описаній разныхъ тѣлесныхъ спраданій, въ разговорахъ не представляйте имъ сихъ спрашныхъ картинъ. Въ дѣлахъ,

изъ ужаса плѣсной муки, фантазія легко приводитъ къ спраху духовъ; шакковыя преображенія дѣлаются шамъ, гдѣ мы о нихъ не думаемъ — во снѣ. — Сонъ, сей исполинскій живописецъ душъ, духовъ и хаоса, рисуешь изъ едва примѣтныхъ испуговъ дня чертѣжи тѣхъ чудовищныхъ фурій, которыя въ каждомъ чловѣкѣ будящъ и пипающъ спящій спрахъ духовъ. Вообще сны дѣшей сполнотъ вниманія, даже по сравненію съ нашими. — У насъ повтораешся всегда опголосокъ нашего дѣшсшва, — что же у нихъ? — Кому изъ насъ не являлись неизьяснимыя, нежданныя предчувствія будущей радости или горя, какъ вѣаніе внезапнаго вѣшперка изъ ущелья горъ? Кому не случалось при новомъ мѣшположеніи, обшояшельствѣ, знакомствѣ, увидѣшь вдругъ какъ-бы въ шусклѣмъ зеркалѣ прѣжнее время жизни, неясно опшуда повторающееся? Кому въ позднихъ снахъ своихъ, въ жару горячки, не прѣдспавлялись тѣ ужасныя прѣсмыкающіяся, тѣ уродливыя лица, какимъ нѣтъ образа, нѣтъ воспоминанія во всей прѣжней его жизни? — Не подземныя ли шо ошпашки древнихъ, младенческихъ грѣзъ, которыя, какъ чудовища морскія, ночью выходятъ изъ бездны? —

Особливо скрываете ваши собственныя слезы, чужимъ или своимъ бѣдамъ онѣ льются. И робость и мужество равно заразительны. Боязнъ опща съ двойной силой повтораешся въ сынѣ: гдѣ великанъ шрѣпещеть, какъ можешь не упасшь карма?

Отецъ не долженъ никогда быть передъ своимъ сыномъ съ несчастнымъ, спрадальческимъ лицомъ : будто въ жизни много такихъ потерь , которыя превышаютъ потерю самого себя ! — Можно пересматривать грозящую бѣду, предвидѣть скорбную участь въ будущемъ; но при томъ показывать страха и унынія не должно. Экземпляры Элегій и *libris tristium* пусть будутъ только напечатаны для жены и для друга. — И однако же обыкновенно случается совсѣмъ прошивное : дома , (какъ будто сны должны уже непременно ограждать слабость) въ норѣ своей , морской ракъ сбрасываетъ кожу , которою , какъ лапами , вооружался на воздухъ , и смѣлый орелъ въ гнѣздѣ припаявается около пшеницъ своихъ , которые такимъ образомъ не видятъ дерзкихъ полетовъ его по небу.

§ 107.

Мужественное перенесеніе полученныхъ ранъ и бодрое ожиданіе грядущихъ , укрѣпляютъ другъ друга попеременно , поэтому и я позволяю себѣ переходить отъ одного къ другому. Мужество состоитъ не въ томъ , чтобы слѣпо предаваться опасностямъ ; но въ томъ , чтобы видѣть ее , и видя преодолѣть. — *Это „ не больно „ не сдѣлаетъ пользы мальчику , ибо въ такихъ случаяхъ и агнецъ возстанетъ подобно льву ; — но : чтожь ? это только больно !“* — Въ груди каждого человѣка (върѣ этому смѣло) есть нѣчто , до чего равны

Ч. VI. No XXI и XXII. 3

не достигаютъ, на что опереться можно всегда, какъ на твердую ось небесную, и въ него уйши отъ всего, не только отъ боли!

Есть твердость противъ фантазіи и будущаго, есть также противъ фантазіи и настоящаго: первое есть боязнь, второе испугъ. — Если выбирать одно изъ двухъ, лучше боязнь, нежели испугъ, разумѣется для дѣшей, а не для взрослыхъ. Боязнь, (говоришь Кардиналь Рець) больше прочихъ душевныхъ волненій ослабляетъ разумъ; но испугъ ошнмаетъ его совѣтъ и замѣняетъ безуміемъ. — Можно такъ расщепливо преподавать боязнь и такими приѣмами, что она сдѣлается только поощрительницей мыслей и дѣйствій, а не вредомъ для обѣихъ. — Испугъ же напротивъ сражаетъ какъ молнія, обезоруживаетъ и убиваетъ въ одно и то же время. Кіаружи утверждаетъ, что дѣши, съ которыми обходяшся грубо и которыхъ воспитываютъ страхомъ, подвержены сумасшествію.

Испугъ можетъ надолго поселить страхъ, но боязнь испуга не производитъ: фантазія будущаго, каждый настоящій предметъ находитъ ниже воображаемаго.

Противъ испуга, выключая здоровья, нѣтъ иного средства, кромѣ знакомства съ предметомъ, его вселившимъ; самый неустрашимый испугашся можетъ, какъ на пр. Римляне слоновъ, или самый храбрый Европеецъ огромныхъ уродовъ, сошедшихъ, положимъ, съ луны, которыхъ вредъ и сила ему неизвѣстны.

Вооружимъ же юношу противъ всѣхъ бурь случайности электрическими грозами, нарочно для него произведенными. По несчастію, нынѣшняя сидячая жизнь Европейскихъ коллегій, ученыхъ ихъ *засѣданій*, не очень къ мужеству приучающъ. Забавно то, что всѣ хотя немного важныя мѣста, должности, награды, соединены съ понятіемъ о сидѣньи. — Это сидѣнье, если не слѣдствіе, то по крайней мѣрѣ причина страха. Кто сидитъ, когда слышитъ о набѣгѣ непріятеля, придетъ въ опечаленіе отъ его нападенія; паша, единственное мѣсто, гдѣ Гомеровскій Ахиллъ былъ уязвляемъ, скорѣе всего спасетъ насъ отъ язвы. — И въ наши времена бѣгство могло бы почищаться храбростію, еслибъ не слѣдовала за нимъ непріятельская погоня. Наполеона залоша не достало бы врагу, бѣгущему на всѣ золотые мосты по дорогамъ.

Такъ какъ два раза одного не испугаешься, то мнѣ кажется, что, приготовивъ первый шуточный испугъ дѣшамъ, можно предохранить ихъ отъ втораго, истиннаго. Я иду, на пр. съ девятидѣшнымъ моимъ Павломъ въ густой лѣсъ гулять; вдругъ нападаютъ на насъ шрое вооруженныхъ, замаскированныхъ людей, съ которыми я за день напередъ въ томъ условился. У насъ однѣ палки, у разбойниковъ же сабли и пистоли, холостымъ зарядомъ заряженный. Присутствіе духа, рѣшимость, могутъ однѣ спасти насъ. Одинъ дерется съ тремя. (Павла считаешь нѣчего, хотя

и кричу ему, чтобы онъ помогалъ мнѣ). У перваго я рукой отвожу пистолетъ, кошпкой и спрѣлаешь мимо, другому палкою выбиваю саблю изъ рукъ, и поднявши ее, бросаюсь на шпешяго. Всѣ прое обращены пѣмъ въ бѣгство; мы преслѣдуемъ ихъ, но не далеко; — и я насмѣшками надъ шпрусоспшю бездѣльниковъ, кошпрымъ никогда не доспаетъ мужесшва, показываю шоварищу своему, что храбростъ и мужесшво больше значатъ, нежели число и сила. Однако же шакія игры не всегда годятся, и самому мнѣ не нравятся, потому что *это неправда*, и потому, что не всегда удаченъ ихъ успѣхъ: тогда ничего отъ нихъ не оспаетъ, кромѣ возбужденнаго спраха. Рассказывайте какъ можно больше повѣстей, гдѣ мужесшво дѣйствуетъ и побѣждаетъ: это лучшее крѣпительное средство.

Можно другіе еще выдумать храбрые подвиги для ночи, чтобы сколько можно ослабить въру въ привидѣнія, и довести ее до плоской существенности; совсѣмъ же искоренишь сей спрахъ можетъ только Богъ въ другой жизни. Даже спрахъ грозы нельзя совсѣмъ уничтожить; веселостъ и спокойствіе старшихъ есть въ семъ случаѣ лучший способъ. Пугаетъ насъ только то, къ чему мы не привыкли, и потому городское воспитаніе имѣетъ преимущество передъ деревенскимъ, приучая глазъ и ухо ребенка къ большому количеству предметовъ. — Нигдѣ (не исключая даже спраха) и ни въ чемъ человекъ не роспешъ такъ скоро, какъ въ мужесшвѣ. Ночныя игры,

ночныя путешествія, собранія многихъ мальчиковъ вмѣстѣ, — (общество всегда прибавляешь смѣлости, также и страха), повѣсти о Герояхъ, почти баснословныхъ, каковъ на пр. Карлъ XII, — тверже и тверже заковываютъ панцырь на груди.

§. 108.

Еще нѣсколько вспомогательныхъ словъ къ крѣпительнымъ лѣкарствамъ мужества, прежде нежели перейдемъ къ средствамъ, дающимъ крѣпость духу.

Пересмотримъ, начиная отъ факировъ, до мучениковъ Христіанства, любви, долга, свободы, что заставило ихъ презрѣть мнѣніе, собственныя желанія, спокойствіе телесное, пышку? Одна приросшая къ сердцу мысль! — Дайте такую вашему сыну; пускай живетъ она для него, назовите ее хотя честью, и вы сдѣлаете его мужемъ. Съ нею нѣтъ страха непобѣдимаго.

Каждый юноша воображаетъ себѣ какое нибудь ремесло, состояніе и т. д. смиреннѣйшимъ, рабочимъ домомъ жизни; другое же (обыкновенно опцовское) бельведеромъ своихъ надеждъ. Разорите эти сбивчивые воздушные и адскіе замки; они какъ шпурьмы дѣлаютъ его безсильнымъ игролищемъ страха и желаній. Познакомте его — не мершвыми разсказами, а живымъ обозрѣніемъ — со всеми радостями каждаго состоянія; пускай смотритъ онъ на жизнь, какъ на веселый лагерь дѣятельности, гдѣ каждый, даже и слуга, раз-

билъ свою палатку. Гораздо вреднѣе смотрѣть съ отвращеніемъ на какое нибудь бѣдное ремесло, съ боязнію убѣгать его, нежели привязывать къ нему надежду, желаніе, стремленіе къ улучшенію. Надежда больше оставляешь намъ разсудка, ума и счастія, нежели страхъ. — Старайтесь также, чтобы единство воли царствовало въ поступкахъ юноши. На пр. онъ хотѣлъ что нибудь сдѣлать или взять; заставляешь его сдѣлать, взять. Также не предлагайте ничего два раза.

Создайте въ немъ понятіе объ области внушенной выше чувствъ: онъ проситъ что нибудь запрещенное, не прячьте эту вещь, но придвиньте ближе, чтобы онъ могъ чувствомъ побѣдить представленіемъ. — Пускай ваше приказаніе стоитъ предъ нимъ обнаженное, безъ всякихъ прикрасъ и смягченій. Снисходительное смягченіе правилъ даетъ власть и могущество случаю, ни къ чему не приучающему: не то нужно, чтобы дѣло совершилось, а то, какъ оно совершилось. — Точно также не ушайвайте отказовъ вашихъ: обойтись безъ нихъ не возможно; не затрудняйте себя ваше необходимое, простое и вѣдѣ, а сыну вашему упражненіе въ самоотверженіи! — Смирная покорность необходимости укрѣпляетъ; покорность прихоти другаго ослабляетъ: будьте же дѣлами вашимъ необходимостью, рокомъ! — Послушаніе само по себѣ не имѣетъ никакой цѣны; — хорошо ли оно, если дѣла слушаются всѣхъ и всякаго? — Но побуди-

шельная онаго причина, благоговѣйная, исполненная любви доверенность, преданность необходимости, — вотъ что даетъ ему вѣсь и благородство. Только тѣ, которые повинуются изъ страха, становящяся современемъ лицемеръ; льстецы, своевольные буяны, вырвавшіеся изъ подъ надзора власти.

Вы унижаете юную душу (или лучше сказать убиваете), когда велике (прежде того возраста, въ которой понимающъ полииическія отношенія) учтивымъ бытъ къмъ нибудь не за одно достоинство человека или шарика: пускай не ослѣпленные золошомъ и почестями, они смотрятъ одинакими глазами на всѣхъ людей. Ребенокъ по природѣ есть Діогенъ противъ всякаго Александра, и со всякимъ Діогеномъ крошкѣй Александръ: пускай тѣмъ и осмѣется, пускай не допронесся до него расслабляющая застѣнчивость, произведенная чинами и знашностью.

Одно великое сохраняешь здоровымъ сердце юноши: что же, исключая науки, что можете расширить его лучше Ошечества и любви къ нему, даже и теперь, въ алмазной иглы нашего времени? — Школы должны бы по настоящему раздувать священной сей огонь, однако не Тиртеевыми одами, ш. е. не воспламененьемъ къ древней, поникшей или падшей землѣ, но огненными пѣснями ошечественныхъ поэтовъ.

Никакое ученье не находить столько учившей, как ученье о счастьи, о наслажденіяхъ жизни, какъ будшо оно не развивается и вполнѣ не царствуетъ въ сердцѣ каждой кошки, коршуна и прочихъ животныхъ! Намъ ли учить тому, что скопина знаетъ? Развѣ духъ человеческій долженъ, какъ центавръ, входить вооруженный въ область духовнаго міра? — Изъ какого побужденія будемъ дѣшамъ спускать излишество себялюбія скорѣе другихъ просупковъ, пристрастіе къ бѣдѣ, скорѣе нежели опрастѣ къ распрямъ (какъ будшо кулаки меньше стоятъ вниманія, нежели зубы)? — Если вы хошите вдохнуть любовь къ достоинству чистому, къ справедливости, къ Религіи, какимъ нибудь другимъ способомъ, нежели простымъ изображеніемъ сихъ небесныхъ дочерей, если даже спавите *подлѣ* ихъ священнаго образа выгоду существенную, деньги и другія земныя блага, которыя всѣ съ радостію должны быть принесены имъ въ жертву, то оскверняете чистому души, унижаете ее, дѣлаете способною къ лукавству, къ лицемерію. Такъ холодный Нордъ южнаго шигра сжимаетъ въ кошку, крокодила въ ящерицу.

Если жизнь война, то воспитатель *будъ поэтъ*, и вдохновительныя его пѣсни пускай вызываютъ юношу на бой: пускай приучаетъ его смощрѣть на жизнь не какъ на переходъ отъ одного наслажденія къ другому, отъ весеннихъ цвѣтовъ къ плодамъ осени, но какъ на время, нужное

для созрѣнія великому предпріятію. Однимъ словомъ, пусть цѣль его будетъ дѣятельность, а не наслажденіе. Наслажденіе и себя и насъ скоро истощаетъ, стремленіе никогда. Тотъ человекъ счастливъ, который всю жизнь свою посвящаетъ, на пр. на образованіе, воздѣланіе какой нибудь земли, или на опысканіе потеряннаго острова, или широшны морской, и ш. д. — Въ Лондонѣ убиваютъ себя тѣ, которые родились въ довольствѣ, а не тѣ, которые сами пріобрѣтаютъ богатство, и на оборотъ не бѣдные, а обѣднявшіе. Скупой умираетъ старый, и не пресыщенный, а удовольствованный жизнью; между тѣмъ какъ наслаждающійся наслѣдникъ его дѣятельнаго копленія чахнетъ отъ поминутельной скуки. Я гораздо бы лучше хотѣлъ быть садовникомъ, которой ибъ лѣтъ роспитъ и лелѣетъ драгоцѣнное алѣе, разверзающее ему наконецъ небесный цвѣтокъ свой, — нежели вельможею, котораго на спѣхъ зовутъ взглянуть на его разцвѣтшую красу.

Не бойшесь возбудить соревнованіе: оно есть не иное что, какъ только грубая оболочка уваженія собственнаго, или напущенныя, видимыя покровы нѣжныхъ крыльевъ, поднимающихъ выше земли и выше цвѣтотъ ея. Дѣлится однако похвалу между вашими учениками, если хошите, чтооъ честолюбіе частное перешло къ честолюбію общему, желанію чеспи цѣлому и попомъ достигло до возвышеннаго, благороднаго достоинства духовнаго. Почеш-

ные знаки' ваши пусть будутъ имъ не знакомъ отличія за пройденныя ступени, но знакомъ ободренія и поощренія къ вышшимъ, и наконецъ пусть похвала ваша радуешь ихъ больше вашею радостью, нежели наслажденіемъ собственнаго отличія.

§ 109.

Человѣкъ, крѣпостью своею подобенъ будучи желѣзу, уподобляется ему и по сродству его съ стѣной: раскаленная полоса желѣза, припронувшись къ стѣнѣ, падаетъ распущенными каплями въ низъ — такъ случается и съ человѣкомъ въ пылу страстей. Развѣ просто спросить даетъ силу, какъ комста спѣшныя ночи? Съ нею вмѣстѣ она исчезаетъ. — Сильные люди временъ прошедшихъ, правители или судьи своего вѣка, образцы нашего, вышли все изъ стоической школы; спрашки служили имъ какъ тираны при осадѣ, а не какъ матица въ кровлѣ дома, или коромысло въ вѣсахъ.

Что съ силой, тоже и съ свѣтомъ, которой, по мнѣнію Гельвеція, спрашки бросаютъ на предметы. Онѣ свѣтятъ, какъ въ бурю свѣтитъ морская пѣна, ударяясь объ ущесы, для того, чтобы корабли шли мимо и осперегались. — Зыбкіе, опасные маяки!

Старайтесь, чтобы сынъ вашъ какъ можно больше внималъ, вслушивался въ стоическую школу — не столько увѣщаніями, сколько примѣрами истинныхъ стоиковъ

всѣхъ временъ. — Спокоя не будешь считать онъ Голландцемъ или дикимъ, если вы покажете ему, что прямой зародышъ сердечнаго огня пылаешь именно въ шѣхъ людяхъ, которые питали волю посмолиную, достаточную на цѣлую жизнь, а не руководствовались порывами и проходящими волями спрасши; назовите на пр. Сократа или Напона II, въ теченіе всей жизни вѣчнымъ, но шикимъ вдохновеніемъ одушевленныхъ.

§ 110.

Этой долгой, постоянной волѣ, оковывающей всякое внутреннее волненіе, представьте не одну близкую цѣль, — но цѣль безконечную: идею, — центральное солнце каждаго стремленія. — Вся жизнь будетъ такимъ образомъ исполнена силы или величія; отдѣльные же порывы, дѣйствія силы или величія могутъ иногда быть утѣломъ и слабымъ. — Мы нигдѣ не видимъ каменныхъ утесовъ, одиноко возвышающихся, но сдѣланные вмѣстѣ, цѣлые хребты горъ, соединясь, возносясь надъ облаками.

Неизмѣнная воля, хотѣніе непрерывное, могутъ стремиться только ко всеобщему, божественному, къ наукѣ, Религіи, искусству, . .

Какъ человекъ въ прошивуположность скопу, для котораго существуютъ одни отдѣльные предметы, распространяешь міръ чувствуемый, изъясняешь міръ постигаемый: такъ и идея сливается желанія въ стремленіе повсемѣстное, всеобъемлющее.

Никакое воспитаніе не можетъ научить этой идеальности, ибо она есть самое внутреннее, самое сосредоточенное я. — Но въ каждомъ надобно предполагать его и слѣд. оживлять. Жизнь зажигается только жизнью: высокое примѣромъ, настоящимъ, или историческимъ, или (что соединяетъ оба) *Поэзіей*.

Настоящее, т. е. живое, не всегда такъ подъ рукою, какъ Галлѣвскія оловяныя фигуры для дѣшей; конечно мы могли бы найти его въ цѣломъ, — спойло бы только вспомнить многія сердцекрѣпительныя самоотверженія во время отечественной войны, которыми Плутархъ также, какъ и древними, могъ бы снискать себѣ безсмертіе; — но Плутарха-то у насъ нѣтъ: великое или не признано, или забыто, и потому при самомъ прекрасномъ настоящемъ мы еще имѣемъ нужду въ великомъ прошедшемъ, какъ перелетныя птицы въ свѣплыхъ, лунныхъ ночахъ для лѣтнія въ теплыя страны. По несчастію, юношѣ представляютъ всегда священнымъ идеаломъ родителей его, или учителя, или нѣкоторыхъ знакомыхъ. — Напрасно и бесполезно! Человѣкъ, мняющій ежедневно въ глазахъ ребенка праздничное и будничное свое плашье, никогда не пробудитъ въ душѣ того чистаго восшорга, въ которомъ всѣ звѣзды юношескаго идеала движущіяся и сіяютъ. Если образцы прекраснаго должны вести дѣшей по ихъ дорогѣ, зачѣмъ же выбирать темныя вмѣсто свѣпыхъ и блестящихъ?

Не Клію, Муза прошедшаго, предлагаетъ вамъ свое содѣйствіе, и съ нею вмѣстѣ лучезарный отецъ ея, Аполлонъ. Наполните душу юноши свѣтлымъ міромъ героевъ, великими людьми, съ любовью изображенными во всемъ ихъ разнообразіи: и врожденный, недостигаемый идеалъ, хранящійся въ сердцѣ каждаго, пробудится и оживеетъ для него.

Пусть также глядитъ онъ смѣло въ глаза всякому поэтическому идеалу: привыкнувъ къ чистому его сіянію, взоры вынесутъ свѣтъ двухъ идеаловъ высшихъ: того, коимъ соотвѣтъ изображаешь намъ, и идею о Богѣ.

Намъ соотвѣствуетъ (и справедливо), чтобы юношамъ представляли непременно полубогъ наше, освѣщенное шеперешнимъ человѣчествомъ, не для того, чтобы внушить терпимость къ посредственности — неперпимость въ такомъ случаѣ полезна — но для того, чтобы сіяніе чуждаго намъ внѣшняго міра — изъ драгоценныхъ ли камней исходящее, или въ капляхъ росы играющее — опризилося на ихъ розовомъ утрѣ. Чрезвычайно вредно дѣшамъ (вреднѣе даже изображеній людей діаволовъ, ибо о главѣ адскихъ духовъ и безъ того слышатъ они ежедневно) — изображеніе смѣшанныхъ характеровъ, для того, чтобы изъ оныхъ извлекали они достойное подражанія. Собственная ихъ смѣшанная натура, слѣдовательно, такое же имѣетъ право на вниманіе, и пошому можетъ заставить

ихъ довольствоваться ею. Чему научается юноша въ сложной нравственности такого многобожія? Прибѣгаешь къ себѣ удобное уравненіе побѣды надъ порокомъ, съ подчиненностью ему. — Для Евангельской проповѣди о терпимости человѣческихъ слабостей легче всего взять вамъ текстъ — въ немъ самомъ.

Вѣроятно педагоги возстанутъ противъ такого идеализированія юношества (педагоги, преслѣдующіе все великое, какъ охотники слоновъ, чтобы послѣ ручныхъ, беззубыхъ и навьюченныхъ держали въ конюшняхъ). „Все это, скажутъ они, „прекрасно для Романа. Такое напряженное изыщество будетъ и лишнимъ и безтолковымъ въ дѣйствительномъ мірѣ, въ которомъ мы жить должны, и который не соотнобщается съ мечтами незрѣлаго юноши. — Говоря романическимъ языкомъ, на свѣтѣ нѣтъ ни фениксовъ, ни василисковъ, а обыкновенныхъ земныхъ и водныхъ животныхъ. — Молодой человѣкъ обязанъ, какъ и старой, примѣняться къ людямъ своего времени, и выкинуть изъ головы пустихъ исполиновъ. — Середина вѣрная дорога вездѣ: — вошъ каковы должны быть люди, говорятъ юношамъ; но не смотри на то, что они не таковы, пускай живутъ въ томъ кругу, гдѣ имъ жить назначено. Идеальность тогда только получается въсь и цѣну, когда дѣйствуетъ для полезной существенности. Въ Цирихѣ на пр. каждый ученый, Правомъ ли онъ учил-

„ся, Философіи, или Политикъ, записывается въ цехъ шкачей, башмачниковъ, столяровъ и пр. — Только такъ, а не иначе образуются опечестиву граждане, приносящіе честь родителемъ и наставникамъ.“

Съ послѣднимъ я согласенъ. — Но если свѣтъ и время опнимаютъ и безъ того наши силы, то почему же должны мы пускаться дѣшай своихъ на поприще, обезсиливъ ихъ прежде воспитаніемъ? Не уже ли въ позднихъ годахъ нашихъ, спускаясь все ниже и ниже по равнинѣ жизни, будемъ мы ждаться возвышеній, вмѣсто обыкновенныхъ ямъ, лощинъ и плоскостей? — Не уже ли намъ нечего предупреждать, опережать? — Съ духовными очами обходитесь по крайней мѣрѣ также, какъ съ очами тѣлесными: имъ сначала даютъ очки, едва выпуклые, кошорыя немного уменьшаютъ, ибо употребленіе очковъ само собою приучаетъ къ стекламъ больше выпуклымъ, больше уменьшающимъ предметы. Опаснѣе всего и хуже кажется вамъ то, что юноша можетъ выбрать своимъ идеаломъ чтонибудь существенное? но самого худаго, самого вреднаго, чтобы онъ идеаль свой не облекъ въ темную существенность, вы не опасаетесь? — О, какъ часто бываетъ это и безъ вашего содѣйствія! Спѣлый подсолнечникъ, съ своими полными зернами, перестаетъ обращаться къ солнцу и вертѣться за нимъ. — Пышный Рейнъ находитъ скоро свою равнину, по кошорой капишься безъ

блещащихъ водопадовъ, и тащитъ грузъ свой въ Голландію. — Нѣкоторые проснупки, ошибки неопытности, излишества — что́ они въ сравненіи съ тою невыразимою бѣдностью, когда безъ священнаго огня юности, безъ крыльевъ, безъ великихъ намѣреній, вступаютъ на узкое, холодное поприще жизни, съ такою же почти нагошою, съ какой обыкновенно изъ него выходятъ? — Какъ можешь жизнь созрѣть безъ жаркаго юношескаго идеала, и вино безъ Августа? — Все прекрасное, совершенное людьми, если даже оно совершилось въ холодныхъ годахъ спарости, есть только поздно созрѣвшее сѣмя, упавшее съ дерева жизни, въ раю дѣтства роснущемъ: все прекрасное есть исполнившаяся мечта юности. Или вы никогда не видали, какъ человѣкъ чрезъ цѣлую жизнь свою слѣдуешь и руководишься однимъ первымъ кумиромъ раннихъ лѣтъ своихъ? Чѣмъ же замѣните вы эту пушеводительную звезду? — Кормиломъ умнаго самолюбія? — И что же? что въ самомъ дѣлѣ одно нужно человеку? — Право, не сила для прижесенія жертвы — человѣкъ охотно при видѣ божественнаго сбрасываетъ съ себя все, что въ себѣ земнаго имѣетъ, все что не нужно Божественному. — Не сила нужна ему, а вѣра, лицезрѣніе Божества, достойнаго лучшихъ человѣческихъ приношеній. — Истребите же въ душѣ его Идеаль, исчезнетъ и храмъ, и жертвенникъ, и все!

ПОѢЗДКА НА ИМАТРУ.

Наше пупешествіе было въ началѣ Сеп-
тября. Пусаясь въ пущь около полуночи,
мы проѣхали, не замѣшивъ и многолюдную
Черную рѣчку, и песчаная окрестности
Питера, и очаровашельную Паргалу, копо-
рой имя, по странному прошиворѣчію, на
Финскомъ языкѣ означаетъ чорпа. На раз-
свѣтъ подѣзжали мы уже къ спанціи Бѣ-
лоострову, гдѣ поразилъ насъ первый при-
знакъ приближенія границы — не столпъ и
не памятникъ, а шаможенный служитель.
Звая, вышелъ онъ посмотрѣть на дорогу,
и не замѣшивъ на ней ни одной повозки
со стороны Финляндіи, печальнымъ маршемъ
ворошилъ доспать въ свою землянку. Изъ
Бѣлоострова мы ѣхали по скапу возвышенія;
по лѣвую сторону спелелся широкая равни-
на, усянная лѣсомъ, копорая вдали сливает-
ся съ синею полосой Финскаго залива; изъ-
за лѣса мелькають каменные строенія Се-
спрорѣцкаго оружейнаго завода, копорый,
говорясь, примѣчашельнѣ Тульскаго, но до
сихъ поръ не имѣетъ счастья найши сво-
его Гаммеля. — Но вотъ коляска кашилась
въ глубину оврага, переѣзжаетъ бревенча-
шый мостъ, подъ копорымъ шумитъ рѣчка
Сеспра, пробираясь по камнямъ, и —
мы въ великомъ Нняжествѣ Финляндскомъ.

Невольнo скучая однообразіемъ равнинъ,
я давно былъ жаденъ къ разсказамъ оче-
видцевъ о гористой Финляндіи, и съ любо-

пылпшвомъ разсмапривалъ ея ландкарту, копорая оплешена какъ будшо кружевомъ излучиспыхъ озеръ, рѣкъ и заливовъ. Начало дороги обмануло пышныя наши ожида- нія. Мы жали плечами, видя вокругъ себя природу шощую, безсилную. Чухонскія лошади, еловыя и березовыя рощи, хлѣбныя одонья на поляхъ, устѣнныхъ каменьями, деревенскія хашы и хозяева, раздѣляющіе ихъ съ домашнею скопиною — все эшо пора- жало насъ микроскопическою мѣлкосшію. Правда, природа въ своей цѣлоспи плѣня- ла какимъ-шо грустнымъ величіемъ: иногда разширялись передъ нами волниспые поля- ны, подъ копорыми лежалъ блѣдный небо- склонъ Сѣвера; взоръ шерялся на лѣсахъ, желспыхъ ошъ осенняго холода, и шщешно искалъ хощь одной хижины, хощь одного дома, копорый бы напомнилъ о жильяхъ человѣческихъ; иногда въ споронѣ ошъ на- шей дороги шянулось синей полосой пу- спынное озеро съ грядою оспрововъ, ни кѣмъ не обитаемыхъ. Но когда мы начали приближашься къ Выборгу, природа намъ предспавила совсѣмъ другія каршины. Поч- ва спала неровною; по бокамъ гладкой шоссе лежали уродливые величиной куски грани- ша. Въ иномъ мѣспѣ лежали они на верху бугра, и взгроможденные неправильными грудями, издали походили на развалины го- родской спѣны или на древнее кладбище ис- полиновъ; въ другомъ покрывали они вели- кое проспранство разбросанными шѣлами, сѣвно великаны здѣсь соспязались бишвою

и мешали другъ въ друга сіи скалы. Вообще видъ эшаго края возбуждаешъ мысль о великомъ первобытномъ мірѣ, насильственно разрушенномъ враждебными стихіями; съ симъ согласуется и мнѣніе естествоиспытателей. Мы съ удивленіемъ встрѣчали гранишныя скалы саженой въ 6 или 8 вышиною, гдѣ время успѣло произвести плѣснь, и эша плѣснь поросла мохомъ и папоротникомъ, изъ-за копорыхъ выглядывала недоросль березы. Сколько вѣковъ пошребно было пролежать мершвому камню, прежде чѣмъ духъ жизни пробудилъ на его поверхности новую расшительность!

Въ продолженіе дороги мы встрѣпили одну только большую деревню, населенную Рускими: эшо Красное село, по Чухонски Киреле, близъ озера того же имени. Въ оспальныхъ живутъ Чухонцы: нечистота, бѣдность одежды, безпечность, замѣшная во всякомъ ихъ движеніи, заспавляютъ вѣришь шому, что за 120 лѣтъ предъ симъ, когда сія спрана доспалась Петру I, ея жители даже не умѣли плести себѣ лаптей. Это принудило Государя выслать изъ Казани и Нижняго Новгорода 6 маспероватыхъ мужиковъ, копорые наставили Чухонское племя сему важному искусству. — Узкій лобъ, свѣпслострые глаза, волосы свѣпслые, прямые, курносое лицо со ршомъ, засчетнушымъ ушами, и подбородкомъ почти безволосымъ, ростъ не много болѣе двухъ-аршиннаго — вошъ на-

ружность крестьянина, происходящего отъ древняго племени Финновъ. Жены не пригожѣ своихъ сожигателей; онѣ поспавляютъ красому въ шомъ, чѣобы зачесывать вверхъ свои волосы шакъ крушо, чѣо виски морщатся и волосы выпадають прежде времени; онѣ носятъ паншалоны, вѣрояшно для защиты отъ холода, и на многихъ мы замѣшили полосатые чешвероугольные епанчи въ родѣ Шотландскихъ plaids. Но при сей непривлекательной наружности маймистровъ (шакъ они зовуть сами себя) звуки языка ихъ напоминають музыкальное нарѣчіе Италіи. Въ Чухонскомъ языкѣ мало согласныхъ, а какія есть, шѣ произносятся съ мягкостію, удивительною даже для Рускаго слуха. Когда полупьяный ящикъ распѣвалъ намъ народную свою пѣсню, съ припѣвомъ:

Хала ли - ли, хала ли - ли,

Хала ли-ли, ла - ла,

мы съ удовольствіемъ прислушивались, и заставляли его переводить, сколько умѣлъ онъ, любовныя и не слишкомъ благоприсойныя слова ея. — Кромѣ Краснаго села, мы замѣшили на дорогѣ приходское село Кивина, любопытное своимъ крѣпкимъ высокимъ мѣстоположеніемъ и упоминаемое подъ именемъ Кивена въ походѣ воеводъ Іоанна Грознаго противъ Густава Вазы 1557 года. Къ Выборгу подъѣзжали мы около 7 часовъ вечера; вправо, на возвышенности, видѣли мы дачу, освѣщенную заходящимъ солнцемъ; влѣво были утесы, бросавшіе шнѣгъ свою на загородное кладбище Чухон-

ское, смиренно лежащее у подошвы ихъ. Прямо впереди, на берегу залива возвышался Выборгскій замокъ, заложенный Шведами въ концѣ 13 вѣка и осѣненный съ 1710 года прехвѣстнымъ Русскимъ флагомъ. Скоро, протѣхавъ незастроенный форштадтъ, мы вкачилились подъ шлагбаумъ, правильной Вобановской крѣпости, оконченной при Екашеринѣ II; ночевали въ виду самаго замка, въ гостинницѣ, которой хозяинъ Италіянецъ. Семейство его говоритъ по Нѣмецки, и при насъ танцовали Шведскую кадрили, преподанную какимъ-то пріѣзжимъ изъ Гельсингфорса Вестрисомъ. — На другое утро пустились далѣе, и снова обогнувъ вчерашній форштадтъ, сворошили на Кексгольмскую дорогу, къ мосту, который называется Корельскимъ, вѣроятно потому, что Кексгольмъ въ старину извѣстенъ былъ Русскимъ подъ именемъ Корелы. Отсюда древній Выборгъ и башня готическаго замка его предсавляются въ выгоднѣйшемъ видѣ. Гористою дорогою, освѣжаемые воздухомъ рѣзкимъ и здоровымъ, прокашили мы 60 верстъ до станціи Сѣтола. Около дороги между просѣками нерѣдко мелькають саженой на 20 в длину голыя гряды цѣльнаго гранита, или одинокіе огромные камни, изъ которыхъ одни удивляють уродливостію, другіе правильнымъ подобіемъ гробницъ, домовъ, или капищъ. Поблизости Выборга мы замѣтили на нѣкоторыхъ камняхъ нумера, и изъ того заключили, что они предназначены для Пе-

шербургскихъ зданій или памятниковъ ; но это были, разумѣется, не самые крупные: ибо, пока Механика не приведетъ болѣе силъ въ распоряженіе чловѣка, всѣ сокровища Америки не смогутъ поднять сіи громады, передъ копорыми скала, поддерживающая нашъ монументъ Петра Великаго, кажется маленькимъ обломкомъ.

Станція Сепола стоитъ на правомъ берегу Воксы. Рѣка, имѣя въ ширину сажень 30, вытекаешъ за три версты выше сей деревни изъ большаго озера Саймы, которое неправильными своими рукавами сообщается со всею системою внутреннихъ водъ Финляндіи. Вокса служишъ прошомъ, чрезъ копорый воды Саймскія изливаются въ озеро Ладожское, куда она впадаетъ при Нексгольмъ. Токъ ея, въ длину имѣющій версту 130, быстро бѣжитъ по дну каменистому, неровному, и часто теряешъ въ небольшихъ сквозныхъ озерахъ. Первый порогъ Воксы встрѣчается болѣе полуверсты выше селенія Сеполы. Порогъ сей, котораго дѣйствіе увеличивается крупными камнями, запрудняющими теченіе рѣки, даетъ ей такую быстроту, что она, по разсказамъ обывашелей, круглый годъ не замерзаетъ до самаго водопада Иманры, начинающагося чепыре версты внизъ отъ Сеполы. Здѣсь, два кремнистые берега, изъ копорыхъ правый выше лѣваго, спѣснили русло рѣки, такъ, что въ самомъ узкомъ мѣстѣ оно не шире 5 сажень. Первое препястствіе встрѣшилось у лѣваго берега; часть воды сше-

каешь прямо; но главная струя, съ какимъ-то опчаяннымъ усиленіемъ расширилась, опскакиваетъ къ крутому правому берегу, опсражается опъ него еще сильнѣе, вспрѣчаетъ посрединѣ массу воды, слѣва општолкнушой, спекается съ нею въ огромный бугоръ, высоко мечетъ брызги и съдую пѣну въ воздухъ, снова распадается, и — нѣсколько разъ повпоривъ то же безуспѣшное движеніе, съ возростающею силою и спономъ, наконецъ огромнымъ водянымъ хребтомъ ударяешь влѣво, и прорвавшись вонъ изъ ворошъ гранишныхъ, спѣшишь разлишь въ озеро, гдѣ далеко можно еще слѣдишь клубящуюся пѣну. Но сего недовольно для полнаго понятія объ ужасной быспрошѣ Иманры. Въ то самое время, какъ водяныя массы спекаются съ боковъ и одна у другой оспоривающъ выходъ изъ шѣснины, — гранишное дно, изрышое порогами, заставляешь рѣку падать съ одной подводной спупени на другую; спруя, низвергнушая внизъ, силишься вырваться на волю, и своимъ давленіемъ усугубляешь шумъ и ярость водопада. Вышины сихъ спупеней измѣришь не возможно, ибо онѣ совершенно погмощены водною массою, и ихъ сущесшвованіе обнаруживается только ея неровнымъ наклоненіемъ. Еще менѣе надежды узнать въ эпомъ мѣсшѣ глубину воды, ибо все въ нее опущенное вмигъ увлечено спремленіемъ пошока. Но если судишь по глазомѣру, уровень озера, въ которое рѣка выливается изъ своего заключенія, сажень по крайней мѣрѣ на 9 ниже по-

верхности того мѣста, гдѣ берега спѣснились; разстояніе же отъ озера заключаетъ въ себѣ около $\frac{1}{4}$ версты: такова крутоспѣ печенія!

Въ первый разъ мы взглянули на Импру, еще не доѣхавъ до станціи, съ высоты праваго берега. Вокса текла такъ глубоко, тѣсно, что первое впечатлѣніе вовсе не отвѣчало ожиданіямъ, и наше сердце, не слѣдуя привычкѣ путешественниковъ, билось ни сколько не сильнѣе обыкновеннаго. За то, когда спустились мы по деревянной лѣстницѣ къ самому водопаду, когда прошли возлѣ его, подъ брызгами волнъ, отъ которыхъ отдѣляли насъ одни зубчатые слои гранита, когда взобрались на утѣсъ, вдающійся въ воду при самомъ истоцѣ рѣки въ озеро, и вся длина текущей наклонности представилась глазамъ нашимъ: сознаюсь, воображеніе самое пугое не могло бы остаться равнодушнымъ. Это неутомимое терзаніе стихій, и мысль, что оно вѣчно; этошъ шумъ, который кажется безпре-спанно возростающимъ и наконецъ окушаетъ совершенно; эта странная пропѣлка положность береговъ, черныхъ какъ спадъ, съ пѣнистою волною, которая вдругъ ударится высоко о пещеры, въ нихъ прорышиа, и потомъ на нѣсколько времени обратишь свое спремленіе въ сторону, между тѣмъ какъ вода, ею заброшенная, серебрянымъ каскадомъ стекаетъ въ рѣку до прихода новой волны, еще огромнѣйшей; самыя эти шощія березы, висящія съ утесовъ и оро-

шенныя паромъ водопада: всѣ сіи предметы въ своей совокупности очаровываютъ душу и остаются неизгладимыми въ памяти.

Долго любовались мы симъ необыкновеннымъ явленіемъ природы. — Возвращаясь на берегъ, мы занялись чтеніемъ надписей, въ которыхъ прежніе посѣпители разсудили заблаго передать имена свои попомству. Намъ встрѣшилось много именъ Шведскихъ и Нѣмецкихъ, нѣкоторые Англійскія, но ни одного классическаго Русскаго. Имапра, не смотря на свою близость отъ столицы, видно, несчастливѣе водопадовъ Европы и Америки: тамъ плѣненный зритель услаждаетъ свое самолюбіе, перечитывая книжку съ именами мужей славныхъ, которые, подобно ему, нѣкогда любовались тѣмъ же зрѣлищемъ; она несчастливѣе даже уединенной Олонецкой Суны, которая по крайней мѣрѣ внушила Державина.

Пріѣхавъ на станцію, мы, не теряя времени, перевезлись чрезъ рѣку на весельномъ поромѣ, и взявъ одноколки съ провожаемымъ Чухонцемъ, который порусски понималъ только слово Имапра, отправились смотрѣть водопадъ съ лѣваго берега. Онъ подрытъ и совершенно нависъ на нихъ. Немного въ сторону, параллельно съ рѣкою, идетъ по немъ гряда камней, на которыхъ видны явные признаки того, что они были нѣкогда подводными. Это внушаетъ догадку, что рѣка нѣкогда имѣла другое русло и приведена въ нынѣшнее ка-

кимъ нибудь великимъ переворотомъ естественнымъ; сія догадка согласуется съ мѣстнымъ повѣрьемъ, будто Вокса дѣйствительно шекла когда-то по симъ камнямъ и приняла нынѣшній шокъ послѣ землетрясенія, бывшаго въ часъ смерти Христовой. — Дошедши до озера, куда стекаетъ и водопадъ, мы нашли у берега множество бревенъ и шестовъ, которые, будучи брошены выше, снесены сюда водою; окончанности ихъ были обшочены такъ кругло, что шокаръ не могъ бы дать имъ большей правильности. Слишкомъ въ верстѣ ниже есть мѣсто, гдѣ Чухонцы подбираютъ въ рѣкѣ камешки, ею же обдѣланные: зашѣйливость и симметрия формъ удивительны! Впрочемъ свойство воды обшачивать правильно швердые вещества, есть общее всѣмъ водопадамъ и быстрымъ рѣкамъ въ мірѣ; мнѣ самому случалось видѣть такіе камни съ Ніагары, кои ничѣмъ не опличаются отъ собранныхъ нами на Иманрѣ.

Смеркалось, когда мы возвратились къ нашей станціи: а пока успѣли ошобѣдять свѣжею форелью и собратъся въ пущь, возшель уже мѣсяцъ. Провъзжая мимо, мы невольно сошли взглянуть въ послѣдніе на Иманру съ высокаго берега: надъ нами густой паръ носился пеленою въ лучахъ блѣдной луны, а подъ ногами нашими водопадъ со стономъ кашилъ свои вѣчноперзающіяся волны. Опѣхавъ 7 верстъ, коляска нечаянно спала, и мы среди шоржественнаго молчанія ночи ясно внимали шуму попо-

ка на разстояніи 12 верстѣ. Мы снова остановились и здѣсь прислушались въ послѣдній разъ: звуки водопада глухо умирали въ отдаленіи. . .

По возвращеніи въ Выборгъ, первую нашу забаву на другое утро было осмотрѣть при достопримѣчательности: замокъ, Финскую кирку, сохраняющуюся въ томъ видѣ, какъ она построена въ XIII вѣкѣ, и Монгероз, извѣстный садъ, принадлежащій Барону Николаи, нашему Министру въ Копенгагенѣ. — Монрепо расположено въ 2 верстахъ отъ города, по берегу залива, который отъ Выборга далеко вдается внутрь земли. Сія дача сначала была принадлежностію Выборгскаго Намѣстничества, и отдѣлана съ великими издержками Герцогомъ Виртембергскимъ, въ бытность его въ сей важной должности. Императоръ Павелъ пожаловалъ ее своему Секретарю, отцу нынѣшняго Барона. Садъ сей шѣмъ болѣе примѣчателенъ, что главными красотою онъ одолженъ самой природѣ. Житель равнинъ не можетъ надивиться новостямъ и разнообразію карпинъ, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу: то увидите вы ширину залива и лѣсистые холмы другого берега; то проходите мимо скалъ ошвѣсныхъ, гладкихъ какъ стѣна, или изрытыхъ попоками, испещренныхъ мохомъ и древесными корнями. Дорога ваша сѣззилась; вы входите въ пещеру, садитесь; надъ головою вашею выдался огромный гранитъ; онъ нѣсколькими точками касается другой скалы, его поддерживающей; минуша — и онъ

рухнешся: что спасетъ васъ? его равно-
вѣсiе, и только. Возвращаетесь; васъ ос-
танавливаетъ бухта въ видѣ полумѣсяца;
въ самой его срединѣ возвышается къ не-
бу граничный курганъ, увѣнчанный скром-
нымъ обелискомъ изъ дикаго Олонецкаго
мрамора: это памятникъ любви братской,
памятникъ двумъ Графамъ Броглю, брать-
ямъ супруги хозяина, падшимъ на полѣ
битвы въ отечественную войну 1812 года.
Есть другой памятникъ, посвященный люб-
ви сыновней: переправьтесь на площадку
къ сему острову, который съ вашей сторо-
ны заросъ деревьями, взойдите по неров-
нымъ ступенямъ изъ обваливагося камня:
вы на Лудвигштейнъ; передъ вами неболь-
шое готическое зданiе; внутри его сто-
ятъ бюсты родителей Барона; по бокамъ
два мраморные памятника; немного ни-
же, ходъ въ подземелье, гдѣ по обычаю, доз-
воленному церковью Лютеранскою, стоятъ
открытыя гробы двухъ покойниковъ. Сей
островъ мѣсто для печали; обойдите нѣсколь-
ко шаговъ за бесѣдку съ бюстами, но не
оступитесь: вы на краю спремнины, гдѣ
глубоко бьются волны при ея подножii, и
васъ не спасетъ дерево, вкоренившееся ни-
же близъ подошвы.

Спаринная Римская кирка стоитъ не-
подалеку отъ нынѣшняго Русскаго Собора;
она не высока и составляетъ продолгова-
тый четвероугольникъ шаговъ въ 50 дли-
ною; стѣны ея складены изъ огромныхъ
нечесаныхъ каменьевъ, между которыми

отверстія задѣланы щебнемъ и цементомъ; кровля снаружи спущена по обѣимъ сторонамъ на образецъ Голландской и покрыта черепицею, а внутри сдѣлана сводомъ, который поддерживается готическими витыми пиластрами. Полъ составленъ весь изъ надгробныхъ камней; на нѣкоторыхъ время не успѣло еще совершенно изгладить надписи и гербы погребенныхъ подъ ними вѣнзелей. Мы разобрали одну надпись 17 вѣка; но прилѣжное изслѣдованіе вѣрно открыло бы гораздо древнѣйшія. Сія церковь современна основанію города, и не мудрено: ибо Шведы, покоряя себѣ Корелію, не смотрѣли на то, что ея родители большею частію были еще прежде крещены Новгородцами, но спѣшили обращать ихъ къ вѣрѣ Латинской. Шведскій Король Биргеръ въ грамотѣ, изданной около 1300 года, выражается такимъ образомъ: „Язычниковъ Кореловъ, которые издавна причиняли какъ нашимъ, такъ и инымъ посѣщителямъ Восточнаго моря, покражи, грабежи, испязанія безчисленные, не щадя ни пола, ни возраста, у живыхъ сдирая кожу или вырѣзывая внутренность, мы, убѣдивъ ихъ Божіимъ милосердіемъ, обратили къ Христіанству, ради распространенія единства вѣры католической, и вмѣстѣ соболѣзнуя спраданіямъ спраждущихъ; а потомъ съ великимъ воинствомъ и многотруднымъ изживеніемъ соорудили крѣпость Выборгъ, во славу Бога и Святыя Дѣвы.“

Древняя крѣпость, то есть замокъ, и принадлежащія оному строенія, занимающія

небольшой укрѣпленный островъ, соединяемый мостами съ шѣмъ и другимъ берегомъ залива. Не трудно оплестишь древнѣйшія части его, складенныя изъ такихъ же неровныхъ камней, какіе мы видѣли въ спѣнахъ Финской церкви, опѣ позднѣйшихъ кирпичныхъ построекъ; къ числу сихъ послѣднихъ принадлежишь и башня, которая однако уже существовала при взятіи Выборга Русскими. Вышиною она саженой въ 26, и съ ея верхушки открываешь обширный видъ, съ одной стороны на гористыя окрестности, съ другой на заливъ и гавань Шпралзундъ, верстахъ въ 5 отъ города, въ которой оснаиваются крупныя суда. Оттуда намъ показывали извѣстный Козакъ - камень, лежащій на дорогѣ къ Гельсингфорсу; онъ примѣчашеленъ по темному преданію о смерти козака, убитаго на немъ. Шведами въ то время, когда Пётръ Великій осаждалъ городъ. — Внутри пушоты башни мы видѣли деревянную модель желѣзнаго колеса, которымъ поднимались на высоту аршиллерійскія орудія, когда военное искусство гордилось еще швердынями высокими и не посчитало вѣрнѣйшей обороны, въ наше время доставляемой омирными окопами. Южный уголъ замка кончается небольшою башенкою, въ которой можно видѣшь круглую комнату со сводомъ и тѣсными окошками; здѣсь нѣсколько дней жилъ Пётръ Великій по завоеваніи Выборга, и до сего времени помняшь мѣсто его кровати, которая давно оплезена въ Пешербургъ на

сохраненіе. Въ трехъ комнахахъ, прилежащихъ къ сему ночлегу Пепра, расположенъ Архивъ офиціальныхъ докуменшовъ на Русскомъ языкѣ со времени присоединенія города къ Россіи; въ числѣ ихъ находящіяся нѣкоторыя бумаги за подлинною подписью Апраксина, Меншикова и другихъ вельможъ незабвеннаго времени Пепрова. Древнѣйшіе памятники на языкѣ Шведскомъ, относящіеся къ Исторіи города, хранящіяся, сказывали намъ, въ Архивѣ суда городского. — Внутри замка на возвышеніи подлѣ главной башни сохранился остатокъ обвалившейся стѣны; на ней замѣтны слѣды глубокой древности, и весьма вѣроятно, что она есть настоящее, первое ядро замка; все же остальное поспешенно приспособлено въ послѣдствіи. На другой сторонѣ залива, саженьяхъ во 100 отъ крѣпости, намъ показывали мѣсто башарей, съ которыхъ ее громили ядра Русскія: это голый гранитъ, на которомъ вырѣзаны крестъ и вензельное имя Пепра. Почеркъ сего вензеля новъ, однако никакой изъ спорожиловъ Выборгскихъ не запомнилъ, когда онъ былъ написанъ.

Сколько перемѣнъ видѣли стѣны сего замка съ темныхъ временъ древности, когда толпы дикихъ Нореловъ со страхомъ и шепетомъ сходились приносить скудную дань звѣриныхъ шкуръ Коменданту Шведскому, — до того дня, когда отважный Пепръ, выставивъ Шведскій флагъ на своихъ шлюпкахъ и стрѣляя пущими залпами по Рус-

скимъ осаднымъ башареймъ, обманывалъ осторожность гарнизона Выборгскаго, и въ виду непріятели подвозилъ помощь войску, осаждавшему крѣпость. Сколько воспоминаній пробуждаютъ сіи сѣны съ той поры, когда нестройные ратники Московскіе подступали къ нимъ и бѣжали въ ужасѣ отъ *Выборгскаго треска*, до той славной минушы, когда Адмиралъ Апраксинъ торжественно вѣзжалъ въ покоренный городъ, и въ его свистѣ смиренно слѣдовалъ Пётръ Великій! . . .

Часть Финляндіи, обитаемая Емью, издавна плашила дань Новгородцамъ. Около 1160 года, при Ерикѣ Святомъ, Шведы, пользуясь междоусобіемъ и слабостію Россіи, покорили вновь эту страну, изобильную хлѣбомъ и мѣхами; но завоеваніе не могло быть прочно, пока Новгородцы, владѣя Корелюю, могли вторгаться въ оное и опустошать, когда хотѣли. Дѣйствительно Корелія, огражденная Финскимъ заливомъ, Невою и озеромъ Ладожскимъ, служилъ для сего края естественною воинскою границею и, такъ сказать, воротами Финляндіи. Сдѣлавъ вѣрояпно сіе соображеніе, Шведскій Великій Маршалъ Торкель Кнутсонъ въ 1293 послалъ войско въ Корелію, которое основало Выборгъ при Финляндскомъ заливѣ и Кексгольмъ при Ладогѣ; но Новгородцы, скоро смекнувъ дѣло, взяли послѣдній городъ приступомъ и срыли его до основанія. Неутомимый Торкель успремился въ другую сторону, разбилъ

Новгородцевъ близъ Невы, и на Южномъ берегу ея при устьѣ Охоты заложилъ деревянную крѣпость Ландскрону. Удалясь въ Швецію, онъ повѣрилъ крѣпость воеводѣ Сшену, который былъ выпязъ весьма храбрый, но имѣлъ одну несчастную поговорку: „На что беспокоить великаго Маршала!“ Вѣрный этому правилу, онъ хладнокровно дожидаясь, и не просилъ подкрѣпленія, пока Новгородцы съ своимъ Великимъ Княземъ Андреемъ Александровичемъ подошли и испребовали злополучнаго Сшена съ его поговоркой и крѣпостию. Немного спустя, около 1320 года, Россіане при истоки Невы изъ Ладожскаго озера основали городъ Орѣховъ, нынѣ Шлиссельбургъ, и заключили миръ со Швеціею, въ слѣдствіе котораго за нами остался городъ Нексгольмъ и печеніе Сеспры рѣки. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ берегами Невы и Ладожскаго озера перевѣсъ воинскій утверждёнъ былъ за Россіей; сіе обстоятельство и соединеніе государства подъ одну державу были причиною того, что всѣ послѣдующія войны наши со Швеціею были насупательныя. При великомъ Князѣ Василѣ Димитріевичѣ Новгородцы выжгли предмѣстія Выборга. Въ 1495 году, по Р. Х., въ годину несчастную для Швеціи, Іоаннъ III, дѣйствуя заодно съ Королемъ Датскимъ, послалъ войско подъ Выборгъ; оно разсѣялось отъ страха, причиненнаго порохомъ взрывомъ, который окрестные жители приписали колдовству.

Ч. VI. No XXI и XXII. 5

и помнили долго. подъ названіемъ Выборгскаго преска; но разорило околodoкъ сего города. На слѣдующій годъ одно ополченіе. Московское двинулось къ Абову, близъ коего разбило 7000 - ный непріятельскій корпусъ, не смотря на присущствіе въ семъ городѣ самаго правителя Швеціи, Спена Стура; другое, зашедши со стороны Ляпландіи, разорило берега Торнео и всю Финляндію изъ конца въ конецъ. Въ 1557 воеводы Іоанна IV разбили полководцевъ Густава Вазы недалеко отъ Выборга, и смиривъ гордость Короля, принудили его подписать въ мирномъ шрапшѣ соглашеніе сноситься впредъ не прямо съ Царемъ Московскимъ, но съ его Новгородскими Намѣстниками. Но слава сихъ подвиговъ зашмилась въ началѣ 17 вѣка, и Сполбовскимъ миромъ Россія отдала Швеціи нешолько всю Корелію, но Ингрію и другія земли, занятыя Делагардіемъ во время смяшенія. Только геній Петра и обстоятельствва особенныя, имъ же сошворенныя, могли возвращитъ намъ перевѣсъ рѣшительный. Сколько трудовъ это стоило, о томъ можно судить по осадѣ Выборга: еще въ 1706 году приступали къ сему городу 20 т. Россіянъ, и возвратились безъ успѣха. Въ 1710 *добывало* Выборгъ 18000 - ное войско, съ 60 пушками, 30 морширами, предводимое Царемъ и Адмираломъ Апраксинымъ, и пособляемое флотомъ, который мѣшалъ подвозу всякой помощи къ крѣпости: и шудъ осада кончилась не прежде 2½ мѣсяцевъ. При самыхъ пе-

реговорахъ о мирѣ Нейшадскомъ, когда Шведское могущество давно было низложено, Россійскій Дворъ, довольный приобрьшеніемъ Ингрій и Балтійскихъ областей, ожестно отказался бы отъ Кореліи; но дипломатическая ловкость уполномоченнаго Генерала Брюса сберегла для него важное обладаніе Выборгомъ. Оно послужило краеугольною ступенью къ завоеванію всѣхъ земель на воспокъ отъ залива Ботническаго. Абовскимъ договоромъ 1783 года предѣлы Выборгской Губерніи распространены до Нейшлоша и береговъ Кюменя; а Фридрихсгамскій миръ подчинилъ Русской державѣ новую Финляндію, копорая, подъ именемъ Великаго Княжества, соединена со шварою и получила отъ щедрости Императора Александра утвержденіе первобытныхъ своихъ правъ и преимуществъ. Если разсмотримъ ннѣ снхъ происшествій въ отношеніи къ Географіи, то всякому конечно покажется примѣчательнымъ, что въ началѣ 14 вѣка стояла на Охтѣ крѣдость Шведская Ландскрона, а въ началѣ 19 близко той же Охты построены за Петербургскою засѣвою пороховой заводъ, съ шѣмъ, что бы легче подвозить огнестрѣльные снаряды къ покоренію всей Финляндіи до Ледовишаго Океана.

ДРЕВНІЕ ГРЕКИ.

Греки были не только вѣчными младенцами, по словамъ Египетскаго жреца, но и вѣчными юношами. Если позднѣйшіе стихопворцы — произведеніе времени, и въ особенности Германскіе — произведеніе времени; то Греческіе стихопворцы застали упреннее время, росли въ краѣ полудня. Поэтическая дѣйствительность, вмѣсто тѣни, бросала одинъ свѣтъ и отражалась въ поэтическихъ твореніяхъ. Вообразимъ себѣ страну, гдѣ все способствуетъ къ тихому вдохновенію, гдѣ найдешь счастливую средину между бѣдностію и излишнимъ обиліемъ природы, между зноемъ и холодомъ, между вѣчными облаками и однимъ пустымъ небомъ; шу средину, безъ кося Діогенъ не могъ бы существовать; — страну, исполненную горъ, какъ вѣчныхъ преградъ между различными племенами, какъ хранищелей и разсадниковъ свободы и силы, но гдѣ также разстилались очаровательныя долины, какъ тихія колыбели пѣвцовъ: легкий вѣтерокъ несетъ опшуда по скользящимъ волнамъ къ благословенной Іоніи, въ творческий рай Адама поэзіи — Омира. Прибавимъ къ тому шу средину, дарованную фанпазіи самымъ климатомъ, между Норманомъ и жителемъ Аравіи, подобно тихому солнечному огню между луннымъ сіяніемъ и быстрымъ

земнымъ пламенемъ — народъ свободный, гдѣ рабы были конечно осуждены на трудъ и ремесла, но гдѣ зато вольный гражданинъ жилъ единственно для упражненій въ гимнастикѣ и музыкѣ, то есть, для образованія тѣла и души. Победы бойцевъ на Олимпійскихъ играхъ были также славны, какъ и торжества Геніевъ, и Пиндаръ не былъ знаменитѣе своего предмета. Философія была наукою цѣлой жизни, и ученикъ соспѣривался въ садахъ своего учителя. Юное чувство Поэзіи не попало подъ убійственный рѣзецъ любомудрыхъ изслѣдователей и сохранилось невредимо, пламенно предъ остроумнымъ сомнителемъ философовъ, которые въ нѣсколько олимпіадъ обошли весь превысшренній міръ. Прекрасное, подобно войнѣ за отчизну, принадлежало всѣмъ сословіямъ и, подобно Делійскому храму Аполлона, соединяло всѣ Греческія племена. Человѣчество было болѣе дружно съ Поэзіей; Эсхиль желалъ, чтобы въ надгробной его были описаны только воинскіе его подвиги, а за подвиги поэтическіе Софоклъ получилъ начальство надъ войсками въ Самосѣ, и для торжества его погребенія Аѳиняне испросили перемиріе отъ осаждавшаго ихъ Лисандра. — Поэзія не была окована, схоронена въ спѣнахъ душевной столицы; но свободно парила надъ всею Греціею, и выражаясь на всѣхъ Греческихъ нарѣчіяхъ, соединяла всѣ различные племена въ одно сердце; внутреннія и вѣншія войны за свободу испытыва-

ли, питали народную дѣятельность, и самое приморское положеніе городовъ способствовало къ тому. Но воинскій духъ Грековъ не мѣшалъ ихъ умственному развитію: для нихъ война была щипомъ, тогда какъ для Римлянъ она была мечемъ. Наконецъ скажемъ также объ этомъ чувствѣ прекраснаго, которое, по словамъ Теофраста, заставляло юношей спорить о мужской красотѣ, которое живописцамъ воздвигало сѣнапи, даже храмы, и обоготворяло юношу послѣ его смерти, или при жизни возводило въ достоинство жреца, за то единственно, что онъ былъ прекрасенъ собою; — это чувство красоты, для котораго шеандръ былъ важнѣе войны, которое съ такимъ же шрепещомъ ожидало сужденія народа о какой нибудь поэмѣ, какъ приговора къ смерти, и которое всю Грецію заставляло праздновать торжество стихотворца или художника. Спрана, гдѣ все было украшено, отъ одежды до фуріи, подобно какъ въ жаркихъ климатахъ всякое явленіе въ воздухѣ или лѣсахъ, даже хищный звѣрь, пролетаетъ и мчится въ блестящихъ огненныхъ краскахъ; тогда какъ холодное, неизмѣримое, однообразное море заключаетъ въ нѣдрѣ своемъ одни съдыя чудовища. Спрана, гдѣ на всѣхъ улицахъ, во всѣхъ храмахъ звучныя струны искусства раздавались сами собою, подобно Золотымъ арфамъ. Цѣлый народъ, въ упоеніи прекраснаго, съ религіею, которая увеселяла и зрѣніе и сердце, которая примирала боговъ празднествамъ:

ми, и какъ бы храмъ уже былъ Олимпомъ, учреждала одни радостныя игрища и искуства, и веселыми хорами, какъ виноградными лозами, обнимала при четверти года. Тотъ же народъ, дружный съ своими богами, близкій къ нимъ, отъ самыхъ опдаленныхъ баснословныхъ временъ, гдѣ, какъ на высокомъ холмѣ, его предки - герои казались исполинами и перялись между богами, до наспоющаго, гдѣ вся природа оживлялась ими, гдѣ во всякой рощѣ шайлось какое нибудь божество или споялъ храмъ его, гдѣ для каждаго человѣческаго вопроса и желанія, равно и для каждаго цвѣшка, божество олицетворялось, и гдѣ небесное, подобно шихому голубому эеиру, вездѣ окружало земное — когда самая жизнь въ народѣ уже шакъ свѣшла, когда въ самый полдень предъ нимъ блестящъ шощъ очаровашельный мѣръ, который у другихъ народовъ существуетъ въ одной Поэзіи, — шо для такихъ юношей, живущихъ между розами и подъ Авророю, какъ разыграющся упренніе сны Поэзіи, когда они задремлютъ подъ ними — какъ смѣшающся ночные цвѣшны съ дневными — какъ перенесутъ они весеннюю жизнь земли на небо Поэзіи — какъ привяжутъ они самое горе къ веселію поясомъ Венеры?

(Съ Нѣмец. А. В.)

МНѢНІЕ О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ И ПРАВОПИСАНІИ ОНАГО.

Въ N 20 Вѣстника Европы за 1829 годъ помѣщена была *сообщенная* Издашелоу Малороссійская пѣсня и замѣчаніе, касающееся предложеннаго мною правописанія Малороссійскаго, и мнѣнія о семъ языкѣ. Мнѣ пріятно было въ сочинителѣ замѣчанія онаго найши еще новаго послѣдователя *главному основанію* правописанія моего, въ слѣдствіе коего всегда удерживающся коренныя гласныя буквы, и тольکو опмѣчающся особымъ значкомъ, если выговаривающся иначе. Онъ *принимаетъ* сіе основаніе, и тольکو обнаруживаетъ несогласіе свое опносноительно предлоговъ *зѣ* и *одѣ*, кои, по его словамъ, не всегда должны бытъ упошребляемы вмѣсто *сѣ* и *отѣ*. Онъ ссылается на всѣхъ Малороссіянъ въ томъ, что они предлоги сіи, *предшествуемые* согласными буквами: к, п, с, ш, хв (ѣ), ц, ч, ш, щ — произносятъ просто какъ *сѣ* и *отѣ*, а *послѣ* всѣхъ прочихъ согласныхъ какъ *зѣ* и *одѣ*.

Если слова *предшествуемые* и *послѣ* — поставлены сочинителемъ замѣчанія умѣстно, то онъ можеть бытъ и правъ; тольکو безъ примѣровъ я сего не понимаю. Еслижъ, какъ кажеться, они по ошибкѣ поставлены вмѣсто *послѣдуемые* и *предѣ*;

то слишкомъ поспѣшное сдѣлано рѣшеніе, будто я пишу совершенно несправедливо. Не полагаясь на собственную память звуковъ, сошлюсь на Малороссійскихъ писателей нашихъ и на пьесы, кои помѣщены были въ В. Европы. Ихъ примѣрами можно доказать, что и *предѣ* сказанными согласными буквами предлогъ *зѣ* употребляется. Такъ просвѣщенный авторъ *Твердовскаго*, хотя и не принимаешь моего правописанія въ главномъ, но пишешь: *зѣ* кухни, *ни-зѣ* хмѣ, *зѣ* пisku, *зѣ* прогонища, *зѣ* печи, *зѣ* чортомъ и проч. Въ Грамматику Г. Павловскаго встрѣтите: *зѣ* покоемъ, *зѣ* корчмы, *зѣ* симъ, *зѣ* цыпками; у Кн. Цершелева: *зѣ* симъ; въ стихотвореніи *Молодица* (В. Е. 1829 N 9): повій *зѣ* того краю. Наконецъ и въ *Енеидѣ* Кошляревскаго найдутся примѣры, подтверждающіе принятое мною правило: предлогъ *зѣ* (принимашь ли его всегда за измѣненіе предлога *сѣ*, какъ въ Польскомъ языкѣ *z*; или иногда какъ сокращеніе предлога *изѣ*, употребляемаго весьма часто вмѣсто *сѣ*) пишешь во всѣхъ случаяхъ, хотя иногда говоришь и *сѣ*. Русскій предлогъ *со* — по Малороссійски *зо* (*зо* мною, *зо* всѣмъ). Что Малороссійскому языку свойственъ звукъ *з*, видно изъ словъ *знайшовѣ* и ш. п., кои въ Русскомъ употребляются безъ сего звука (нашелъ...). Впрочемъ я не могу сказать ничего положительнаго о словахъ сложныхъ съ симъ предлогомъ, и не распространяю на оныя сказаннаго правила; но и правило

замѣчателя: будшо предлоги сіи должно писать по правописанію древняго Славянскаго (?) или Русскаго (?), не изъятю ошъ возраженій относительно сложныхъ словъ. Припомъ и въ Русскомъ правописаніи не всъ одного мнѣнія касательно употребленія буквъ *з* и *с*: напр. Г. Пенинскій сперва напечаталъ второе исправленное изданіе Славянской Грамматики, а попомъ изданіе шрешіе вновь исправленное, и сія перемѣна одѣлана вѣрояшно въ слѣдствіе законовъ правописанія Славянскаго, болѣе объяснившася послѣ втораго изданія: не угодно ли Гну замѣчателью сдѣлать такое заключеніе! — Чшо касается до предлога *одъ*, шо и его спавиль я вездѣ для единообразія, вмѣсто *отъ*, по примѣру Сербскаго языка, въ коемъ сія частица имѣетъ всъ шѣ значенія, какъ и въ Малороссійскомъ (см. Малорос. Пѣсни стр. 202). Припомъ Малороссійская частица *отъ* значить шо, чшо въ Рускомъ *отъ*: *от* - се или *от* - це (вошъ эшо, эшо); *от* - ще (вошъ чшо) и проч. — Я шакъ распространился о сихъ двухъ частицахъ, ибо надобно было показатъ, чшо замѣтившій частныя ошибки моего правописанія едвали не самъ ошибается, шѣмъ болѣе надобно было, чшо онъ изъ сего выводить дальнѣйшія слѣдствія порядкомъ совсѣмъ не законнымъ. Симъ однакожъ я не думаю защищать правописанія моего во всѣхъ частностяхъ; я вижу самъ ошибки онаго и спаряюсь исправлять ихъ, хошя эшо не служишь ни-

сколько къ его опроверженію. Всякая система допускаетъ частныя усовершенія, и не можешь быть изъятною отъ оныхъ; но только та можешь быть названа прочною и удовлетворительною, основаніе коей не измѣняется частными поправками, и которая удовлетворяетъ большому числу случаевъ. Таково, смѣю думать, употребленіе коренныхъ гласныхъ буквъ въ Малороссійскомъ правописаніи, гдѣ буква одна и та же выговаривается иначе, по разнымъ произношеніямъ (*нонь* — произносишь въ разныхъ мѣстахъ различно: *кинъ*, *кюнъ*, *куинъ*, *кунъ*, *кюнъ*, *кынъ*). Посему главное дѣло здѣсь будетъ состоять въ нахожденіи коренной гласной буквы, — въ томъ, чтобы понять происхожденіе слова; причемъ не всегда можно вдругъ попасть на истину. Такъ на пр. у меня ошибочно было писано: *лѣнѣ* — счесть, *лѣчити* — счислять; ибо, при одинаковомъ выговорѣ, сіе слово должно писать съ буквою *ѣ* тогда только, когда оно означаетъ врачеваніе (особенно внутреннее): *лѣчу*, *лѣкарскій*; но въ первомъ значеніи должно писать съ буквою *и*: *лѣчу* — счисляю, *лѣнѣ* — счесть или число, *лѣнѣба* счесть или счисленіе.

Сочинитель замѣчанія, указавъ на недоказанныя ошибки мои относительно двухъ предпологовъ, приписываетъ подобныя неправоподобности *принятому* (будто бы мною) *ложному мнѣнію*, что Малороссійскій языкъ происходитъ отъ Русскаго и Польскаго, отъ

ихъ смѣшенія. Потомъ онъ утверждаетъ, что сей языкъ нельзя производить непосредственно ни отъ Великороссійскаго, ни отъ Польскаго; что онъ по множеству формъ древняго Славянскаго языка, *утерянныхъ* въ Русскомъ и Польскомъ, и по другимъ особенностямъ, ему только свойственнымъ, оплеченъ отъ вѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчій, и ш. л. Говоря сіе, онъ изводитъ на меня небылицы, и желая обвинить меня, самъ оправдывается, ибо защищаетъ то мнѣніе, которое (не знаю, первый ли я, да и не претендую на то; по крайнѣйшѣ *самъ по себѣ*) я высказалъ въ моемъ изданіи пѣсень, вопреки существующему мнѣнію, будто Малороссійскій языкъ есть только нарѣчіе Великороссійскаго, испорченное Польскимъ. — Изъ сказанаго мною (Мал. П. стр. XII.), что форма пѣсень Малороссійскихъ, какъ и самый языкъ, занимаетъ „средину между Польскими и Рускими“ — вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ ихъ смѣшеніемъ. Я именно говорилъ (стр. XXXV и 183): „что во многихъ своихъ „словахъ сей языкъ ближе Великороссійскаго, „и Польскаго къ прочимъ языкамъ Славянскаго корня, такъ, что его можно почти „считать дѣйствительно среднимъ въ системѣ сихъ нарѣчій, какъ и самое положеніе „спраць, гдѣ говорятъ симъ языкомъ“, что „изслѣдователь Грамматики Малороссійскаго языка увидѣлъ бы въ немъ нѣрѣдко свой „слова (ш. е. слова и ихъ формы), идущія прямо отъ Славянскаго корня и утра-

„ченныя въ Русокомъ; могъ бы открытъ не-
 „стоянныя законы употребленіемъ и мѣсп-
 „носпіями зашемненныя. — Дѣлая указанія на
 „другіе языки, я старался показашь сродство
 „онаго съ словами Польскаго и другихъ Сля-
 „вянскихъ нарѣчій, и имѣлъ въ виду показа-
 „ніе: въ какихъ еще языкахъ повшорились
 „слова Малороссійскія, а не изъ какого язы-
 „ка перешли они въ Малороссійскій.“ — Для
 доказательства его особенності, я указалъ
 въ предисловіи на нѣкоторыя формы его,
 на *пр.* на *неопредѣленное* наклоненіе, ко-
 торое (какъ и въ церковномъ, Сербскомъ
 и Богемскомъ) оканчивается собственно на
ти; на *будущее* время нѣкоторыхъ глаго-
 ловъ, Порусски неупотребляющееся и со-
 ставленное въ подобіе церковнаго языка
 (ходиш — иму, — имешь, — име; ходиш
 — иметь, — имеше, — имушь). Въ чи-
 слѣ особенностей языка у меня упомянутъ
 и лаконизмъ его, о которомъ сочинитель
 замѣчанія говоритъ какъ о доводѣ, будшо
 бы его мнѣнія. Я могъ бы болѣе развить
 мимоходомъ сказанную мысль оную объ осо-
 бенности языка Малороссійскаго, еслибъ
 имѣлъ болѣе досуга на занятіе симъ пред-
 метомъ, который люблю я, какъ Малорос-
 сіянинъ любящій Исторію, Поэзію и все
 относящееся къ его родинѣ. Но я доволенъ
 буду и шѣмъ, если успѣлъ показашь начала,
 кои ненаименовавшійся сочинитель повшо-
 рилъ въ своемъ замѣчаніи и принимаешь ихъ
 въ основаніе особаго Разсужденія. Мнѣ пріятно
 будешь видѣть, если начашки мои ему,

или кому другому, послужають къ дальнѣйшимъ выводамъ и слѣдствіямъ, хотя, признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы можно было сказанныя особенности почестъ достаточными причинами къ заключенію, что на Малороссійское нарѣчіе должно смотрѣть какъ на остатокъ древняго языка нашихъ предковъ (р), какъ почитаетъ сочинитель замѣчанія. Еще менѣе ожидалъ я, чтобы можно было, пользуясь чьимъ либо мнѣніемъ, опшнимать оное у него, а ему приписывать то мнѣніе, которое онъ оприцаетъ, и слѣдствія, будто бы изъ сего имъ оприцаемаго мнѣнія происходящія.

М. Максимовичъ.

3 2044 019 514 603

